

Д Ж Е Й С О Н
Р Е К У Л И К

С К Р Ы Т Ы Е
К А Р Т И Н Х И

РОМАН

Отличная книга! Сюрпризы — это и правда сюрпризы, а еще есть
мощный сюжетный темп, который не позволяет вам оторваться,
не дочитав до самого конца. А какие потрясающие картинки!

СТИВЕН КИНГ

Annotation

Когда твое прошлое – груда развалин и ты, чудом выкарабкавшись из-под них, даже не представляешь себе, как жить дальше, едва ли стоит рассчитывать на то, что судьба преподнесет тебе роскошный подарок.

Однако с Мэллори Куин случилось именно это. Молодая спортсменка после тяжелой жизненной катастрофы получает идеальную возможность начать жизнь с чистого листа. Она теперь нянька при пятилетнем ребенке в красивом, тихом, уютном городке. Тедди – славный малыш, явно талантливый; он очень любит рисовать. Но с его рисунками происходит нечто мистическое: они становятся все более жуткими и сложными, и вот уже среди них сцена, изображенная как будто совсем не детской рукой: в лесу мужчина куда-то тащит безжизненное тело женщины. Что хотят сказать все эти картинки? Кто разговаривает через них? Заинтригованная и встревоженная, Мэллори пытается разгадать зловещую тайну...

Впервые на русском языке!

- [Джейсон Рекулик](#)

-
-
-
-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
-

Джейсон Рекулик

Скрытые картинки

Jason Rekulak

HIDDEN PICTURES

Copyright © 2022 by Jason Rekulak

Original artwork © 2022 by Will Staehle and Doogie Horner

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic, Inc. and The Van Lear Agency LLC All rights reserved

Иллюстрации Уилла Штеле и Дуги Хорнера

© И. А. Тетерина, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джейсон Рекулик – администратор-издатель и креативный директор «Quirk Books», независимого издательства, опубликовавшего множество бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», в том числе открывшего знаменитый бестселлер «Дом странных детей мисс Перегрин» Ренсома Риггза. Активный член Гильдии сценаристов США и Гильдии детективных писателей, Джейсон живет с семьей, детьми и многочисленными домашними питомцами в Филадельфии.

* * *

Отличная книга! Сюрпризы – это и правда сюрпризы, а еще есть мощный сюжетный темп, который не позволяет вам оторваться, не дочитав до самого конца. А какие потрясающие картинки!

Стив Кинг

Феерический финал заставляет грызть ногти от волнения. Паранормальное совершенство!

Booklist

Красивая, пугающая и на диво добрая проза.

Crime Reads

Умно, оригинально и дьявольски жутко. Сюжет – вершина мастерства.

Ренсом Риггз, автор романа «Дом странных детей мисс Перегрин»

Эту книгу вам долго не захочется убрать на полку – чтобы у ваших друзей был шанс заметить ее и получить такое же удовольствие.

Скотт Фрэнк, сценарист и режиссер, лауреат кинопремии «Оскар»

«Скрытые картинки» – не просто книга о приведениях. Это скальпель, который режет до самой кости наше надменное самодовольство.

Грейди Хендрикс

* * *

Посвящается Джулии

* * *

Несколько лет тому назад я от безденежья решила поучаствовать добровольцем в научном исследовании, которое проводил Пенсильванский университет. Приехав к назначенному времени в медицинский центр в кампусе в Западной Филадельфии, я очутилась в большой аудитории, битком набитой женщинами от восемнадцати до тридцати пяти лет. Стульев на всех не хватило, и я как пришедшая одной из последних вынуждена была, дрожа, сидеть прямо на полу. Всем участницам полагались бесплатный кофе и шоколадные пончики, по большому телевизору показывали «Цену удачи», однако большинство сидело, уткнувшись в телефоны. Атмосфера очень походила на зал ожидания в Отделе транспортных средств, за исключением того, что оплата у всех нас была почасовая, так что, похоже, никто не возражал против того, чтобы проторчать здесь хоть до самого вечера.

Вошла докторша в белом лабораторном халате. Она представилась то ли Сьюзен, то ли Стейси, то ли Самантой и сказала, что она аспирантка, участвующая в программе клинических исследований. Зачитав нам все традиционные правила и предупреждения, она напомнила, что оплата будет выдаваться в виде подарочных сертификатов «Амазона», а не чеками или наличными. Нашлись недовольные, мне же было все равно: мой бойфренд покупал у меня эти сертификаты из расчета восемьдесят центов за доллар, так что беспокоиться было не о чем.

Каждые несколько минут Сьюзен (по-моему, ее все-таки звали Сьюзен) вызывала по фамилии кого-то из списка в своем блокноте, и вызванная выходила из аудитории. Обратного никто не возвращался. Вскоре свободных стульев было хоть отбавляй, но я так и осталась сидеть на полу, опасаясь, что, если я шевельнусь, меня вырвет. Все тело ломало, меня бил озноб. Но в конце концов просочилась информация, что на входе никого не тестируют, а это значило, что никто не будет ни проверять мою мочу на наличие запрещенных препаратов, ни измерять мой пульс, ни делать ничего такого, из-за чего меня могли бы отсеять, так что я с чистой совестью закинула в рот таблетку оксикодона и рассасывала ее до тех пор, пока не растворилась желтая восковая облатка. Тогда я выплюнула ее содержимое на ладонь, растерла между пальцами и втянула ноздрями где-то примерно треть. Этого мне должно было хватить, чтобы очухаться. Остаток я завернула

в маленький квадратик фольги – на потом. После этого меня перестало колотить и жизнь снова стала сносной.

Часа примерно через два докторша наконец объявила: «Куинн? Мэллори Куинн?» – и я двинулась к ней между рядами стульев, волоча за собой по полу зимнюю куртку. Если Сьюзен и заметила, что я под кайфом, то ничего не сказала. Она просто уточнила мой возраст (девятнадцать) и дату рождения (третье марта), после чего сверила мои ответы с информацией у себя в блокноте. По всей видимости, я показалась ей достаточно вменяемой, потому что она повела меня за собой по лабиринту коридоров, пока мы наконец не очутились в маленькой комнатухе без окон.

Там на складных стульях, составленных в ряд, сидели пятеро молодых мужчин; все они смотрели в пол, так что лиц их мне было не видно. Но я решила, что это студенты-медики или практиканты, поскольку на всех были хирургические костюмы, темно-синие, с глубокими заломами, как будто их только что распаковали.

– Так, Мэллори, будьте добры, встаньте вот у этой стены, лицом к молодым людям. Да-да, вот тут, где крестик. А сейчас я расскажу вам, как все будет происходить, после чего мы завяжем вам глаза.

И тут я обратила внимание на то, что она держит в руках черную маску, вроде той, которую на ночь надевала моя мать, чтобы свет не мешал спать.

Сьюзен объяснила, что мужчины, которые сейчас смотрят в пол, в течение ближайших нескольких минут будут время от времени поднимать глаза и смотреть на мое тело. Моей задачей было поднимать руку, если я почувствую на себе «мужской взгляд». Руку я должна была держать поднятой до тех пор, пока будет длиться это ощущение, и опускать, как только оно исчезнет.

– Мы будем делать это на протяжении пяти минут, но, возможно, потом повторим эксперимент еще раз. У вас есть вопросы?

Меня разобрал смех.

– Ага, вы все тут что, «Пятидесяти оттенков серого» начитались? Потому что, если я правильно помню, это глава двенадцатая.

Это была попытка пошутить, чтобы разрядить обстановку, и Сьюзен из вежливости улыбнулась, однако никто из мужчин меня не слушал. Все листали свои блокноты и синхронизировали секундомеры. Атмосфера в кабинете была самая что ни на есть

деловая. Сьюзен надела маску мне на глаза и отрегулировала резинку так, чтобы нигде ничего не давило.

– Мэллори, так не туго?

– Угу.

– Ну что, вы готовы?

– Да.

– Тогда начинаем на счет три. Джентльмены, приготовьте ваши секундомеры. Раз, два, три!

Я чувствовала себя очень странно, неподвижно стоя в течение этих пяти минут с завязанными глазами и думая о том, что, возможно, парни сейчас пялятся на мою задницу или грудь. Не было слышно ни звука, ничего такого, что могло бы подсказать мне, что происходит. Но я определенно ощущала на себе их взгляды. Несколько раз я поднимала и опускала руку, и пять минут показались мне часом. После того как мы закончили, Сьюзен попросила меня повторить эксперимент, и мы снова проделали все то же самое. Потом она попросила меня повторить эксперимент в третий раз! И когда она наконец сняла с меня маску, все парни поднялись со своих мест и зааплодировали, как будто я только что получила «Оскар».

Сьюзен пояснила, что за неделю в эксперименте успели принять участие сотни женщин, но я стала первой, кто отвечал практически безошибочно и трижды угадывал взгляды с 97-процентной точностью.

Она сказала парням, чтобы сделали перерыв, после чего увела меня к себе в кабинет и принялась задавать вопросы. Каким образом я понимала, что мужчины на меня смотрят? А я не могла дать ей никакого внятного объяснения – я просто это понимала. Это было какое-то еле уловимое ощущение на грани восприятия – нечто вроде шестого чувства. Если вы сами испытывали нечто подобное, то наверняка поймете, что я имею в виду.

– Ну и потом еще этот звук.

Ее глаза расширились.

– Серьезно? Вы слышали какой-то звук?

– Иногда. Он совсем тонкий. Как комариный писк практически над самым ухом.

Сьюзен так стремительно схватилась за ноутбук, что едва его не уронила, и принялась что-то набирать, а потом спросила, не соглашусь ли я прийти еще раз через неделю, чтобы она могла провести

дальнейшие исследования. Я сказала, что за двадцать баксов в час готова ходить к ней сколько ее душе угодно. Я дала ей свой номер телефона, и она пообещала, что позвонит и скажет, когда приходить, но в тот же вечер я обменяла свой айфон на пять таблеток оксикодона, а никаких других моих контактов у нее не было, так что больше я никогда о ней не слышала.

Теперь, когда я избавилась от наркотической зависимости, у меня миллион сожалений – и проданный айфон среди них на последнем месте. Но иногда я вспоминаю тот эксперимент и задумываюсь. Я пыталась искать ту докторшу в Интернете, но я ведь даже не помню ее имени. Как-то раз я даже доехала на автобусе до университетского медицинского центра и попыталась отыскать ту аудиторию, но за это время кампус совершенно изменился: появилась куча новых зданий и все стало выглядеть по-другому. Я пробовала гуглить фразы вроде «обнаружение взгляда» и «восприятие взгляда», но все результаты говорят о том, что подобного феномена не существует в реальности: нет никаких доказательств того, что у кого-то есть «глаза на затылке».

И наверное, я смирилась с фактом, что никакого эксперимента на самом деле не было, что это всего лишь одно из множества ложных воспоминаний, ставших результатом моего пристрастия к оксикодону, героину и прочим наркотикам. Мой куратор Рассел утверждает, что ложные воспоминания для наркоманов дело обычное. Он говорит, что мозг наркомана «запоминает» приятные фантазии, чтобы не задерживаться на настоящих воспоминаниях – на всех тех постыдных вещах, которые мы делали, чтобы словить кайф, и на всех тех страданиях, которые мы причинили людям, любившим нас.

– Ну, ты сама-то себя послушай, – внушает мне Рассел. – Ты приезжаешь в кампус престижного университета Лиги плюща. Ты явно под кайфом, но никому нет до этого никакого дела. Тыходишь в помещение, где полно красивых молодых врачей. Они пятнадцать минут внимательно смотрят на твое тело, после чего устраивают тебе овацию! Ну серьезно, Куинн! Тут не нужно даже быть Зигмундом Фрейдом, чтобы понять, что к чему!

И наверное, он прав. Одна из самых сложных вещей в процессе реабилитации заключается в том, чтобы принять тот факт, что ты не можешь больше доверять своему мозгу. Наоборот, ты должен понять,

что твой мозг превратился в твоего злейшего врага. Он будет толкать тебя обратно на дурной путь, заглушать голос логики и здравого смысла и искажать самые дорогие твои воспоминания, превращая их в дикие фантазии.

И тем не менее есть вещи, которые являются непреложной истиной.

Меня зовут Мэллори Куинн, и мне двадцать один год.

Я на реабилитации вот уже восемнадцать месяцев и могу честно сказать, что не испытываю абсолютно никакого желания употреблять алкоголь и наркотики.

Я прошла программу «Двенадцать шагов» и вверила свою жизнь Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу. Библии прохожим на улицах я, конечно, не раздаю, но каждый день молюсь, чтобы Он помог мне удержаться на правильном пути, и пока что это работает.

Живу я на северо-западе Филадельфии, в «Спасительной гавани», финансируемом городом приюте для женщин на заключительных стадиях реабилитации. Все его обитательницы уже значительно продвинулись по пути исправления, делом доказали свою приверженность здоровому образу жизни и заслужили множество послаблений. Мы сами покупаем продукты, готовим себе еду и не обязаны подчиняться большей части строгих правил.

С понедельника по пятницу я работаю помощником воспитателя в детском саду «У тетушки Бекки», расположенном в кишасем мышами жиллом доме, куда ходят шестьдесят маленьких воспитанников от двух до пяти лет. Большую часть дня я занята тем, что меняю им подгузники, раздаю крекеры и включаю «Улицу Сезам». После работы я отправляюсь на пробежку, а затем либо иду на собрание «Анонимных наркоманов», либо просто остаюсь в «Спасительной гавани» со своими соседками, и мы вместе смотрим фильмы вроде «Уплывая в любовь» или «Навсегда в моем сердце» на канале «Холлмарк». Можете смеяться, если хотите, но я гарантирую вам, что ни в одном фильме канала «Холлмарк» вы не увидите проститутку, которая вдыхает дорожки из белого порошка. Потому что не нужно, чтобы такие образы отпечатывались в моем мозгу.

Рассел согласился курировать меня, потому что раньше я занималась бегом, а он долгое время тренировал спринтеров. Рассел был вторым тренером сборной США на летней Олимпиаде 1988 года.

Потом он готовил команды Арканзасского университета и Стэнфорда к студенческим чемпионатам по легкой атлетике. А совсем потом он, находясь за рулем своей машины, под воздействием метамфетаминов насмерть сбил своего соседа. Отсидев пять лет за непредумышленное убийство, Рассел вышел на свободу и впоследствии стал священником. Сейчас он курирует одновременно пятерых или шестерых завязавших наркоманов, в большинстве своем таких же бывших спортсменов, как и я.

Рассел вдохновил меня снова начать тренироваться (он называет это «бегом к выздоровлению») и каждую неделю составляет для меня индивидуальный план тренировок, в котором бег на длинные дистанции и спринтерские пробежки по берегу реки Скулкилл перемежаются силовыми упражнениями в спортзале Ассоциации Христианской молодежи. Расселу шестьдесят восемь, вместо тазобедренного сустава у него титановый протез, но он до сих пор отжимает двести фунтов, а по субботам и воскресеньям выходит вместе со мной на тренировку, корректируя мою технику и подбадривая меня. Он не устает напоминать, что у бегуний пик формы наступает не раньше тридцати пяти, так что лучшие мои годы еще впереди.

Также он убеждает меня в необходимости подумать о своем будущем – начать жизнь с чистого листа, в новом окружении, подальше от старых друзей и старых привычек. Поэтому он организовал мне собеседование с Тедом и Каролиной Максвелл, друзьями его сестры, которые не так давно переехали в городок Спрингбрук в Нью-Джерси. Они подыскивают няню для своего пятилетнего сына Тедди.

– Они только что вернулись в Штаты из Барселоны. Отец занимается компьютерами. Или бизнесом? Чем-то таким, что приносит хорошие деньги, забыл подробности. В общем, они переехали, чтобы Тедди – который сын, не отец, – мог осенью пойти в школу. В подготовительный класс. Так что пока они берут тебя до сентября. Но если все срастется, кто знает, может, они оставят тебя на постоянку.

Рассел настаивает на том, чтобы отвезти меня на собеседование. Он из тех людей, которые всегда одеты так, как будто собрались в тренажерный зал, даже когда не собираются тренироваться. Сегодня на нем черный адидасовский спортивный костюм с белыми лампасами.

Мы едем на его внедорожнике по мосту Бена Франклина, по левой полосе, обгоняя попутные машины. Я вцепляюсь в ручку на потолке и утыкаюсь взглядом в колени, стараясь держать себя в руках. Не люблю машины. Всюду, куда мне нужно, я добираюсь на автобусе или на метро, и это первый раз почти за год, когда я куда-то выезжаю за пределы Филадельфии. Ехать нам всего десять миль, но у меня такое чувство, как будто я лечу на Марс.

– В чем дело? – спрашивает Рассел.

– Ни в чем.

– Ты напряжена, Куинн. Расслабься.

Но как тут расслабишься, когда мимо нас справа проносится громадный междугородний автобус? Прямо-таки «Титаник» на колесах; кажется, если я высуну из окна руку, я смогу до него дотронуться. Я жду, пока автобус проедет, чтобы можно было говорить, не перебивая рев его двигателя.

– А мама?

– Каролина Максвелл. Она врач в госпитале при Министерстве по делам ветеранов. Где работает моя сестра Дженни. Через нее я про их семью и узнал.

– Что ей про меня известно?

Он пожимает плечами.

– Ей известно, что ты не употребляешь уже восемнадцать месяцев. И что я могу дать тебе высочайшие профессиональные рекомендации.

– Я не это имею в виду.

– Не переживай. Я рассказал ей всю твою историю, и ей не терпится познакомиться с тобой лично. – На лице у меня, видимо, отражается скепсис, потому что Рассел продолжает меня убеждать. – Эта женщина работает с алкоголиками и наркоманами. И ее пациенты – ветераны боевых действий, я имею в виду «Морских котиков», травмированных на всю голову после Афгана. Не пойми меня неправильно, Куинн, но по сравнению с ними твоя история – детский лепет.

Какой-то придурок выбрасывает из окна своего джипа пластиковый пакет с мусором; увернуться нам некуда, так что мы налетаем на него колесом на скорости шестьдесят миль в час. Слышится громкий треск лопающегося стекла. Как будто взорвалась

бомба. Рассел как ни в чем не бывало тянется к регулятору кондиционера, и в салоне делается немного попрохладнее. Я разглядываю собственные колени до тех пор, пока рев двигателя не становится тише и я не ощущаю, что мы начинаем съезжать со скоростной трассы.

Спрингбрук – один из тех мелких городков на юге Нью-Джерси, которые ведут свою летопись со времен Американской революции. Он застроен старыми домами в колониальном и викторианском стиле, над дверьми которых вывешены американские флаги. Асфальт на улицах идеально ровный, без выбоин, тротуары выглядят безупречно. Нигде ни намека на мусор.

Мы останавливаемся на светофоре, и Рассел опускает боковые стекла.

– Ты слышишь? – спрашивает он.

– Я вообще ничего не слышу.

– Вот именно. Тут очень тихо. Идеальное место для тебя.

Загорается зеленый, и мы едем вдоль растянувшихся на три квартала магазинов и ресторанов: тут тебе и тайское заведение, и смузи-бар, и веганская кондитерская, и детский сад для собак, и студия йоги. А еще детская «Математическая гимназия» и небольшой книжный магазинчик с кофейней внутри. Ну и, разумеется, «Старбакс», все столики перед которым заняты подростками, уткнувшимися в свои айфоны. Выглядят они как дети с рекламы: в яркой одежде и новенькой обуви.

Потом Рассел сворачивает на боковую улочку, и мы едем мимо одного идеального дома за другим. По обеим сторонам дороги высятся величественные деревья, которые отбрасывают густую тень на тротуары и наполняют квартал яркой зеленью. Там и сям на обочине стоят знаки, на которых крупными буквами написано: «ТУТ ЖИВУТ ДЕТИ – СНИЗЬТЕ СКОРОСТЬ!», а когда мы подъезжаем к четырехстороннему перекрестку, улыбающийся регулировщик-волонтер в неоновом жилете делает нам знак проехать. Все до последней мелочи здесь такое невообразимо идеальное, что кажется, как будто мы очутились в декорациях к какому-нибудь кинофильму.

Наконец Рассел сворачивает к обочине и останавливается в тени плакучей ивы.

– Ну, Куинн, ты готова?

– Не знаю.

Я отгибаю солнцезащитный козырек на лобовом стекле и смотрюсь в зеркальце. По совету Рассела я оделась как вожатая летнего лагеря: на мне зеленая футболка с круглым вырезом, шорты и безусловно-белые кеды. Еще совсем недавно у меня были волосы до талии, но не далее как вчера я остригла их и пожертвовала на парики для онкологических больных. Теперь на голове у меня короткий черный «боб», и я с трудом себя узнаю.

– У меня для тебя два бесплатных совета, – говорит Рассел. – Во-первых, обязательно скажи им, что их ребенок одаренный.

– Откуда я могу это знать?

– Это не имеет никакого значения. В этом городе все дети одаренные. Просто найди способ вернуть это в разговоре.

– Ясно. А второй совет какой?

– Ну, если собеседование пройдет плохо или тебе покажется, что они колеблются, ты всегда можешь предложить им вот это.

Он открывает бардачок и показывает пакетик, который мне страшно не хочется вносить в этот дом.

– Ох, Рассел, я даже не знаю.

– Не отказывайся, Куинн. Отнесись к этому как к козырю в рукаве. Ты не обязана его выкладывать, но он может тебе пригодиться.

За время моего пребывания в реабилитационном центре я наслушалась достаточно историй, чтобы понимать, что он, наверное, прав. Я с неохотой беру пакетик и поглубже запихиваю в сумку.

– Ладно, – говорю я ему. – Спасибо, что подвезли.

– Слушай, я подожду тебя в «Старбаксе». Позвони мне, как закончишь, и я отвезу тебя обратно.

Я настаиваю, что это излишне и что я прекрасно могу вернуться обратно в Филадельфию на поезде, а Рассел пускай едет домой, пока на дорогах еще нет пробок.

– Ладно, но ты все равно позвони мне, как закончишь, – говорит он. – Я хочу услышать все подробности, ясно?

Едва я выхожу из машины, как на меня обрушивается послеполуденная июньская жара. Рассел, просигналив на прощание, уезжает, и я понимаю, что пути назад нет. Дом Максвеллов представляет собой классический трехэтажный викторианский особняк, обшитый желтым сайдингом и украшенный белой деревянной резьбой. Весь первый этаж опоясывает просторная терраса, на которой расставлены плетеная мебель и вазоны с желтыми бегониями и маргаритками. С задней стороны участок граничит с лесом – или это какой-то парк? – так что птицы оглушительно поют на всю улицу, а насекомые деловито жужжат, гудят и стрекочут.

Я прохожу по выложенной каменными плитами дорожке, поднимаюсь на крыльцо и звоню в дверь. Открывает маленький мальчик. У него огненно-рыжие волосы, которые стоят торчком. Он напоминает мне тролля из одноименного фильма.

Я опускаюсь на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

– Ты, наверное, Тедди?

Мальчик застенчиво улыбается вместо ответа.

– Я Мэллори Куинн. А твоя ма...

Он разворачивается и, ни слова не говоря, убегает по лестнице на второй этаж.

– Тедди?

Я не очень понимаю, что делать. Передо мной небольшая прихожая и коридор, ведущий вглубь дома, в кухню. Слева столовая, справа гостиная. Повсюду роскошный сосновый паркет. Воздух в доме свежий, кондиционированный, с легкой ноткой запаха мастики, как будто кто-то только что натирал полы. Вся обстановка выглядит современной и абсолютно новой, как будто ее только что доставили из шоурума дизайнерской мебели.

Я жму на кнопку звонка, но она не издает ни звука. Я нажимаю ее еще трижды – безрезультатно.

– Прошу прощения?

В глубине дома, в кухне, я вижу чей-то силуэт. Женщина оборачивается на мой голос.

– Мэллори? Это вы?

– Да! Здравствуйте! Я пыталась звонить в дверь, но...

– Да-да, я знаю, извините. Надо вызвать мастера.

Прежде чем я успеваю задаться вопросом, как Тедди узнал о моем приближении, женщина выходит из кухни мне навстречу. Я в жизни своей не видела такой грациозной походки – она передвигается бесшумно, как будто ноги ее едва касаются пола. Она высокая и стройная, со светлыми волосами, бледной кожей и изящными чертами лица, которое кажется слишком нежным для этого мира.

– Я Каролина.

Я протягиваю ей руку, но она внезапно обнимает меня. Она из тех людей, которые излучают теплоту и сострадание, и держит меня в объятиях на мгновение дольше, чем это необходимо.

– Я так рада, что вы пришли. Рассел все мне о вас рассказал. Он очень высокого о вас мнения. Вы в самом деле не употребляете уже восемнадцать месяцев?

– Восемнадцать с половиной.

– Невероятно! И это после всего, что вам пришлось пережить? Просто поразительно. Вы имеете полное право собой гордиться.

Я боюсь расплакаться, поскольку совершенно не ожидала, что она с ходу заговорит о моем прошлом, едва я успела переступить порог ее дома. Но в то же время лучше уж сразу покончить с этим, выложить все карты на стол.

– Это было непросто, но с каждым днем становится все легче и легче.

– Именно так я и говорю своим пациентам. – Она отступает на шаг назад, с ног до головы окидывает меня взглядом и улыбается. – Нет, вы только поглядите! Вы выглядите совершенно здоровой, вы просто светитесь!

В доме царит приятная прохлада – истинное наслаждение после удушливой жары на улице. Я иду следом за Каролиной мимо лестницы на второй этаж в кухню. Светлая и просторная, она выглядит как съемочная площадка какого-нибудь кулинарного телешоу. Тут тебе и большой холодильник, и холодильник поменьше, и газовая плита с восемью конфорками. Прямоугольная раковина такой ширины, что требует двух отдельных кранов, а счет ящиков и шкафчиков всех мыслимых и немыслимых форм и размеров идет на десятки.

Каролина открывает крошечную дверцу, и я понимаю, что есть еще и третий холодильник, миниатюрный, набитый охлажденными напитками.

– Так, у нас тут есть минералка, кокосовая вода, холодный чай...

– Мне минералки, если можно. – Я поворачиваюсь к широкому панорамному окну, выходящему на задний двор. – У вас очень красивая кухня.

– Просто огромная, правда? Слишком большая для троих. Но мы влюбились в этот дом, так что ничего другого искать не стали. Прямо за домом начинается парк, вы заметили? Тедди обожает бегать по лесу и шуметь вовсю.

– Наверное, это весело.

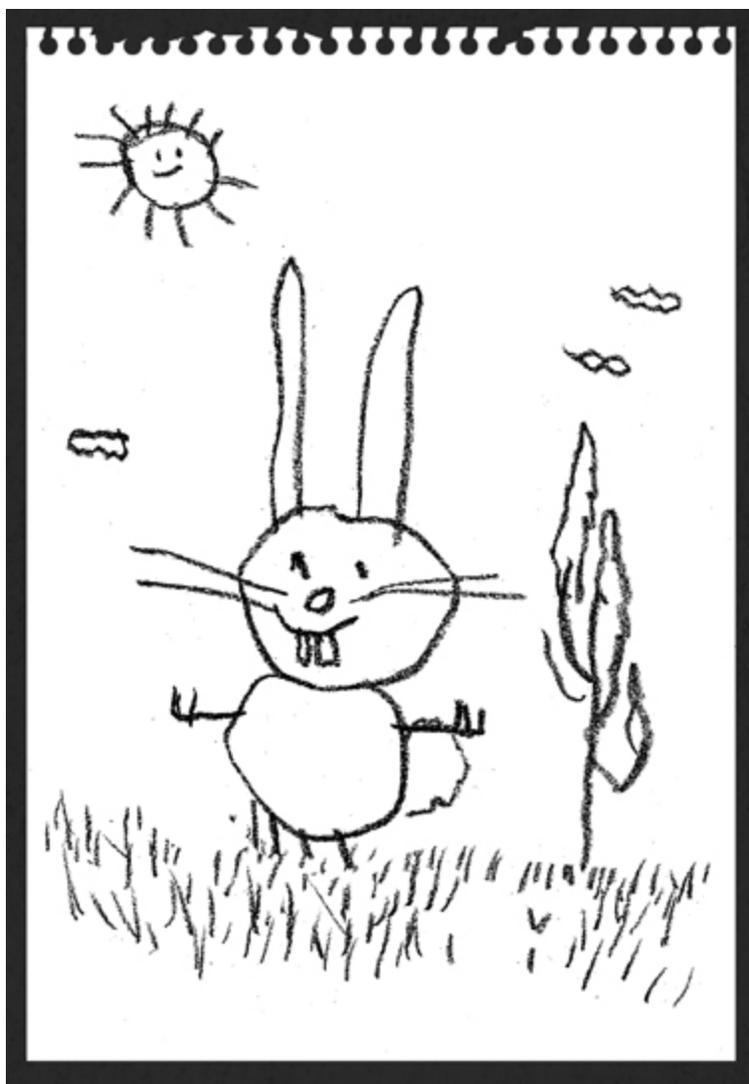
– Но нам приходится постоянно осматривать его, не подцепил ли клещей. Прямо хоть блошинный ошейник ему покупай.

Каролина подносит стакан к генератору льда, раздается нежный перезвон – словно ветер играет китайскими колокольчиками у нее на крыльце, – и в стакан сыплются ледяные кристаллики. У меня такое чувство, как будто я стала свидетельницей какого-то волшебства. Каролина наливает в стакан шипящую минералку и протягивает мне.

– Может, сэндвич? Или еще что-нибудь?

Я отрицательно качаю головой, но Каролина все равно открывает дверцу большого холодильника, до отказа забитого самыми разнообразными продуктами. Тут и бутылки с натуральным и соевым молоком, и картонные коробки с коричневыми яйцами от куриц, которых никогда не держали в клетках, и пластиковые ведерки с песто, хумусом и пико-де-гайо. Головки сыра соседствуют с кефиром и сетками с сочной зеленью. А фрукты! Гигантские пластиковые контейнеры с клубникой, черникой, малиной и ежевикой, дыня мускусная и дыня медовая! Достав пакет с мини-морковью и ведерко хумуса, Каролина локтем захлопывает холодильник. На дверце висит листок с коряво и неумело нарисованным детской рукой зайчиком. Я спрашиваю, не Тедди ли автор рисунка, и Каролина кивает.

– Всего-то полтора месяца в этом доме, а он уже намекает, что неплохо бы завести какое-нибудь животное. Я сказала ему, что сначала нужно до конца разобрать вещи.

– Он у вас, похоже, одаренный ребенок, – замечаю я осторожно, опасаясь, что мои слова прозвучат неискренне, что я перегнула палку.

Но Каролина со мной соглашается!

– О, определенно. Он заметно опережает в развитии своих сверстников. Все это говорят.

Мы усаживаемся за небольшим столиком в уголке, и она протягивает мне лист бумаги.

– Мой муж распечатал основные принципы, которых мы придерживаемся в нашем доме. Ничего особенно из ряда вон выходящего, но лучше сразу расставить все точки над «і».

ПРАВИЛА ДОМА

1. Никаких наркотиков.

2. Никакого алкоголя.
3. Никакого табака.
4. Никакого сквернословия.
5. Никаких гаджетов.
6. Никакого красного мяса.
7. Никакой нездоровой еды.
8. Никаких гостей без разрешения.
9. Никаких фотографий Тедди в соцсетях.
10. Никакой религии и суеверий. Мы верим в науку.

Под распечатанным на принтере перечнем изящным женским почерком приписано одиннадцатое правило:

Главное – чтобы всем было весело! ☺

Каролина принимается извиняться за эти правила еще до того, как я успеваю их дочитать:

– За выполнением пункта номер семь мы следим не слишком строго. Если вы захотите испечь капкейков или купить Тедди мороженое, ничего страшного. Главное – никакой газировки. И мой муж настоял на десятом пункте. Он инженер. Работает в информационных технологиях. Так что наука очень важна для нашей семьи. Мы не молимся и не отмечаем Рождество. И не употребляем выражений вроде «Слава богу» и «Не дай бог».

Она произносит все это извиняющимся тоном, и я перехватываю взгляд, который она бросает на крохотный золотой крестик у меня на груди – подарок матери на Первое причастие. Я заверяю Каролину, что с соблюдением этих правил у меня не будет никаких затруднений.

– Религия Тедди – ваше дело, а не мое. Моя задача – обеспечить ему комфортную, безопасную и развивающую среду.

Каролина, похоже, испытывает облегчение.

– И главное – это чтобы всем было весело, да? Это правило номер одиннадцать. Так что, если вы решите куда-нибудь выбраться, в музей или в зоопарк, я с радостью все оплачу.

Мы еще некоторое время обсуждаем работу и связанные с ней обязанности, но личных вопросов Каролина мне почти не задает. Я рассказываю ей, что выросла в южной части Филадельфии, на Шанк-стрит, чуть севернее стадионов. Мы жили втроем с мамой и младшей сестрой, и я вечно нянчилась со всеми соседскими детьми. Училась я в школе «Централ хай» и как раз получила полную спортивную

стипендию на обучение в Пенсильванском университете, когда моя жизнь полетела под откос. Все прочее, видимо, поведал Каролине Рассел, потому что она не заставляет меня пересказывать все заново.

Вместо этого она говорит просто:

– Может, пойдем найдем Тедди? Посмотрим, как вы друг с другом поладите.

К кухне примыкает кабинет – уютная, неформальная семейная комната, обстановка которой состоит из большого дивана, ящика с игрушками и лохматого ковра. Стены заставлены стеллажами с книгами и увешаны афишами нью-йоркской Метрополитен-оперы в рамках – «Риголетто», «Паяцы» и «Травиата». Каролина поясняет, что это три любимые оперы ее мужа и что до появления Тедди они постоянно ходили на них в Линкольн-центр.

Малыш лежит на ковре с альбомом на пружинках и простым карандашом. При виде меня он вскидывает глаза, и на лице его на мгновение мелькает озорная улыбка, после чего он немедленно возвращается к своему занятию.

– Ну, привет еще раз. Ты рисуешь картинку?

Он преувеличенно пожимает плечами. Все еще стесняется со мной разговаривать.

– Котенок, – вмешивается Каролина. – Мэллори задала тебе вопрос.

Он снова пожимает плечами, потом почти утыкается носом в свой рисунок, как будто пытается скрыться внутри. И тянется за карандашом левой рукой.

– О, я вижу, ты левша! – говорю я ему. – И я тоже!

– Среди мировых лидеров множество левшей, – сообщает Каролина. – Барак Обама, Билл Клинтон, Рональд Рейган – все они левши.

Тедди разворачивается таким образом, чтобы я не могла заглянуть ему через плечо и увидеть, что он рисует.

– Ты напоминаешь мне мою младшую сестру, – говорю я ему. – Когда она была в твоём возрасте, она тоже очень любила рисовать. У нее была огромная пластиковая корзина с восковыми мелками.

Каролина наклоняется и вытаскивает из-под дивана огромную пластиковую корзину с восковыми мелками.

– Такая?

– В точности!

Она весело смеется.

– Знаете, что забавно? Все время, пока мы жили в Барселоне, Тедди даже не прикасался к карандашам. Мы покупали ему фломастеры, пальчиковые краски, акварель – он не выказывал ни малейшего интереса к рисованию. Но стоило нам переехать обратно в Штаты и поселиться в этом доме, как он внезапно превратился в Пабло Пикассо. Теперь он рисует как одержимый.

Каролина поднимает столешницу кофейного столика, и я обнаруживаю, что под ней скрывается что-то вроде ящика для хранения. Она достает оттуда кипу бумаги в дюйм толщиной.

– Мой муж смеется надо мной из-за того, что я храню все подряд, но я просто ничего не могу с собой поделать. Хотите взглянуть?

– Конечно.

Тедди замирает на полу с карандашом в руке. Все его тело каменеет. Я вижу, что он внимательно слушает и ждет моей реакции.

– О, вот этот, самый первый, просто прелесть, – говорю я Каролине. – Это лошадка?

– Да, думаю, да.

– Нет, нет, нет! – восклицает Тедди, вскакивая на ноги и подходя ко мне. – Это козлик, потому что на голове у него рога, видишь? И борода. У лошадок не бывает бороды.

Он облокачивается о мои колени и переворачивает лист, показывая мне следующий рисунок.

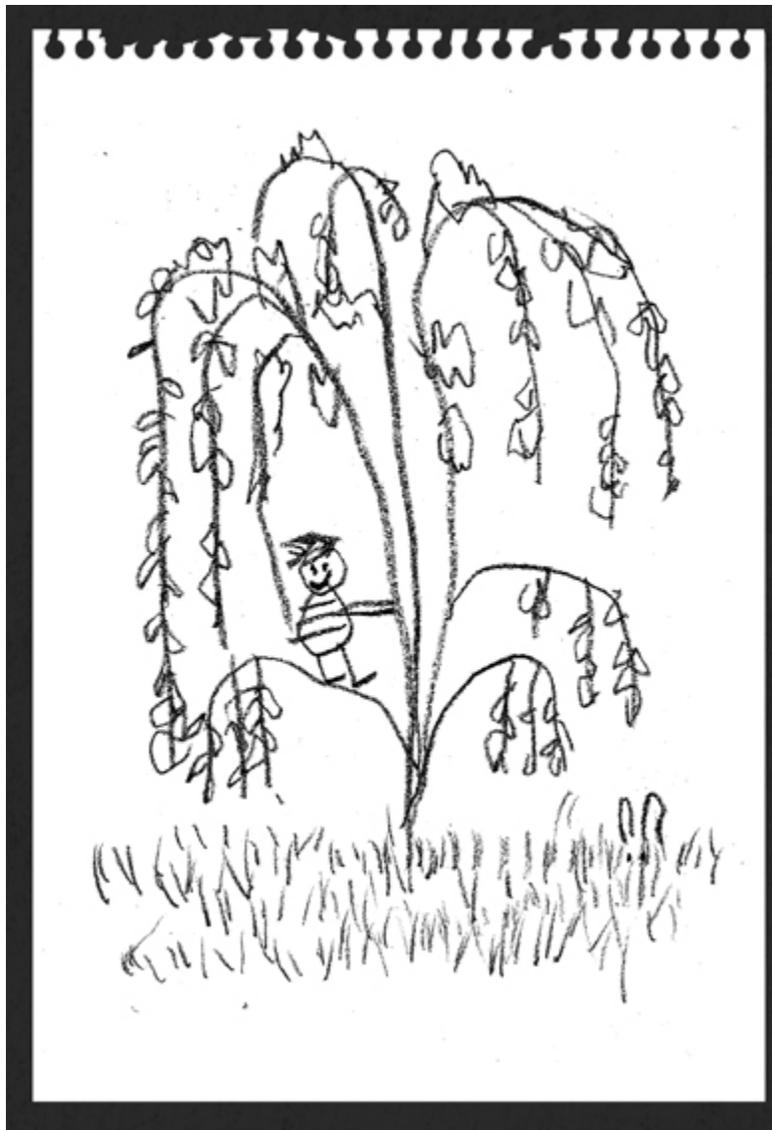
– А это плакучая ива у вас перед домом?

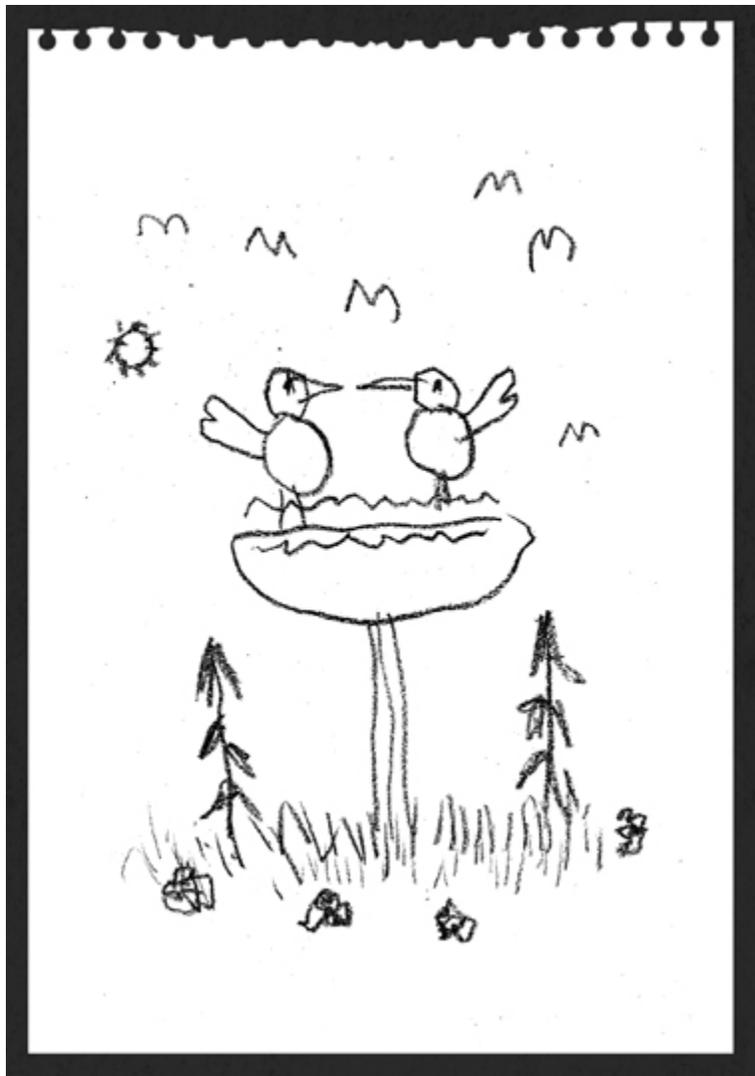
– Да, правильно. Если на нее забраться, можно увидеть птичье гнездо.

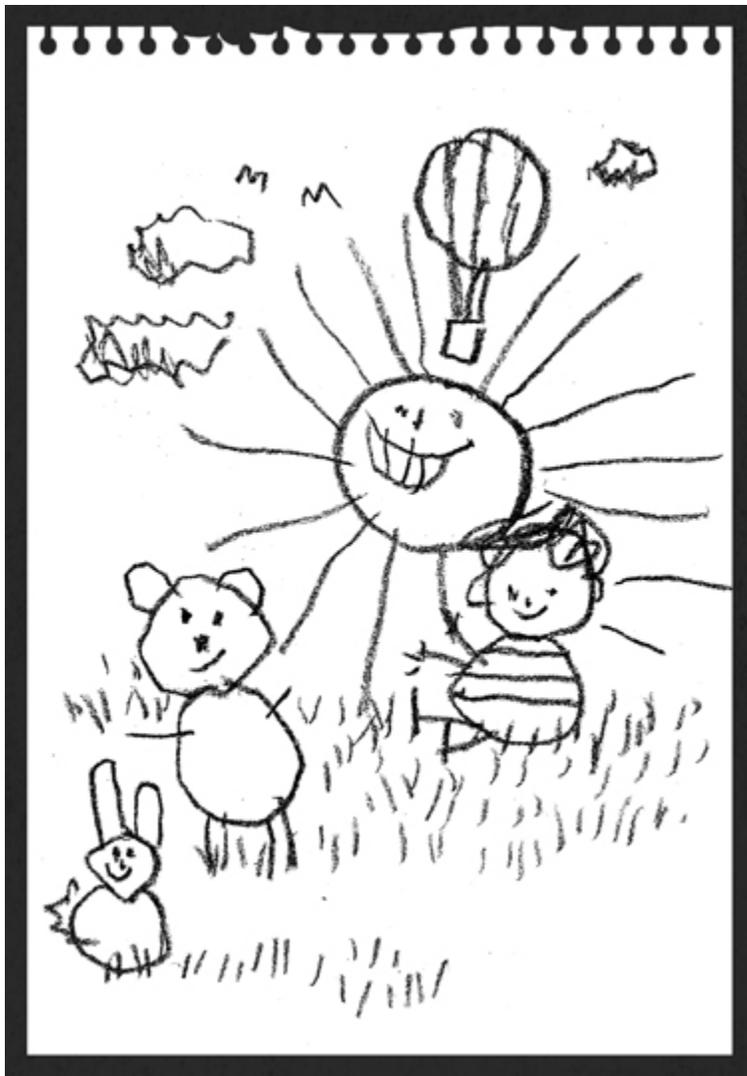
Я переворачиваю листок за листком, и вскоре Тедди расслабляется в моих объятиях, положив голову мне на грудь. У меня такое чувство, как будто я баюкаю большого щенка. Он теплый и пахнет свежестыранной одеждой. Каролина сидит в сторонке, молча наблюдая за нашим общением, и мне кажется, что она довольна.

На картинках нет ничего необычного – разные зверюшки, улыбающиеся человечки, солнышки, какие рисуют все дети. Тедди внимательно наблюдает за моей реакцией на каждую и впитывает мои похвалы как губка.

Последняя картинка, похоже, становится для Каролины неожиданностью.

– Я же собиралась ее убрать, – говорит она, но теперь у нее нет другого выбора, кроме как объясниться. – Это Тедди и его... э-э... особенная подружка.

– Аня, – добавляет Тедди. – Ее зовут Аня.

– Да, Аня. – Каролина подмигивает мне, чтобы я подыграла. – Мы все любим Аню, потому что она играет с Тедди, пока мама с папой на работе.

Я понимаю, что Аня, должно быть, что-то вроде воображаемой приятельницы Тедди, и судорожно пытаюсь придумать, что бы такое

сказать.

– Здорово, наверное, иметь такую подружку, как Аня. В особенности когда ты маленький мальчик в новом городе и у тебя пока не было возможности подружиться с другими ребятами.

– Совершенно верно! – Каролина явно рада, что я так быстро вникла в ситуацию. – Все именно так и обстоит.

– А сейчас Аня здесь? Она в комнате вместе с нами?

Тедди обводит кабинет взглядом.

– Нет.

– А где она?

– Я не знаю.

– Но сегодня вечером ты с ней увидишься?

– Я вижу с ней каждый вечер, – сообщает Тедди. – Она спит у меня под кроватью, чтобы я мог слышать, как она поет.

Тут в прихожей щелкает замок, и я слышу, как открывается, а потом закрывается входная дверь.

– Эй, а где все? – раздается мужской голос.

– Мы в кабинете! – откликается Каролина и смотрит на Тедди. – Папа пришел!

Тедди спрыгивает с моих коленей и бежит встречать отца, и я возвращаю рисунки Каролине.

– Да, рисунки у него... любопытные.

Она со смехом качает головой.

– Он не одержимый, честное слово. Это просто фаза развития. К тому же у многих детей есть воображаемые друзья. Мои коллеги-педиатры говорят, что это совершенно обычная вещь.

Тон у нее смущенный, и я спешу заверить ее, что это, разумеется, совершенно нормально:

– Это все наверняка из-за переезда. Он выдумал ее, чтобы ему было с кем играть.

– Если бы она еще не выглядела так жутко. Такое на холодильник не повесишь. – Каролина переворачивает рисунок лицом вниз и засовывает в середину стопки. – Но я уверена, Мэллори, что, как только вы начнете здесь работать, он и думать про нее забудет. Ему будет просто не до нее!

Мне нравится, как она это говорит – таким тоном, как будто собеседование окончено, я уже получила эту работу и теперь мы

просто обговариваем все детали.

– Уверена, на площадках здесь куча ребятишек, – говорю я ей. – Я позабочусь о том, чтобы Тедди к началу школы успел обзавестись настоящими друзьями.

– Отлично, – подытоживает Каролина. Из коридора доносятся шаги, направляющиеся в нашу сторону, и она наклоняется ко мне. – Я хочу предупредить вас насчет моего мужа. Его настораживает ваша история. Из-за наркотиков. Так что он будет выискивать предлоги, чтобы отказать вам. Но не переживайте.

– И что я должна...

– Да, и зовите его мистер Максвелл. Не Тед. Ему это не понравится.

Не успеваю я спросить, что все это значит, как Каролина отстраняется и входит ее муж, неся на бедре улыбающегося во весь рот Тедди. Тед Максвелл старше, чем я ожидала, лет на десять-пятнадцать старше своей жены, высокий и подтянутый, седой, в очках с темной оправой и с бородой. На нем дизайнерские джинсы, стоптанные «оксфорды» и спортивный пиджак поверх футболки с треугольным вырезом – наряд, который при всей своей мнимой небрежности стоит раз в десять больше, чем может показаться на первый взгляд.

Каролина приветствует мужа поцелуем.

– Милый, это Мэллори.

Я поднимаюсь и пожимаю ему руку.

– Здравствуйте, мистер Максвелл.

– Прошу прощения за задержку. Возникли непредвиденные дела на работе. – Они с женой переглядываются, и в меня закрадывается подозрение, что непредвиденные дела у него на работе возникают слишком уж часто. – Как проходит собеседование?

– Очень хорошо, – отвечает Каролина.

– Очень-очень хорошо! – восклицает Тедди. Вывернувшись из отцовских объятий, он забирается обратно ко мне на колени, как будто я Санта-Клаус и он намеревается перечислить мне все до единого пункты из своего списка рождественских подарков. – Мэллори, а ты любишь играть в прятки?

– Я обожаю играть в прятки! – заверяю я его. – В особенности в больших старых домах с кучей комнат.

– Это же про нас! – Широко распахнув глаза, Тедди обводит кабинет изумленным взглядом. – У нас большой старый дом! С кучей комнат!

Я легонько стискиваю его в объятиях.

– То что надо!

Теду, похоже, такое направление разговора приходится не очень по душе. Он берет сына за руку и осторожно снимает его с моих колен.

– Послушай, приятель, это собеседование. Очень серьезный взрослый разговор. Маме с папой нужно задать Мэллори кое-какие важные вопросы. Так что беги-ка ты пока наверх, ладно? Пойди поиграй в легио или...

– Милый, мы уже все обговорили, – перебивает мужа Каролина. – Я хотела показать Мэллори наш гостевой домик.

– У меня тоже есть вопросы. Дай мне пять минут.

Тед легонько подталкивает сына в сторону двери, потом расстегивает пиджак и усаживается напротив меня. Я обнаруживаю, что он вовсе не такой уж подтянутый, как мне показалось, у него небольшое брюшко, но лишний вес ему даже к лицу. Вид у него холеный.

– Вы не захватили с собой резюме?

Я отрицательно качаю головой.

– Извините.

– Без проблем. У меня где-то должна быть распечатка.

Он расстегивает свой портфель и, достав пухлую картонную папку, принимается рыться в бумагах. Я понимаю, что все это письма и резюме других кандидаток. Их там, наверное, штук пятьдесят.

– Ага, вот оно. Мэллори Куинн.

Он вытаскивает из пачки мое резюме, и я вижу, что оно пестрит рукописными пометками.

– Значит, вы окончили школу «Централ хай», но в колледж не пошли?

– Пока нет, – отвечаю я.

– Идете этой осенью?

– Нет.

– Тогда весной?

– Нет, но очень надеюсь, что в самом скором времени, как только смогу.

Тед пробегает глазами мое резюме, потом прищуривается и склоняет голову набок, как будто что-то вызвало у него замешательство.

– Тут ничего не упомянуто о том, какой иностранный язык вы знаете.

– Никакой, извините. Если, конечно, не считать за иностранный язык южнофиладельфийский сленг. «Эй, ребзики, морожко будете?»

Каролина смеется.

– Это очень остроумно!

Тед молча ставит на моем резюме маленький черный крестик.

– А на каких-нибудь музыкальных инструментах играете? На пианино или на скрипке?

– Нет.

– Изобразительное искусство? Живопись, графика, скульптура?

– Нет.

– Путешествовали много? За границей бывали когда-нибудь?

– Мы ездили в Диснейленд, когда мне было десять.

Он помечает мое резюме еще одним черным крестиком.

– А теперь вы работаете у вашей тетушки Бекки?

– Она не моя тетушка. Это просто название детского сада.

Тед проглядывает свои пометки.

– Да-да, точно, теперь припоминаю. Они берут на работу бывших наркоманов. Вы не в курсе, сколько штат платит им за ваше трудоустройство?

Каролина сводит брови:

– Милый, какое это имеет значение?

– Мне просто любопытно.

– Я не против ответить, – говорю я ей. – Штат Пенсильвания платит треть моей ставки.

– А нам придется платить все целиком из своего кармана, – замечает Тед и записывает на полях моего резюме цифры, производя какие-то замысловатые подсчеты.

– Тед, у тебя остались еще вопросы? – спрашивает Каролина. – Мэллори уже давно тут сидит. А я еще хотела показать ей наш задний двор.

– Нет, вопросов больше нет, – отзывается ее муж. – Я выяснил все, что хотел.

Я против воли отмечаю, что он перекладывает мое резюме в самый низ стопки.

– Приятно было с вами познакомиться, Мэллори. Спасибо, что заехали.

– Не обижайтесь на Теда, – говорит мне Каролина несколько минут спустя, когда мы через раздвижные стеклянные двери выходим из кухни во дворик. – Мой муж очень умный человек. Во всем, что касается компьютеров, он гений. Но с социальным интеллектом у него швах. Он говорит, что бывших наркоманов не бывает, и считает, что взять вас на работу было бы слишком рискованно. По его мнению, идеальная кандидатура – это как минимум круглая отличница из Пенсильванского университета. Но я уговорю его, что вы заслуживаете того, чтобы дать вам шанс. Не переживайте.

У Максвеллов огромный задний двор с ухоженной зеленой лужайкой, обсаженной по периметру высокими деревьями и кустами, и с раскиданными там и сям яркими цветочными клумбами. Центр двора занимает роскошный бассейн, вокруг которого расставлены шезлонги и зонтики, прямо как в каком-нибудь казино в Лас-Вегасе.

– Какая красота!

– Наш личный оазис, – говорит Каролина. – Тедди очень любит здесь играть.

Мы идем по лужайке. Трава упруго пружинит под ногами, точно поверхность трамплина. Каролина указывает на тоненькую тропку, тянущуюся вдоль края двора, и говорит, что она ведет в Хайденс-глен – заповедный парк площадью в триста акров, испещренный пешеходными дорожками и ручьями.

– Мы не разрешаем Тедди ходить туда одному – из-за ручьев. Но вы можете водить его туда сколько захотите. Только осторожнее с ядовитым плющом.

Мы почти пересекли двор, когда я наконец заметила гостевой коттедж: полускрытый за деревьями, он выглядит так, будто лес приготовился поглотить его. Сам коттедж напомнил мне пряничный домик из сказки про Гензеля и Гретель – это миниатюрное шале с грубой дощатой обшивкой и двускатной крышей. Мы поднимаемся по трем ступенькам на крохотное крыльцо, и Каролина отпирает входную дверь.

– Прошлые хозяева хранили здесь газонокосилку. Использовали его вместо сарая. Но я отремонтировала и обставила его для вас.

Внутри обнаруживается всего одна комнатка, небольшая, но безукоризненно чистая. Стены выкрашены белой краской, потолок не зашит, и наверху темнеют перекрестья толстых коричневых стропил. Деревянные полы сияют такой чистотой, что меня подмывает снять кроссовки. Справа расположена небольшая кухонька, слева – самая манящая постель, какую я когда-либо видела, с белым пуховым одеялом и четырьмя громадными подушками.

– Каролина, это потрясающе!

– Я знаю, тут слегка тесновато, но я подумала, что после целого дня, проведенного с Тедди, вам захочется уединения. И постель вся целиком новая. Попробуйте.

Я осторожно присаживаюсь на краешек матраса и откидываюсь на спину. У меня такое чувство, как будто я утопаю в облаке.

– Боже мой!

– Это ортопедический «Брентвуд», в нем три тысячи пружин. У нас с Тедом в спальне точно такой же.

В дальней стене комнаты две двери. Одна ведет в неглубокий шкаф с полками, вторая – в самую крохотную в мире ванную с душем, раковиной и унитазом. Я переступаю порог и обнаруживаю, что, будь я хотя бы на полдюйма выше, мне пришлось бы пригибаться, чтобы уместиться под душем.

Вся экскурсия занимает не больше минуты, но я чувствую себя обязанной потратить на осмотр еще некоторое время. Каролина оборудовала коттедж десятками продуманных мелочей: тут есть и прикроватная лампа для чтения, и складная гладильная доска, и специальная розетка для зарядки телефонов, и вентилятор под потолком для циркуляции воздуха. В кухонных шкафчиках имеется все самое необходимое: тарелки и стаканы, кружки и столовые приборы – все такое же качественное, как и у них в доме. Не забыты и простейшие ингредиенты для готовки: оливковое масло, мука, сода, соль и перец. Каролина спрашивает, умею ли я готовить, и я признаюсь, что только начинаю постигать эту премудрость.

– И я тоже, – смеется она. – Давайте учиться вместе.

На крыльце слышатся тяжелые шаги, и Тед Максвелл открывает дверь. Спортивный пиджак он сменил на аквамариновую рубашку

поло, но даже в этой повседневной одежде он все равно выглядит устрашающе. А я-то надеялась, что больше его сегодня не увижу.

– Там Тедди зачем-то тебя зовет, – говорит он Каролине. – Я закончу показывать ей все тут вместо тебя.

Я чувствую себя неловко, потому что уже осмотрела все, что можно было осмотреть, но Каролина скрывается за дверью, прежде чем я успеваю что-то сказать. Тед молча стоит посреди комнаты, не сводя с меня глаз, как будто подозревает, что я замышляю стащить постельное белье и полотенца.

Я улыбаюсь.

– Тут очень миленько.

– Это жилье рассчитано на одного человека. Пожалуйста, никаких гостей без нашего разрешения. И строго никаких гостей с ночевками. Тедди еще слишком мал, чтобы объяснять ему подобные вещи. Это будет для вас проблемой?

– Нет, я ни с кем не встречаюсь.

Он качает головой в раздражении оттого, что я неверно истолковала смысл его слов.

– Мы не можем запретить вам с кем-то встречаться. Я просто не хочу, чтобы на моей территории ночевали посторонние.

– Я понимаю. Все нормально. – Мне хочется надеяться, что это прогресс, что мы сделали крошечный шаг, который немного приблизил нас к рабочим отношениям. – У вас есть еще какие-то опасения?

Он усмехается:

– Сколько времени у вас в запасе?

– Столько, сколько нужно. Я действительно очень хочу получить эту работу.

Он подходит к окну и указывает на небольшую сосну.

– Позвольте рассказать вам одну историю. В тот день, когда мы въехали в этот дом, Каролина с Тедди нашли вот под тем деревом птенца. Он, видимо, вывалился из гнезда. А может, его вытолкнули, кто знает? В общем, у моей жены большое сердце, поэтому она нашла коробку из-под обуви, выложила дно нарезанной бумагой и начала кормить птенца сладкой водой из пипетки. У меня тут полный дом грузчиков, я пытаюсь распихать вещи по комнатам, чтобы мы могли поскорее начать новую жизнь, а Каролина в это время рассказывает

Тедди, как они выкормят этого несчастного птенца и в один прекрасный день он улетит высоко-высоко в небо. Разумеется, Тедди нравится эта идея. Он называет птенца Робертом и каждый час проверяет, как он там, и вообще ведет себя так, как будто это его младший братик. Но птенец не протянул и двух суток. И клянусь вам, Мэллори, Тедди рыдал неделю. Он был безутешен. Из-за какого-то птенца. В общем, что я хочу сказать, это что мы должны быть предельно осторожны с человеком, которого собираемся пригласить пожить вместе с нами. А учитывая вашу историю, боюсь, риск слишком велик.

Ну и чем мне крыть? За эту работу платят хорошие деньги, а у Теда в папке несколько десятков заявок от женщин, которые никогда не употребляли наркотики. Он может нанять хоть вчерашнюю выпускницу медицинской школы, владеющую всеми навыками первой медицинской помощи, хоть бабушку пятерых внуков родом из Гондураса, которая будет одной рукой давать уроки испанского, а второй крутить вегетарианские энчиладас. С такими-то возможностями зачем ему рисковать, принимая на работу меня? Я понимаю, что теперь единственная моя надежда – козырь в рукаве, подарок Рассела, который он сделал мне в последнюю минуту перед тем, как высадить из машины.

– Думаю, у меня есть решение. – Я лезу в сумку и достаю оттуда запаянный в пластик картонный прямоугольник размером с кредитную карту с пятью ватными палочками на конце. – Это экспресс-тест на наркотики. Они продаются на «Амазоне» по баксу за штуку, и я с радостью буду платить за них из своего кармана. Они позволяют выявить в моче следы употребления метадона, опиатов, амфетаминов, кокаина и марихуаны. Анализ занимает пять минут, и я готова делать его еженедельно, в любой случайный день по вашему выбору, чтобы вы могли ни о чем не волноваться. Такое решение вас устроит?

Я протягиваю прямоугольник Теду, и тот держит его на вытянутой руке, как будто испытывает отвращение, как будто с него уже капает теплая желтая моча.

– Вы поймите, в этом-то и проблема, – говорит он. – Вы, судя по всему, хорошая девушка. Я желаю вам всего самого лучшего, честное слово. Но мне нужна няня, которую не придется каждую неделю просить пописать в баночку. Вы же в состоянии это понять, правда?

Я жду в холле, пока Тед с Каролиной спорят в кухне. Слов разобрать я не могу, но совершенно очевидно, кто за что выступает. Каролина терпеливо уговаривает мужа; Тед отвечает кратко, резко и отрывисто. Прямо-таки дуэт скрипки и отбойного молотка.

Когда они наконец возвращаются в холл, лица у обоих покрасневшие. Каролина вымучивает улыбку.

– Простите, что заставили вас ждать, – говорит она. – Мы с мужем еще раз все обсудим и свяжемся с вами, ладно?

Мы же все знаем, что это означает, так ведь?

Тед открывает дверь и практически выпихивает меня наружу, в раскаленное июньское пекло. Перед домом намного жарче, чем на заднем дворе. У меня такое чувство, как будто я стою на границе рая и реального мира. Я беру себя в руки и благодарю Максвеллов за собеседование. Говорю, что мне очень хотелось бы, чтобы меня взяли на это место, что была бы счастлива работать у них.

– Если я могу что-то сделать для того, чтобы развеять ваши сомнения, только скажите.

И тут, когда они уже собираются закрывать дверь, малыш Тедди, проскользнув между родителями, протягивает мне лист бумаги.

– Мэллори, я нарисовал для тебя картинку! В подарок. Можешь забрать ее к себе домой.

Каролина заглядывает через мое плечо и ахает.

– Боже, Тедди, какая красота!

Это всего лишь детские каракули, но они почему-то страшно меня трогают. Я опускаюсь на корточки, чтобы мои глаза оказались на одном уровне с глазами Тедди, и на этот раз он не шарахается и не убегает.

– Мне очень нравится твоя картинка, Тедди. Как только доберусь до дома, сразу же повешу ее на стену. Спасибо тебе большое. – Я раскрываю ему объятия, и он крепко-крепко меня обнимает, обвив ручонками мою шею и уткнувшись лицом в плечо. Это самый близкий физический контакт с другим человеком за многие месяцы, и я вдруг понимаю, что расчувствовалась. По щеке у меня скатывается слезинка, и я со смехом смахиваю ее. Может, Тед-старший и не верит в меня, может, он и считает меня никчемной наркоманкой, обреченной вновь

вернуться к своим дурным пристрастиям, но этот чудесный малыш считает меня ангелом. – Спасибо, Тедди. Спасибо, спасибо, спасибо.

Я решаю не торопиться на поезд и прогулочным шагом иду по тенистым тротуарам мимо маленьких девочек, мелом рисующих что-то на асфальте, мальчишек, гоняющих мяч на подъездных дорожках, и автоматических поливалок, орошающих зеленые лужайки перед домами. Я иду мимо маленького магазинного квартала, мимо смузи-бара и толпы подростков, тусующихся перед «Старбаксом». Здорово, наверное, расти в Спрингбруке – городе, где у всех на все хватает денег и ничего никогда не случается. Мне не хочется отсюда уезжать.

Я захожу в «Старбакс» и заказываю клубничный лимонад. Как бывшая наркоманка я приняла решение избегать любых психоактивных стимуляторов, включая кофеин (но я не совсем чокнутая; я все-таки делаю исключение для шоколада, поскольку кофеина там всего-то пара миллиграммов). Я просовываю соломинку в отверстие в пластиковой крышке и тут замечаю за столиком в дальнем углу зала Рассела. Он пьет черный кофе и читает спортивный раздел в «Филадельфия инквайрер». Он, наверное, последний человек в Америке, который до сих пор покупает бумажные газеты.

– Я же вам сказала, чтобы вы меня не ждали, – говорю я.

Он закрывает газету и улыбается.

– Я так и знал, что ты сюда заглянешь. И хотел узнать, как прошло собеседование. Ну давай, выкладывай.

– Это было ужасно.

– Что случилось?

– Это катастрофа. Ваш козырь не сработал.

Рассел раздражается смехом.

– Куинн, мне звонила Каролина. Десять минут тому назад. Как только ты вышла за порог.

– Правда?

– Она боится, как бы тебя не украли какая-нибудь другая семья. И хочет, чтобы ты приступила к работе, как только сможешь.

На то, чтобы собрать вещи, у меня уходит десять минут. Пожитков у меня всего ничего – кое-какая одежда и гигиенические принадлежности плюс Библия. Рассел дает мне старенький чемоданчик, чтобы не пришлось нести все в пакете для мусора. Соседки по «Спасительной гавани» устраивают в мою честь маленькую прощальную вечеринку с китайской едой навынос и тортом из супермаркета. И всего три дня спустя после собеседования я уезжаю из Филадельфии и возвращаюсь в Страну грез, готовая начать новую жизнь в качестве няни.

Если у Теда Максвелла все еще остаются опасения на мой счет, он отлично их скрывает. Они с Тедди встречаются меня на вокзале. Тедди держит букетик желтых маргариток.

– Я сам их выбрал, – с гордостью сообщает он, – а папа купил.

Тед-старший забирает у меня чемоданчик и несет в машину, а по пути домой они устраивают мне небольшую экскурсию по окрестностям, показывая пиццерию, книжный магазин и заброшенную железную дорогу, облюбованную бегунами и велосипедистами. От прежнего Теда Максвелла, неулыбчивого инженера, который строго допрашивал меня про иностранные языки и международные путешествия, не осталось и следа. Новый Тед Максвелл ведет себя приветливо и непринужденно («Пожалуйста, зовите меня Тедом!»), и даже его одежда выглядит более расслабленной. На нем сегодня футболка с эмблемой футбольного клуба «Барселона», свободные джинсы и новехонькие ньюбэлансы 995-й модели.

Позднее, ближе к вечеру, Каролина помогает мне разобрать вещи и устроиться в моем новом жилище. Я спрашиваю ее о внезапной перемене, произошедшей с Тедом, и она смеется.

– Я же вам говорила, что он согласится. Он же видит, как вы понравились Тедди. Больше, чем все остальные, кто проходил собеседование. Это было самое простое решение в нашей жизни.

Мы все вместе ужинаем на заднем дворе. Тед жарит свои фирменные шашлычки из креветок и гребешков, Каролина разливает домашний чай со льдом, а Тедди носится кругами по лужайке, как маленький дервиш, все еще не в силах поверить в то, что я буду жить с ними постоянно, каждый день, целое лето.

– Не может быть, не может быть! – восклицает он, а потом бухается навзничь на мягкую траву, совершенно ошалевший от

счастья.

– Мне тоже в это не верится, – говорю я ему. – Я так рада оказаться здесь.

И еще прежде чем мы успеваем дойти до десерта, я благодаря им уже чувствую себя членом семьи. Тед с Каролиной относятся друг к другу с неподдельной теплотой и нежностью. Они заканчивают друг за друга фразы и таскают еду друг у друга с тарелок. Вдвоем они рассказывают мне трогательную историю о том, как познакомились в книжном магазине в Линкольн-центре пятнадцать с лишним лет тому назад. В процессе рассказа ладонь Теда инстинктивно перемещается на колено жены, та накрывает его руку своей, и их пальцы переплетаются.

Даже разногласия между ними выглядят забавно и мило. В какой-то момент во время еды Тедди объявляет, что ему нужно в туалет. Я поднимаюсь, чтобы сопроводить его, но малыш машет на меня руками.

– Мне уже пять лет! – напоминает он мне. – Большие мальчики ходят в туалет сами.

– Молодчина, – хвалит его Тед-старший. – Только руки потом не забудь вымыть.

Я опускаюсь на свое место, чувствуя себя глупо, но Каролина говорит мне, чтобы я не переживала.

– У Тедди сейчас новая фаза в развитии. Он отстаивает свою независимость.

– И делает все, чтобы не загреметь в тюрьму, – добавляет Тед.

У Каролины эта шутка, похоже, вызывает раздражение. Я недоумеваю, и она объясняет мне:

– Несколько месяцев назад у нас был один неловкий случай. Тедди продемонстрировал другим детям то, что демонстрировать не полагается. В смысле, снял перед ними трусы. Для маленьких мальчиков такое поведение вполне типично, но для меня это стало неожиданностью, так что я, пожалуй,отреагировала слишком бурно.

Тед смеется:

– По-моему, ты назвала это сексуальным преступлением.

– Если бы он был взрослым мужчиной, это было бы квалифицировано как сексуальное преступление. Вот что я имела в виду, Тед. – Каролина оборачивается ко мне. – Но я согласна с тем, что мне следовало бы более тщательно выбирать слова.

– Наш сын даже шнурки завязывать не умеет, – говорит Тед, – а его уже записали в сексуальные маньяки.

Каролина демонстративно сбрасывает руку мужа со своего колена.

– Смысл в том, что Тедди усвоил урок. Интимные части тела – дело интимное. Всем подряд их не показывают. А дальше нужно будет объяснить ему про согласие и допустимые и недопустимые прикосновения, потому что ребенок должен понимать такие вещи.

– Я целиком и полностью с тобой согласен, – говорит Тед. – Даю тебе слово, Каролина, он будет самым просвещенным мальчиком в классе. Тебе не о чем беспокоиться.

– Он чудесный мальчик, – заверяю я ее. – Уверена, с такими родителями, как вы, он вырастет прекрасным человеком.

Каролина берет руку мужа и возвращает ее обратно к себе на колена.

– Я знаю, что ты прав. Просто я переживаю за него. Это сильнее меня!

Дальнейшего развития этот разговор не получает, поскольку к столику подбегает Тедди, запыхавшийся и готовый играть.

– А вот и наш герой! – со смехом говорит Тед.

После десерта пришло время идти в бассейн, и я вынуждена признаться, что у меня нет купальника и что в последний раз я плавала еще в школе. На следующий же день Тед выдает мне пятьсот долларов аванса в счет будущих заработков, и Каролина везет меня в торговый центр за сплошным купальником. А под вечер она забегает ко мне с ворохом нарядов на вешалках. Это симпатичные платья и топы от Бёрберри, Диор и DKNY, все новые или почти не ношенные. Она утверждает, что после того, как ее разнесло до восьмого размера, они стали ей малы и что я могу выбрать себе из них какие угодно, а остальное она сдаст в благотворительную комиссионку.

– И еще, можешь считать меня перестраховщицей, но я купила тебе вот что. – Она протягивает мне миниатюрный розовый фонарик с двумя металлическими зубцами на конце. – На случай, если ты решишь выйти на пробежку поздно вечером.

Я включаю его, и раздается громкий треск электрического разряда. От неожиданности я тут же роняю приборчик, и он с грохотом

летит на пол.

– Простите! Я думала, это...

– Нет-нет, это я виновата, что не предупредила. Это вайпертек мини. Вешается на связку с ключами. – Она поднимает электрошокер с пола и демонстрирует мне его возможности. – Тут есть кнопки «Свет» и «Разряд», а еще предохранитель. Его можно включить или отключить. Он дает разряд в десять тысяч вольт. Я как-то испробовала его на Теде. Исключительно ради того, чтобы проверить, работает он или нет. Так Тед сказал, у него было такое ощущение, как будто его ударило молнией.

Я не удивлена, что Каролина носит при себе средство самозащиты. Она упоминала, что у многих ее пациентов в ветеранском госпитале серьезные проблемы с психикой. Но я не понимаю, зачем мне брать с собой шокер на пробежку по Спрингбруку.

– Здесь что, часто случаются преступления?

– Практически никогда. Но две недели назад напали на девушку в машине примерно твоего возраста. Прямо на парковке у супермаркета. Какой-то мерзавец заставил ее подъехать к банкомату и снять триста долларов. Так что я решила, что лучше перестраховаться.

Каролина выжидающе смотрит на меня, и я понимаю, что она не успокоится, пока я не достану из кармана ключи и не прицеплю к ним эту штуковину. У меня такое чувство, что я снова оказалась под материнским присмотром.

– Он очень хорошенький, – говорю я Каролине. – Спасибо вам большое.

Сама работа несложная, и к новому режиму я тоже приноравливаюсь довольно быстро. Типичный рабочий день выглядит примерно таким образом:

6:30. – Я встаю рано, без будильника, потому что в лесу оглушительно поют птицы. Накинув халат, я делаю себе чай и овсянку, после чего сижу на крыльце и смотрю, как над бассейном встает солнце. Во двор забредает самая разнообразная живность: белки и лисицы, кролики и еноты, а иногда может заглянуть даже олень. Я чувствую себя Белоснежкой из старого мультфильма и даже начинаю выносить во двор блюдечки с черникой и семечками подсолнуха, чтобы побудить зверюшек присоединиться ко мне за завтраком.

7:30. – Я пересекаю двор и через раздвижные стеклянные двери вхожу в большой дом. Тед уезжает на работу очень рано, так что его уже нет. Каролина же крайне ревностно относится к тому, чтобы лично накормить сына горячим завтраком. Тедди обожает вафли домашнего приготовления, и она печет их в вафельнице, сделанной в виде Микки-Мауса. Пока я привожу кухню в порядок, Каролина собирается на работу, и когда она наконец уходит, мы с Тедди провожаем ее до автомобиля и машем на прощание.

8:00. – Прежде чем начать день по-настоящему, мы с Тедди должны сделать еще пару небольших дел. Во-первых, я должна выложить для Тедди одежду, но это несложно, поскольку он всегда носит одно и то же. У этого малыша огромный гардероб из хорошеньких одежек от «Гэп кидс», а он упрямо носит одну и ту же полосатую фиолетовую футболку. Каролине надоело постоянно стирать ее, поэтому она поехала в «Гэп» и купила еще пять точно таких же. Она готова потворствовать ему, но все же попросила меня «мягко подталкивать» его в сторону большего разнообразия. Выкладывая на кровати одежду для Тедди, я должна предлагать ему парочку других вариантов, однако он неизменно останавливает свой выбор на фиолетовой полоске. Затем я помогаю ему почистить зубы и жду за дверью, пока он сходит в туалет, после чего мы с ним готовы начинать день.

8:30. – Я стараюсь выстраивать каждое утро вокруг какого-нибудь большого дела или вылазки. Мы идем в библиотеку на Час рассказов или в супермаркет за всем необходимым для того, чтобы испечь печенье. Тедди радуется буквально всему и никогда не возражает против моих предложений. Когда я говорю ему, что нам нужно в супермаркет за зубной пастой, он реагирует так, как будто мы идем в парк развлечений. Находиться рядом с ним – сплошное удовольствие: он ласковый и смущенный малыш, фонтанирующий замысловатыми вопросами: а какая противоположность у квадрата? а почему у девочек такие длинные волосы? а в мире все по-настоящему? Мне никогда не надоедает его слушать. Он мне как младший братишка, которого у меня никогда не было.

12:00. – Покончив с утренними делами, я готовлю простой обед: макароны с сыром, запеченные бейглы с начинкой или куриные наггетсы. Потом Тедди поднимается к себе в комнату на тихий час, а я

могу передохнуть. Обычно я читаю книгу или слушаю какой-нибудь подкаст в наушниках, а иногда могу прилечь на диван и подремать минут двадцать. Потом спускается Тедди и будит меня, чтобы показать пару-тройку новых рисунков. Нередко на них изображены наши с ним любимые занятия: мы гуляем по лесу, играем на заднем дворе или бродим вокруг моего коттеджа. Я вешаю эти рисунки у себя на кухоньке, на дверце холодильника. Постепенно у меня образуется целая галерея, позволяющая отследить его прогресс в рисовании.

14:00. – Это обыкновенно самое жаркое время дня, так что мы либо играем дома в настольные игры, либо мажемся солнцезащитным кремом и идем к бассейну. Тедди не умеет плавать (а я хоть и умею, но не очень хорошо), так что я строго слежу за тем, чтобы он натянул нарукавники, прежде чем плюхнуться в воду. Потом мы играем в пятнашки или устраиваем бои на длинных разноцветных макаронинах для бассейна. Или забираемся на большой надувной матрас и разыгрываем сцены из «Титаника» или «Изгоя».

17:00. – Каролина возвращается с работы, и я рассказываю ей о событиях дня, пока она готовит ужин. Потом я выхожу на пробежку и бегу от трех до восьми миль, в зависимости от рекомендаций Рассела. Я пробегаю мимо людей, которые идут по тротуарам или поливают лужайки перед своими домами, и все они считают, что я живу в Спрингбруке. Кое-кто из соседей даже машет мне и здоровается, как будто я живу здесь всю жизнь, как будто я чья-то дочь, приехавшая из колледжа к родителям на летние каникулы. И знаете что? Мне нравится это ощущение – чувство общности, чувство, как будто я наконец-то оказалась дома.

19:00. – Вернувшись с пробежки, я наскоро ополаскиваюсь под душем в самой малюсенькой в мире ванной и сооружаю себе какой-

нибудь несложный ужин на моей крошечной кухоньке. Раз или два в неделю я выбираюсь в город, прогуляться мимо местных ресторанчиков и магазинов. Иногда я захожу на открытое собрание в подвальном этаже церкви Пресвятой Богородицы Искупительницы. Ведущие дискуссии у них отличные, и все участники очень приветливы, но я неизменно оказываюсь младше всех остальных лет как минимум на десять, так что обзавестись здесь новыми друзьями не очень рассчитываю. Во всяком случае, я никогда не остаюсь на «собрание после собрания», когда все дружно идут в кафе по соседству, чтобы пожаловаться друг другу на своих детей, ипотеку, работу и все прочее. Прожив две недели в семье Максвелл, надежно изолированная от всех искушений, я даже не уверена больше, что мне так уж и нужны эти собрания. Думаю, я уже в состоянии справиться самостоятельно.

21:00. – К этому часу я уже обыкновенно в постели, читаю библиотечную книгу или смотрю какой-нибудь фильм на телефоне. Я решила сделать себе подарок и оформила подписку на канал «Холлмарк», так что теперь могу без ограничений смотреть романтические фильмы всего за 5,99 доллара в месяц. Это идеальный способ расслабиться после рабочего дня. Как только я выключаю свет и моя голова касается подушки, я окунаюсь в блаженную идиллию хеппи-эндов, где семьи в конце концов всегда счастливо воссоединяются, а негодяи получают по заслугам, сокровища возвращаются законным владельцам, а поруганная честь неизменно оказывается восстановлена.

Возможно, все это покажется вам скучным. Я понимаю, что это не ядерная физика. И отдаю себе отчет в том, что не спасаю мир и не ищу лекарство от рака. Но после всех моих сложностей сейчас у меня такое ощущение, что я сделала огромный шаг вперед, и я горжусь собой. У меня есть свое отдельное жилье и стабильная, хорошо оплачиваемая работа. Я полноценно и разнообразно питаюсь и откладываю на будущее по две сотни в неделю. У меня есть ощущение, что, занимаясь с Тедди, я делаю важное дело. И ощущение собственной нужности и ценности, подкрепленное абсолютной верой в меня Теда и Каролины.

В особенности Теда. В дневное время мы с ним практически не встречаемся, поскольку он каждое утро уезжает на работу в шесть тридцать. Но иногда я вижу его по вечерам, после того как

возвращаюсь с пробежки. Он или сидит в патио с бокалом вина и ноутбуком, или наматывает круги в бассейне. Заметив меня, он машет рукой и спрашивает, как мне бегалось. Или как прошел мой день с Тедди. Или интересуется моим мнением относительно какой-нибудь торговой марки – «Найк», «Петсмайт», «Жилетт», «Л. Л. Бин» и так далее. Тед поясняет, что его компания разрабатывает программное обеспечение для крупных корпораций по всему миру, и он находится в постоянном поиске все новых и новых партнеров.

– А что ты думаешь про «Урбан аутфиттерс»? – спрашивает он меня. Или: – А ты когда-нибудь ужинала в «Крекер баррел»?

И он действительно выслушивает мои ответы, как будто мое мнение и впрямь способно каким-то образом повлиять на его деловые решения. И, откровенно говоря, мне это льстит. За исключением Рассела, в моей жизни не так уж и много людей, которым есть дело до того, что я думаю. Так что я всегда рада видеть Теда и всегда испытываю легкое возбуждение, когда он заговаривает со мной.

Как это ни смешно, единственный персонаж, который доставляет мне неприятности на работе, это не кто иной, как несуществующая Аня. Воображаемая подруга моего подопечного обладает раздражающей привычкой подбивать Тедди нарушать мои инструкции. К примеру, как-то раз я попросила Тедди собрать грязную одежду и сложить ее в корзину для белья. Когда два часа спустя я вновь захожу в его комнату, одежда все еще валяется на полу.

– Аня говорит, что это должна делать мама, – сообщает он мне. – Аня говорит, это ее обязанность.

В другой раз я поджариваю на обед хрустящие кубики тофу, когда Тедди вдруг просит у меня гамбургер. Я говорю, что ему нельзя гамбургер, и напоминаю, что его семья не ест красное мясо, потому что коровы – один из крупнейших источников углекислого газа, а он вредит окружающей среде. Я приношу ему тарелку риса с тофу, но Тедди принимается капризно ковырять в тарелке вилкой.

– Аня считает, что мясо мне очень бы понравилось, – говорит он. – Аня считает, что тофу – это гадость.

Я, конечно, не эксперт по детской психологии, но прекрасно понимаю, что делает Тедди: пытается использовать Аню как способ добиться своего. Я спрашиваю совета у Каролины, и та говорит, что

нужно просто проявить терпение и проблема рано или поздно сама собой сойдет на нет.

– Он уже начал понемногу про нее забывать, – утверждает она. – Каждый раз, когда я прихожу с работы, я только и слышу: «Мэллори то» да «Мэллори сё». Аня в его разговорах уже целую неделю не всплывала.

А вот Тед, напротив, призывает меня проявить больше твердости.

– От этой Ани одна головная боль. Правила здесь устанавливаем мы, а не она. Когда она в следующий раз решит высказать свое ценное мнение, просто напомни Тедди, что ее на самом деле не существует.

Я решаю держаться где-то посередине между двумя этими крайностями. Однажды, когда Тедди поднимается к себе на тихий час, я пеку целый противень его любимого сахарного печенья с корицей и, когда он спускается с новым рисунком, зову его за стол. Потом приношу печенье и два стакана холодного молока и как бы между делом прошу его рассказать мне про Аню поподробнее.

– Это как? – Он сразу же становится подозрительным.

– Ну, где вы познакомились? Какой у нее любимый цвет? Сколько ей лет?

Тедди пожимает плечами, как будто на все эти вопросы невозможно ответить. Его взгляд блуждает по кухне, как будто ему внезапно расхотелось смотреть мне в глаза.

– Кем она работает?

– Не знаю.

– А чем она занимается целый день?

– Я точно не знаю.

– Она вообще когда-нибудь из твоей комнаты выходит?

Тедди косится на пустое кресло в дальнем конце комнаты.

– Иногда.

Я тоже смотрю на кресло.

– Она сейчас здесь? Сидит с нами в комнате?

Он отрицательно качает головой.

– Нет.

– Может, она хочет печенья?

– Ее здесь нет, Мэллори.

– О чем вы с Аней разговариваете?

Тедди так низко опускает голову над тарелкой, что едва не утыкается носом в печенье.

– Я знаю, что она не настоящая, – шепчет он. – Ты можешь мне это не доказывать.

Вид у него грустный и подавленный, и я вдруг чувствую себя виноватой, как будто я только что насильно заставила пятилетнего ребенка признать, что Санта-Клауса не существует.

– Послушай, Тедди, у моей младшей сестрички, Бет, тоже была такая же подружка, как Аня. Ее подружку звали Кассиопея. Красивое имя, правда? Днем Кассиопея работала в ледовом шоу Диснея, которое гастролировало по всему миру, а на ночь возвращалась в наш маленький домик в Южной Филадельфии и спала на полу у нас в комнате. Мне приходилось быть очень осторожной, чтобы не наступить на нее, потому что она была невидимой.

– Бет думала, что Кассиопея настоящая?

– Мы делали вид, что она настоящая. И это всех устраивало, потому что Бет никогда не использовала Кассиопею для того, чтобы нарушать правила. Ты понимаешь?

– Кажется, да, – отвечает Тедди, а потом вдруг принимается ерзать на своем стульчике, как будто у него внезапно заболел бок. – Мне нужно в туалет. По-большому.

Он сползает со стула и несется к выходу из кухни.

К полднику он даже не притронулся. Я накрываю печенье полиэтиленовой пленкой, а стаканы с молоком убираю в холодильник. Затем иду к раковине и мою посуду. Когда я заканчиваю, Тедди все еще заседает в туалете. Я сажусь за стол и понимаю, что не успела полюбоваться его последним творением, поэтому беру лист бумаги и переворачиваю его лицом вверх.

Родители Тедди придерживаются строгих правил относительно времени, которое можно проводить перед экраном, поэтому он никогда не видел ни «Звездных войн», ни «Истории игрушек». Ему даже «Улицу Сезам» смотреть не разрешают. Но раз в неделю Максвеллы собираются в кабинете и устраивают семейный кинопросмотр. Каролина делает попкорн, а Тед включает фильм, обладающий «подлинной художественной ценностью», что на практике обыкновенно означает какое-нибудь старье или картину на иностранном языке с субтитрами, и гарантирую вам, что из них всех

вы слышали разве что о «Волшебнике из страны Оз». Тедди его обожает и утверждает, что это его самый любимый фильм.

Так что, плавая с ним в бассейне, мы частенько играем в воображаемую страну Оз. Мы держимся за надувной матрас, и Тедди изображает Дороти, а я – всех остальных: Тотошку, Страшиллу, Злую ведьму и Жевунов. И не хочу хвастаться, но я выкладываюсь по полной программе – пою, танцую и хлопаю крыльями, как Летучая обезьяна, и вообще веду себя как звезда Бродвея на премьерном показе. На то, чтобы добраться до финала, когда матрас превращается в воздушный шар, который уносит Тедди-Дороти обратно в Канзас, у нас уходит примерно час. И к тому моменту, когда мы заканчиваем и раскланиваемся, у меня обычно от холода зуб на зуб не попадает, так что я вынуждена вылезти из воды.

– Нет! – кричит Тедди.

– Прости, Тедди-медведик, я вся окоченела.

Я расстилаю на краю бассейна полотенце и ложусь греться на солнышке. Жара стоит за тридцать градусов, так что солнечные лучи быстро избавляют меня от озноба. Тедди упоенно плещется в бассейне рядышком. Теперь он придумал новую игру: набирает полный рот воды и выплевывает ее – ни дать ни взять крылатый херувимчик в фонтане.

– Не делай так, – говорю я ему. – Там хлорка.

– От нее у меня заболит живот?

– Если наглотаешься, то да.

– И тогда я умру?

Внезапно вид у него становится очень обеспокоенный. Я качаю головой.

– Если бы ты выпил целый бассейн, то да, ты мог бы умереть. Но ты не пей совсем нисколько, ладно?

Тедди забирается на матрас и подплывает к краю бассейна, так что мы оказываемся параллельно друг другу – Тедди на матрасе, а я на бортике.

– Мэллори?

– Что?

– А что происходит, когда человек умирает?

Я поворачиваю к нему голову. Он смотрит в воду.

– В каком смысле?

– В смысле, что происходит с человеком *внутри* тела?

Ну, у меня-то на этот счет имеется твердое мнение. Я верю в божественный дар вечной жизни. И меня очень поддерживает мысль, что моя младшая сестренка Бет окружена ангелами. Я знаю, что когда-нибудь, если мне повезет, мы с ней воссоединимся на небесах. Но Тедди я ничего этого не говорю, поскольку хорошо помню свое собеседование и правило номер десять: «Никакой религии и суеверий. Мы верим в науку».

– Думаю, тебе лучше задать этот вопрос своим родителям.

– А ты почему не можешь мне сказать?

– Я не уверена, что знаю ответ.

– А может так быть, что какой-то человек умер, но все равно остался жив?

– В смысле, стал привидением?

– Нет, ничего такого страшного. – Ему сложно найти подходящие слова, чтобы выразить свою мысль, как, наверное, и всем нам, когда мы обсуждаем подобные темы. – Какая-то часть человека остается в живых?

– Это очень большой и сложный вопрос, Тедди. Я правда думаю, что тебе лучше спросить об этом своих родителей.

Он явно раздосадован тем, что я ушла от ответа, но, похоже, не видит иного выхода, кроме как смириться с этим.

– А когда мы с тобой будем снова играть в страну Оз?

– Мы же только что закончили!

– Только ту сцену, где ведьма тает, – просит он. – Только самый конец.

– Ладно. Но, чур, в воду я больше не полезу!

Я поднимаюсь и накидываю полотенце на плечи, как будто это ведьмин плащ. Потом скрючиваю пальцы, изображая когти, и заливаюсь безумным смехом. «Я разделаюсь с тобой, моя прелесть, и с твоей собачонкой!» Тедди брызгает на меня водой, и я верещу так громко и пронзительно, что с деревьев в испуге вспархивают птицы.

– Ах ты, мерзавка, что же ты наделала! – Я в высшей степени театрально оседаю на бетонную плиту, размахивая руками и корчась в агонии. – Я таю! Таю! Как же это?

Тедди заливается смехом и аплодирует, и я, упав навзничь, закрываю глаза и высовываю язык. Еще несколько подергиваний

напоследок – и я затихаю.

– Э-э... мисс?

Я открываю глаза.

От силы в пяти шагах от нас по ту сторону ограждения стоит парень – сухощавый, хорошо сложенный, в шортах с зелеными пятнами от травы, футболке с эмблемой Ратгерского университета и рабочих перчатках.

– Я из «Короля газонов». Ландшафтные услуги.

– *Hola*, Адриан! – восклицает Тедди.

Адриан подмигивает ему.

– *Hola*, Тедди. ¿Cómo estás?^[1]

Я судорожно пытаюсь прикрыться полотенцем, только вот беда – я на нем лежу, поэтому дело заканчивается тем, что я барахтаюсь, как жук, перевернутый на спину.

– Я сейчас пригоню сюда большую газонокосилку, если вы не против. Просто хотел предупредить заранее. Она довольно шумная.

– Конечно, – говорю я. – Мы можем уйти в дом.

– Нет, мы обязательно должны смотреть! – заявляет Тедди.

Адриан уходит за газонокосилкой, а я поворачиваюсь к Тедди.

– Почему мы обязательно должны смотреть?

– Потому что мне нравится большая газонокосилка! Она классная!

Я слышу приближающуюся газонокосилку еще до того, как вижу ее: шум бензинового мотора взрывает уютную тишину нашего убежища на заднем дворе. Затем из-за угла дома появляется Адриан верхом на машине, которая представляет собой нечто среднее между трактором и гоночным картом. Он стоит в кузове, склонившись над рулем, как будто едет на вездеходе, оставляя за собой полосы свежескошенной травы. Тедди выбирается из бассейна и бежит к ограждению, чтобы лучше видеть. Косильщик рисуется: закладывает крутые повороты, дает задний ход, даже надвигает бейсболку на глаза, чтобы продемонстрировать, что управляет агрегатом вслепую. Не самый лучший пример для маленького ребенка, но Тедди прямо-таки прирос к месту: раскрыв рот, он заворожено наблюдает за этим зрелищем, как будто это представление Цирка дю Солей. В качестве заключительной ноты Адриан дает задний ход, прибавляет газу, потом переключается на переднюю передачу и, сделав рывок, приподнимает косилку на двух задних колесах, так что нашим изумленным взглядам

на несколько секунд открывается зрелище бешено вращающихся лезвий под днищем. Затем машина с грохотом приземляется и тормозит в считанных дюймах от ограждения бассейна.

Адриан спрыгивает наземь и протягивает Тедди ключи.

– Хочешь сделать кружочек?

– А можно? – спрашивает Тедди.

– Нет уж! – вмешиваюсь я. – Никаких кружочков!

– Может быть, когда тебе стукнет шесть, – подмигивает Адриан. – Ты собираешься представить меня своей новой подружке?

Тедди пожимает плечами.

– Это моя няня.

– Мэллори Куинн.

– Приятно с вами познакомиться, Мэллори.

Он стаскивает рабочую перчатку и протягивает мне руку. В этом жесте проскальзывает какая-то странная церемонность, в особенности, учитывая, что на мне купальник, а Адриан весь в грязи и обрезках травы. У меня мелькает мысль, что не так-то он прост, каким кажется на первый взгляд. Ладонь у него закрубевшая, точно дубленая кожа.

Внезапно Тедди что-то вспоминает и принимается дергать дверцу защитного ограждения, пытаюсь ее открыть.

– Что ты делаешь?

– Я нарисовал для Адриана картинку, – отвечает он. – Она там, в доме. У меня в комнате.

Я поднимаю задвижку, чтобы он мог выйти, и Тедди бежит по лужайке к дому.

– У тебя ноги мокрые! – кричу я ему вслед. – Осторожно, не поскользлись на лестнице!

– Хорошо! – отзывается он.

В отсутствие Тедди мы с Адрианом вынуждены поддерживать неловкую беседу. Мне сложно вот так с ходу определить, сколько ему лет. У него тело взрослого мужчины – высокое, подтянутое, загорелое и мускулистое, – а вот лицо при этом совершенно мальчишеское и немного застенчивое. Можно дать и семнадцать, и двадцать пять.

– Мне нравится этот малыш, – говорит Адриан. – За время жизни в Барселоне он немного выучил испанский, так что я учу его новым фразам. Вы постоянно за ним присматриваете?

– Меня наняли только на лето. В сентябре он идет в школу.

– А вы? Куда вы идете?

И тут до меня доходит, что он принимает меня за такую же, как и он сам, студентку. Видимо, он решил, что я местная, что я живу здесь, в Спрингбруке, где все девушки учатся либо в престижных колледжах, либо в университетах. Я открываю рот, чтобы развеять это заблуждение, но не знаю, как сказать: «Я никуда не иду», чтобы не выставить себя неудачницей. Конечно, никто не мешает мне выложить всю свою ужасную историю целиком, но наш ни к чему не обязывающий разговор к этому не располагает, так что я решаю не разубеждать Адриана и делаю вид, что моя жизнь не полетела в один далеко не прекрасный день под откос и все пошло так, как и было задумано.

– В Пенсильванский университет. Я в студенческой легкоатлетической сборной.

– Серьезно? Вы спортсменка Большой Десятки?^[2]

– Ну, строго говоря, да. Но все лавры достаются футбольной команде. Нас вы по телевизору никогда не увидите.

Я знаю, что врать неправильно. Существенная – и, возможно, важная – часть реабилитации заключается в том, чтобы принять свое прошлое и признать все ошибки, которые ты сделал. Но должна признаться, мне очень приятно примерять на себя эту выдумку, делать вид, что я – все еще самый обычный подросток с самыми обычными подростковыми устремлениями.

Адриан щелкает пальцами, как будто на него нашло внезапное озарение.

– А, так это вы бегаете по вечерам? По окрестным улицам?

– Да, это я.

– Я видел, как вы тренировались! Вы очень быстро бегаете!

Я задаюсь вопросом, какой работой косильщик может заниматься в окрестных домах после наступления темноты, но спросить его об этом не успеваю, потому что Тедди уже несется по двору к нам, сжимая в руке лист бумаги.

– Вот! – выдыхает он, добежав. – Я хранил его для тебя.

– Ух ты, здорово! – говорит Адриан. – Вы гляньте только на эти солнечные очки! О, а я симпатяга, правда?

Он показывает мне рисунок, и я не могу удержаться от смеха. Он выглядит как схематический человечек, вроде тех, каких рисуют в игре

в «Виселицу».

– Настоящий красавец, – соглашаюсь я.

– *Muy guapo*, – говорит Адриан Тедди. – Это будет твое новое испанское слово на эту неделю. Оно означает «суперкрасивый».

– *Muy guapo?*

– *Вуено!* Превосходно!

Из-за угла большого дома появляется пожилой мужчина и через двор направляется к нам. Он приземистый, с морщинистой загорелой кожей и коротким ежиком седых волос.

– Адриан! – кричит он, и по его тону я догадываюсь, что он недоволен. – ¿Qué demonos estás haciendo?[3]

Адриан машет ему в ответ, потом бросает смешливый взгляд в нашу сторону.

– Это Эль Хефе. Мне надо идти. Но я вернусь через две недели, Тедди. Спасибо тебе за рисунок. И удачи вам в тренировках, Мэллори. Буду ждать, когда вас покажут по телевизору, договорились?

– Prisa! – кричит старик. – Ven aqui![4]

– Иду, иду! – кричит в ответ Адриан.

Он запрыгивает на косилку, заводит ее и через секунду оказывается на противоположном конце двора. Я слышу, как он по-испански извиняется перед стариком, но тот в ответ лишь кричит на него, и они продолжают ругаться, пока не скрываются за домом. В старших классах я с горем пополам учила испанский и помню, что «el jefe» значит «босс», но они говорят слишком быстро, и я ничего не могу понять.

Тедди, похоже, встревожен.

– У Адриана будут неприятности?

– Надеюсь, что нет.

С этими словами я обвожу двор взглядом и с изумлением отмечаю, что – несмотря на все Адрианово дурачество с газонокосилкой – свежеподстриженная лужайка выглядит просто фантастически.

Максвеллы установили на заднем дворе небольшой летний душ, чтобы можно было ополоснуться после бассейна. Это крохотная деревянная кабинка размером с телефонную будку, если кто-то, конечно, еще помнит, что это такое; Каролина зачем-то держит там дорожные шампуни и гели для душа. Тедди идет в душ первым, а я через дверь даю ему указания, напоминая, чтобы не забыл вымыть голову и хорошенько выжать плавательные шорты. Закончив, он выходит из кабинки, завернутый в пляжное полотенце.

– Я – вегетарианский буррито!

– Ты прелесть, – говорю ему я. – А теперь беги одевайся, а я тоже ополоснусь и приду к тебе наверх.

Я вешаю полотенце и уже собираюсь зайти в душевую кабинку, как вдруг женский голос окликает меня по имени.

– Ты же Мэллори, да? Новая няня?

Я оборачиваюсь и вижу, что ко мне через двор нетвердой походкой спешит соседка Максвеллов, невысокая широкобедрая женщина в возрасте. Каролина предупреждала меня, что она слегка не в себе и почти не выходит из дому, однако же она стоит передо мной собственной персоной, одетая в аквамариновое гавайское платье и с ног до головы обвешанная украшениями: на шее многочисленные золотые цепочки с хрустальными амулетами, в ушах болтаются крупные кольца, на запястьях позвякивают браслеты, а пальцы рук и ног унизаны перстнями.

– Я Митци, милая, ваша соседка. А поскольку ты тут новенькая, хочу дать тебе дружеский совет: когда поблизости ошиваются эти газнокосильщики, не стоит сидеть вот так у бассейна, выставляя все напоказ. – Она делает жест в сторону моего торса. – В мое время это называлось провокацией.

Она подходит ближе, и в нос мне ударяет запах жженных тряпок. То ли ей не помешало бы принять душ, то ли она просто хорошо под кайфом. Возможно, и то и другое сразу.

– Прошу прощения?

– У тебя отличная фигура, и я понимаю, что тебе хочется ее продемонстрировать. Конечно, мы живем в свободной стране, и я за то, чтобы каждый мог поступать так, как ему нравится. Но если речь идет об этих мексиканцах, осторожность никогда не помешает. Ради твоего же собственного блага. Береженого бог бережет. Ты меня понимаешь? – Я открываю рот, чтобы ответить, но она не дает мне вставить ни слова. – Может, это и прозвучит расистски, но это правда. Эти люди – они уже однажды нарушили закон, когда пробрались сюда к нам через границу. Так что, если преступник увидит хорошенькую девушку в полном одиночестве на заднем дворе, что его остановит?

– Вы это серьезно?

Чтобы придать веса своим словам, она стискивает мое запястье. Рука ее дрожит.

– Серьезнее не бывает, принцесса. Задницу лучше прикрывать.

Со второго этажа Тедди кричит через сетку, которой затянуто открытое окно его комнаты:

– Мэллори, а можно мне фруктовый лед?

– После того, как я приму душ, – отзываюсь я. – Через пять минут.

Митци машет Тедди рукой, и он скрывается из виду.

– Милый малыш. И мордашка у него такая славная. А вот родители его мне не очень нравятся. Чересчур уж заносчивые. Ты не находишь?

– Ну...

– Когда они въехали в этот дом, я приготовила для них лазанью. Просто по-соседски. И вот приношу я ее им, и знаешь, что она мне говорит? Она говорит: «Простите, но я не могу принять ваш подарок». Из-за мясного фарша.

– Возможно...

– Прости, золотце, но так в подобной ситуации себя не ведут. Воспитанный человек улыбнулся бы, сказал спасибо, взял лазанью и потом выкинул бы ее в ведро. А не швырнул ее мне в лицо. Это невежливо. А папаша еще хуже! Он, наверное, доводит тебя до белого каления.

– Вообще-то...

– Ч-ш-ш, ты еще ребенок. Ты пока не умеешь разбираться в людях. Я теплый человек и очень эмпатичный. Я зарабатываю на жизнь чтением ауры. Ко мне с утра до вечера приходят клиенты, сама увидишь, но не волнуйся, никакими сомнительными делишками я не занимаюсь. После того как мне удалили матку, я потеряла к таким вещам всякий интерес. – Она подмигивает мне. – Скажи, а как тебе живется в твоём домике? Тебе никогда не бывает страшно ночевать тут в полном одиночестве?

– А почему мне должно быть страшно?

– Из-за этой истории.

– Из-за какой еще истории?

И тут впервые за все время нашего разговора Митци теряет себя. Она принимается теребить прядку волос, наматывая ее на палец, пока не скручивает в тонкий жгутик. Тогда она выдергивает его с корнем и бросает через плечо.

– Тебе лучше спросить об этом у своих хозяев.

– Они только что сюда переехали. Они ничего не знают. О какой истории вы говорите?

– Когда я была ребенком, мы называли твой коттедж Домом Дьявола. Мы подбивали друг друга заглянуть в окошко. Мой брат

предлагал мне четвертак, если я простою на крыльце столько времени, сколько нужно, чтобы вслух досчитать до ста, но я всегда трусила.

– Почему?

– Тут была убита одна девушка. Энни Барретт. Она была художницей, и в этом домике у нее была студия.

– Ее убили прямо в коттедже?

– Ну, ее тела так и не нашли. Это было очень давно, сразу же после Второй мировой.

В окне второго этажа вновь появляется физиономия Тедди.

– А пять минут уже прошли?

– Почти, – говорю я ему.

Когда я снова перевожу взгляд на Митци, та уже направляется через двор обратно к себе.

– Не заставляй милого ангелочка ждать. Идите есть свое мороженое.

– Погодите, так чем закончилась вся эта история?

– Ничем не закончилась. После того как Энни погибла – или пропала без вести, кто знает, – ее родные сделали из коттеджа сарай. И никому не позволяли находиться внутри. И с тех пор так все и было, все семьдесят с гаком лет. До этого месяца.

Каролина возвращается домой с полным багажником еды, так что я помогаю ей выгрузить и разобрать сумки. Тедди рисует у себя в комнате наверху, и я пользуюсь возможностью, чтобы спросить Каролину про историю, которую рассказала мне Митци.

– Я же говорила тебе, что у нее не все дома, – говорит она. – Она считает, что почтальон вскрывает над паром ее счета из банка, чтобы узнать ее кредитный рейтинг. Она чокнутая.

– Она сказала, что здесь убили какую-то девушку.

– Восемьдесят лет назад. Это очень старый городок, Мэллори. Здесь у каждого дома есть какая-нибудь жуткая история. – Каролина открывает холодильник и принимается складывать в овощной ящик шпинат, китайскую капусту и пучки редиски с приставшей к розовым хвостикам землей. – И потом, предыдущие владельцы прожили здесь сорок лет, так что у них явно не было никаких проблем.

– Ну да, это верно. – Я достаю из холщовой сумки упаковку с шестью бутылками кокосовой воды. – Только они же использовали

коттедж в качестве сарая, так ведь? Там никто не ночевал.

Терпение Каролины явно на исходе. Я вижу, что у нее был тяжелый день в клинике и она не горит желанием отвечать на дурацкие вопросы, едва войдя в дом.

– Мэллори, эта женщина за свою жизнь, вероятно, употребила больше наркотиков, чем все мои пациенты, вместе взятые. Я удивлена, что она вообще еще жива, но с головой у нее совершенно определенно не в порядке. Она нервная, дерганая, параноидальная истеричка. И как человек, которого заботит твое благополучие, я настаиваю на том, чтобы ты ограничила общение с ней, ясно?

– Я знаю, знаю, – говорю я и подавленно умолкаю.

Каролина никогда еще не была так близка к тому, чтобы на меня накричать. Больше я ничего не говорю, просто открываю кладовку и начинаю складывать туда упаковки риса арборио, кускуса и цельнозерновых крекеров. Я ставлю на полки бесчисленные пакеты овсяных хлопьев, сырого миндаля, турецких фиников и странных сморщенных грибов. Каролина, по-видимому, чувствует, что я все еще расстроена, потому что подходит и кладет руку мне на плечо.

– Послушай, у нас на втором этаже есть отличная гостевая комната. Если хочешь, можешь туда перебраться. Тедди будет вне себя от радости. Ну, что скажешь?

И вдруг каким-то образом оказывается, что ее рука уже не просто лежит у меня на плече, а она меня обнимает.

– Меня все устраивает, – говорю я ей. – Мне нравится иметь личное пространство. Это хорошая подготовка к самостоятельной жизни.

– Если передумаешь, только скажи. В этом доме тебе всегда рады.

Вечером я натягиваю кроссовки и выхожу на пробежку. Хотя уже стемнело, на улице все еще ужасно жарко и душно. Я испытываю удовольствие от преодоления себя, оттого, что бегу, преодолевая боль. У Рассела есть одна присказка, которую я люблю: он говорит, что мы не узнаем, на что способен наш организм, пока не поставим его в жесткие условия. Так вот, сегодня вечером я себя не щажу. Я делаю несколько забегов с ускорением туда-сюда по тротуару, потом бегу по улице, то погружаясь в тень между фонарями, то вновь выныривая из нее. В воздухе роятся светлячки и стоит непрекращающийся гул

кондиционером. Я пробегаю 5,2 мили за тридцать восемь минут и медленным шагом возвращаюсь домой, чувствуя себя полностью выложившейся.

Я снова принимаю душ – на этот раз в моей микроскопической ванной, – после чего съедаю незатейливый ужин: разогретую в мини-духовке пиццу и полпинты мороженого на десерт. Сегодня я его заслужила.

Когда я заканчиваю ужинать, уже десятый час. Я выключаю весь свет, кроме ночника на прикроватной тумбочке, беру телефон, забираюсь в мою большую белоснежную постель и включаю фильм под названием «Зимняя любовь». Но сосредоточиться никак не выходит. То ли я уже видела этот фильм, то ли сюжет просто один в один повторяет десяток других холлмарковских фильмов. Вдобавок в домике немного душно, так что я вылезаю из постели и открываю шторы.

Сбоку от входной двери имеется большое окно, а еще одно, поменьше, расположено над моей кроватью, и на ночь я оставляю их открытыми, чтобы было движение воздуха. Под потолком лениво вращаются лопасти вентилятора. За окнами в лесу стрекочут кузнечики, а время от времени до меня доносится негромкий шорох опавших листьев под лапами какой-нибудь мелкой лесной зверюшки.

Я забираюсь обратно в постель и включаю фильм заново с самого начала. Примерно раз в минуту о противомоскитную сетку какого-нибудь из окон начинает биться мотылек, привлеченный светом ночника. В стену за кроватью что-то стучится, но я знаю, что это всего лишь ветка; с трех сторон вплотную к дому подходят деревья, и их ветви задевают за стены каждый раз, когда поднимается ветер. Я бросаю взгляд на дверь, чтобы убедиться, что она заперта, но замок совсем хлипкий и решительно настроенного взломщика никоим образом не остановит.

И тут до меня доносится какой-то звук, пронзительный писк, как будто где-то у меня над самым ухом зудит комар. Я отмахиваюсь, но через несколько секунд комар возвращается – серая пылинка, маячащая где-то на самом краю поля зрения и всегда недостижимая. Мне вдруг вспоминается та докторша из Пенсильванского университета с ее научным экспериментом, которого на самом деле не было.

Это первая ночь в моем коттедже, когда у меня возникло ощущение, что за мной кто-то наблюдает.

Выходные у меня обычно проходят очень спокойно. Каролина с Тедом частенько устраивают семейные вылазки: едут все вместе на океан или везут Тедди в город в какой-нибудь музей. Они всегда приглашают меня с собой, но я неизменно отказываюсь: не хочу покушаться на их семейное время. Вместо этого я придумываю какие-нибудь дела в коттедже, чтобы чем-то себя занять, поскольку праздность влечет за собой искушения и далее по тексту. В субботу вечером, когда миллионы молодых людей по всей стране пьют, флиртуют, смеются и занимаются любовью, я, скорчившись возле унитаза с бутылкой чистящего спрея, оттираю швы на кафельном полу. По воскресеньям дело обстоит немногим лучше. Я побывала во всех окрестных церквях, но пока что ни одна меня не зацепила. Я всегда младше всех остальных прихожан как минимум лет на двадцать, и мне не нравится, когда на меня смотрят как на какое-то чудо природы.

Иногда меня очень подмывает вернуться в социальные сети, восстановить мои странички в «Инстаграме» и «Фейсбуке», но все мои кураторы как один предупреждали меня, чтобы я держалась от них подальше. Они утверждают, что эти сайты сами по себе несут риск зависимости и способны нанести непоправимый ущерб самооценке молодого человека. Поэтому я стараюсь занимать свой досуг простыми и понятными удовольствиями: пробежками, готовкой еды, прогулками на свежем воздухе.

И тем не менее я всегда очень радуюсь, когда выходные заканчиваются и я могу наконец вернуться к работе. В понедельник утром я прихожу в большой дом и обнаруживаю Тедди на полу под кухонным столом. Он играет с пластмассовыми фигурками домашних животных.

– Привет, Тедди-медведик! Как дела? – (Он высовывает из-под стола пластмассовую корову и мычит.) – О, так ты у нас теперь корова? Ну что ж, значит, я тогда пастух! Здорово!

Каролина мечется по кухне, сжимая в руках ключи от машины, сотовый телефон и несколько пухлых папок с документами. Она просит меня на минутку выйти с ней в холл. Как только мы оказываемся на достаточном расстоянии от ушей Тедди, она объясняет, что ночью он описался и она отправила его постельное белье в стирку.

– Переложить все в сушильную машину, когда достирается, ладно? Постель я ему уже перестелила.

– Конечно. Тедди хорошо себя чувствует?

– С ним все в полном порядке. Просто немного смущен. В последнее время такие проколы с ним часто случаются. Это все стресс от переезда. – Она достает из шкафа в холле сумочку и перекидывает ее через плечо. – Только не говори ему, что я тебе рассказала. Он не хочет, чтобы ты об этом знала.

– Я буду молчать, как рыба.

– Спасибо, Мэллори. Что бы я без тебя делала!

Самое любимое утреннее развлечение Тедди – вылазка в заколдованный лес на краю участка. Ветви деревьев образуют над нашими головами плотный зеленый полог, так что в лесу прохладно даже в самые жаркие дни. Дорожки не нанесены ни на одну карту и никак не называются, так что мы дали им свои имена. Дорогой, Вымощенной Желтым Кирпичом, мы называем утопанную тропу, которая начинается прямо за моим коттеджем и тянется параллельно домам на Эджвуд-стрит. Мы идем по ней до большого серого валуна, который именуется Драконьим яйцом, а затем сворачиваем на Драконью стежку – узенькую тропку, которая вьется сквозь густые заросли колючих кустов. Нам приходится идти гуськом, вытянув руки, чтобы не оцарапаться. Тропка приводит нас вниз, к Королевской реке (зловонному ленивому ручью глубиной от силы по пояс) и Мшистому мосту – длинному трухлявому бревну, соединяющему оба берега и покрытому тиной и странными грибами. Мы на цыпочках перебираемся на другой берег и идем по тропке до Гигантского Бобового Стебля – самого высокого дерева в лесу, ветви которого достают до неба.

Во всяком случае, так утверждает Тедди. Он на ходу сочиняет замысловатые истории и рассказывает о приключениях принца Тедди и принцессы Мэллори, отважных брата и сестры, волею судьбы

разлученных с королевской семьей и пытающихся найти дорогу домой. Иной раз за все утро мы не встречаем ни одной живой души. Редко-редко попадетя навстречу человек с собакой. А вот детей мы не видим практически никогда, и я подозреваю, что именно поэтому Тедди так любит сюда ходить.

С Каролиной, впрочем, я этими подозрениями не делюсь.

После двухчасовых блужданий по лесу, нагуляв аппетит, мы возвращаемся домой, и я делаю горячие бутерброды с сыром. Затем Тедди отправляется на тихий час, а я вспоминаю, что так и не вынула постельное белье из сушильной машины, и поднимаюсь наверх, в прачечную.

Проходя мимо комнаты Тедди, я слышу, как он разговаривает сам с собой. Я останавливаюсь и прикладываю ухо к двери, но разбираю лишь отрывочные слова. Это примерно как слушать человека, который с кем-то разговаривает по телефону, но большую часть времени говорит не он, а этот кто-то. Все его реплики отделены друг от друга паузами – одни из них длиннее, другие короче.

– Может быть? Но я...

–

– Я не знаю.

–

– Облака? Большие такие? И пушистые?

–

– Прости. Я не понима...

–

– Звезды? Ясно, звезды!

–

– Много звезд, я понял.

–

Мне так любопытно, что я уже совсем было собираюсь постучать, но тут в холле звонит телефон, и я спешу по лестнице вниз.

У Теда с Каролиной, разумеется, есть мобильники, но они настаивают на том, что в доме должен быть стационарный телефон, чтобы Тедди мог в случае чрезвычайной ситуации набрать 911.

– Алло? – говорю я.

Женский голос в трубке представляется директрисой начальной школы Спрингбрука.

– Это Каролина Максвелл?

Я объясняю, что я няня, и она говорит, что ничего срочного у нее нет, она просто звонит, чтобы лично познакомиться с Максвеллами.

– Я стараюсь поговорить со всеми родителями до того, как начнется учеба, потому что обычно у них множество тревог.

Я записываю ее имя и телефон и обещаю передать все Каролине. Некоторое время спустя на кухню приходит Тедди с новым рисунком. Он кладет его на стол лицом вниз и забирается на стул.

– А можно мне зеленый перец?

– Конечно.

Сладкий зеленый перец – любимое лакомство Тедди, так что Каролина закупает его в промышленных количествах. Я достаю перец из холодильника, споласкиваю под холодной водой и вырезаю черенок. Затем срезаю верхушку и шинкую перец на полоски такого размера, чтобы их удобно было класть в рот.

Мы сидим за столом, Тедди радостно жует свой перец, и тут я вспоминаю про картинку. На ней изображен мужчина, который по лесной чаще тащит за лодыжки женщину, так что ее безжизненное тело волочится по земле. На заднем плане, между деревьями, виднеется тонкий серпик месяца и множество маленьких звездочек.

– Тедди? Это что такое?

Он пожимает плечами.

– Игра.

– Что это за игра такая?

Он впивается зубами в кусок перца и отвечает с набитым ртом:

– Аня разыгрывает историю, а я ее рисую.

– Как в «Пикшинари»?

Тедди фыркает так, что жеванные кусочки перца разлетаются у него изо рта в разные стороны.

– «Пикшинари»? – Он с размаху откидывается на спинку стула и заливается истерическим смехом, и я хватаю бумажное полотенце, чтобы протереть столешницу. – Аня не может играть в «Пикшинари»!

Я мягко уговариваю его успокоиться и выпить воды.

– Давай начнем сначала, – говорю я ему, стараясь придать своему тону небрежность. Не хочу, чтобы Тедди догадался, что я до смерти перепугана. – Объясни мне, как играть в эту игру.

– Я же тебе сказал, Мэллори. Аня разыгрывает историю, а я должен ее нарисовать. Вот и все. Вот и вся игра.

– А что это за мужчина?

– Я не знаю.

– Он сделал с Аней что-то плохое?

– Откуда я знаю! Это не «Пикшинари»! Аня не может играть в настольные игры!

С этими словами он снова откидывается на спинку стула и заливается смехом в той блаженной беззаботной манере, какая свойственна только детям. Смех у него такой веселый и искренний, и я решаю, что мое беспокойство не имеет под собой никаких оснований. Тедди явно ничто не гнетет. Он выглядит абсолютно таким же жизнерадостным, как и любой другой ребенок. Ну придумал он себе странную воображаемую подружку и играет с ней в странные воображаемые игры – и что в этом такого?

Тедди между тем продолжает бурно веселиться. Я встаю и несу рисунок в ящик для документов. Там Каролина держит папку, куда просила меня складывать все рисунки Тедди, чтобы она могла потом отсканировать их и хранить в электронном виде в компьютере.

Но Тедди замечает, что я делаю.

Он прекращает смеяться и качает головой.

– Не надо показывать его маме и папе. Аня говорит, она хочет, чтобы он был у тебя.

Вечером я отправляюсь пешком в большой торговый центр в миле от нас, где есть магазин электроники, и трачу часть своих сбережений на недорогой планшет. К восьми вечера я уже у себя в коттедже. Я запираю дверь, переодеваюсь в пижаму и забираюсь в постель со своей новой игрушкой. На то, чтобы настроить планшет и подсоединиться к Wi-Fi Максвеллов, у меня уходит всего несколько минут.

Поиск по словосочетанию Энни Барретт выдает шестнадцать миллионов результатов: архитектурные бюро, маленькие онлайн-

магазинчики, мастер-классы по йоге и десятки страниц в «Фейсбуке», «Инстаграме» и «Твиттере». Я снова запускаю поиск, добавив к имени Энни Барретт сначала запрос «художница», а потом «умерла» и «убита», но ничего полезного не находится. В Интернете нет никаких сведений о ней.

Снаружи прямо над моей головой что-то с размаху шлепается о противомоскитную сетку в окне. Я знаю, что это очередной жирный коричневый мотылек, которыми кишит лес. Их крылья цветом и текстурой напоминают древесную кору – это называется «защитная окраска», – но отсюда, с моей стороны, мне видны только их склизкие членистые подбрюшья, три пары ног и два нервных усика. Я щелкаю по сетке, и они отлетают, но через несколько секунд, покружив неподалеку, возвращаются обратно. Я боюсь, что они найдут какую-нибудь дырочку в сетке и, протиснувшись сквозь нее в комнату, будут роиться вокруг ночника.

Рядом с ночником лежит рисунок, на котором Аню тащат по земле в лес. Наверное, не стоило мне оставлять его у себя. Наверное, надо было отдать его Каролине, как только она переступила через порог. Или вообще скомкать и отправить в мусорку. Мне не дает покоя то, как Тедди нарисовал ее волосы, эти непристойно длинные черные пряди, волочащиеся за телом, словно кишки. На прикроватной тумбочке что-то взвизгивает, я от неожиданности выскакиваю из кровати и лишь потом осознаю, что это всего-навсего мой телефон.

– Куинн! – раздается в трубке голос Рассела. – Я не слишком поздно?

В этом вопросе весь Рассел. Сейчас всего-то восемь сорок пять, но он утверждает, что любой человек, сколько-нибудь серьезно занимающийся спортом, в девять тридцать должен уже лежать в кровати с выключенным светом.

– Нет-нет, все нормально, – говорю я ему. – Что случилось?

– Я звоню по поводу твоего подколенного сухожилия. Ты недавно жаловалась, что потянула его.

– Уже лучше.

– Сколько сегодня пробежала?

– Четыре мили. За тридцать одну минуту.

– Устала?

– Нет, ни капли.

– Ну что, готова идти дальше?

Я не могу заставить себя оторвать взгляд от рисунка, от длинных черных волос, волочащихся за телом женщины.

Какой ребенок будет такое рисовать?

– Куинн?

– Да, я слушаю... простите.

– У тебя все в порядке?

Я слышу над ухом комариный писк и с размаху хлопаю себя по щеке. Потом смотрю на ладонь, надеясь увидеть раздавленное насекомое, но ничего нет.

– Да, все отлично. Просто немножко устала.

– Ты только что сказала, что *не* устала.

В его голосе прорезаются подозрительные нотки, как будто он внезапно почувствовал какой-то подвох.

– Как твои хозяева с тобой обращаются?

– Они потрясающие люди.

– А пацан? Томми? Тони? Тоби?

– Тедди. Он милый малыш. Нам с ним весело.

На мгновение у меня возникает мысль рассказать Расселу обо всей этой истории с Аней, но я просто не знаю, с чего начать. Если я сейчас возьму и выложу ему всю правду как есть, он, скорее всего, решит, что я снова начала употреблять.

– У тебя заскоков не бывает? – спрашивает он.

– В каком смысле заскоков?

– Провалы в памяти? Приступы забывчивости?

– Нет, вроде бы ничего такого не было.

– Я серьезно, Куинн. Учитывая твои обстоятельства, это было бы совершенно ожидаемо. Стресс от новой работы, от новой жизни.

– У меня все прекрасно с памятью. Никаких проблем давно уже не было.

– Вот и славненько. – (Я слышу, как он набирает что-то на клавиатуре своего компьютера – видимо, вносит какие-то коррективы в план моих тренировок.) – Ты вроде бы говорила, что у Максвеллов есть бассейн, да? Тебе разрешают им пользоваться?

– Разумеется.

– Ты знаешь, какой он длины? Плюс-минус?

– Футов, наверное, тридцать.

– Я сейчас скину тебе ссылки на парочку видео в «Ютьюбе». Там плавательные упражнения. Простая кросс-тренировка. Раз два-три в неделю, ладно?

– Ладно.

Видимо, что-то в моем голосе все же ему не нравится.

– И звони мне, если тебе что-нибудь будет нужно, ладно? Я же не в Канаде. Мне до тебя сорок минут езды.

– Не волнуйтесь, тренер. Я в полном порядке.

6

Плаваю я довольно паршиво. В моем детстве неподалеку от нашего дома был общественный бассейн, но в летнее время там всегда творился натуральный дурдом: сотни вопящих и визжащих детей набивались туда, как сельди в бочку, так что плавать было толком невозможно. В воде постоянно бултыхалась какая-то грязь. Мать запрещала нам с сестрой опускать голову под воду, потому что боялась, что мы подцепим конъюнктивит.

Так что новый план тренировок Рассела особого рвения у меня не вызывает. До бассейна я добираюсь только на следующий вечер, уже в одиннадцатом часу. В темноте задний двор Максвеллов производит странное впечатление. От Спрингбрука до Филадельфии рукой подать, но в такое время кажется, что мы где-то в сельской глуши. Единственные источники света – лишь луна и звезды да еще галогеновые лампы на дне бассейна. Вода выглядит зловеще. Поверхность мерцает неоновой голубизной, словно радиоактивная плазма, отбрасывая причудливые тени на заднюю стену дома.

После дневного зноя приятно погрузиться в прохладную воду. Но когда я выныриваю, чтобы сделать глоток воздуха, и открываю глаза, то готова поклясться, что лес сдвинулся вперед, как будто все деревья разом каким-то образом подобрались ближе. Даже хор кузнечиков кажется громче. Я понимаю, что это иллюзия, что новый угол зрения изменил мое пространственное восприятие, стерев двадцать футов лужайки между ограждением бассейна и опушкой леса. Но это все равно кажется жутковатым.

Я держусь за бортик бассейна и минут пять разминаюсь, делая махи ногами. В большом доме во всех окнах первого этажа горит свет, так что кухня передо мной как на ладони, но ни Теда, ни Каролины не видно. Наверное, сидят в кабинете, пьют вино и читают книги – как, собственно, по большей части и проводят вечера.

Размявшись, я отталкиваюсь от бортика и расслабленно плыву кролем. Моя цель – десять кругов туда и обратно, но уже на третьем я понимаю, что переоценила свои силы. Дельтовидные мышцы и трицепсы горят; вся верхняя половина тела совершенно не в форме. Даже икры начинает сводить. Я напрягаю все силы, чтобы закончить четвертый круг, но на пятом мне все равно приходится остановиться. Я повисаю на бортике и пытаюсь отдышаться.

И тут – из леса – вдруг доносится негромкое «крак».

Это трещит под чьей-то подошвой сухая ветка, на которую наступили с размаху. Я оборачиваюсь в направлении деревьев и, сощурившись, вглядываюсь в темноту, но ничего не вижу. Зато что-то – или кого-то – слышу: негромкий шорох палой листвы под чьими-то ногами, удаляющийся в сторону моего коттеджа...

– Как водичка?

Я оборачиваюсь и вижу Теда, который открывает ворота ограждения. Он без рубашки, в купальных шортах и с полотенцем, перекинутым через плечо. Он плавает по вечерам несколько раз в неделю, но я никогда не видела его в бассейне в такой поздний час. Я подплываю к лестнице и говорю:

– Я как раз собиралась вылезать.

– Не нужно. Места всем хватит. Ты начинай с того конца, а я буду с этого.

Он бросает полотенце на шезлонг и ныряет в бассейн – просто делает шаг в воду, даже не вздрогнув, – и по его сигналу мы начинаем плыть параллельно друг другу от противоположных бортиков бассейна. В теории мы должны проплыть друг мимо друга всего один раз, в центре дорожки, но Тед плавает с сумасшедшей скоростью и через минуту уже меня обгоняет. Он в прекрасной форме. На одном вдохе он проплывает практически весь бассейн, так что я вообще не понимаю, каким образом он ухитряется дышать. Он движется как акула, не издавая практически ни звука, в то время как я молочу по воде руками и ногами, словно пьяный пассажир круизного лайнера,

свалившийся за борт. Я вымучиваю еще три круга и сдаюсь. Тед все плавает и плавает, прежде чем еще шесть кругов спустя остановиться рядом со мной.

– Ну вы круты, – говорю я ему.

– В школе я плавал лучше. У нас был потрясающий тренер.

– Везет вам. Я училась сама по «Ютьюбу».

– Тогда можно непрошенный совет? Ты слишком часто дышишь. Вдох надо делать на каждый второй гребок, всегда либо под правую, либо под левую руку, как тебе самой удобнее.

Он уговаривает меня попробовать, и я, оттолкнувшись от бортика, проплываю всю длину бассейна, следуя его совету. Результаты не заставляют себя ждать. Я дышу вдвое реже и плыву вдвое быстрее.

– Ну что, так лучше?

– Намного. Может, еще что-нибудь подскажете?

– Нет, я только что дал тебе самый свой лучший совет. Плавание – единственный вид спорта, в котором тренеры ругают тебя за то, что неправильно дышишь. Но если ты будешь практиковаться, у тебя будет получаться все лучше и лучше.

– Спасибо.

Я подплываю к лестнице и вылезая из бассейна. На сегодня с меня хватит. Мой купальник задирается, и я поправляю его, но, видимо, недостаточно быстро.

– О, «Флаерс», вперед! – говорит Тед.

Он имеет в виду небольшую татуировку у меня на бедре. Это безумная физиономия Гритти, мохнатого оранжевого талисмана филиладельфийской хоккейной команды. Все это время я очень старалась, чтобы Максвеллы ее не увидели, и сейчас ругаю себя за то, что не уследила за купальником.

– Это ошибка юности, – говорю я Теду. – Как только у меня будут деньги, я сведу ее лазером.

– Но ты любишь хоккей?

Я качаю головой. Я никогда не играла в хоккей и никогда в жизни даже не видела ни одного матча. Но два года назад я свела знакомство с мужчиной намного меня старше, который очень любил спорт и имел неограниченный доступ к рецептурным лекарственным средствам. Айзеку было тридцать восемь, и его отец в 1970-х играл за «Флаерс». Он заработал кучу денег и умер молодым, и Айзек потихоньку спускал

его состояние. Мы с парочкой еще таких же, как я, жили в его кондоминиуме, спали у него на полу, периодически как-то незаметно оказываясь у него в постели, и эту татуировку я набила главным образом ради того, чтобы произвести на него впечатление в надежде на то, что он решит, что я классная, и позволит мне жить у него и дальше. Но мой план провалился. Мне пришлось ждать пять дней, прежде чем снять повязку, но к этому времени Айзека уже арестовали за хранение наркотиков, и его квартирный хозяин выставил нас всех обратно на улицу.

Тед все еще ждет моих объяснений.

– Сделала когда-то по глупости, – говорю я. – Сейчас сама не понимаю, чем я думала.

– Ну, тут ты не одинока. У Каролины тоже есть татуировка, от которой она хочет избавиться. В колледже у нее был богемный период.

С его стороны это, конечно, очень мило, но мне от его слов легче не становится. Я уверена, что Каролинина татуировка являет собой образчик утонченного вкуса. Это наверняка роза, или полумесяц, или китайский иероглиф, означающий что-нибудь особенное, а не дурацкое пучеглазое страшилище. Я спрашиваю у Теда, где она прячет свою татушку, как вдруг раздается еще одно громкое «крак».

Мы оба как по команде поворачиваемся в сторону леса.

– Там кто-то есть, – говорю я. – Я уже слышала раньше, как он тут ходит.

– Кролик, наверное, – отмахивается Тед.

И тут снова слышится громкий треск и беспорядочный шум, как будто какое-то небольшое животное в панике, не разбирая дороги, напролом мчится сквозь подлесок.

– *Это* в самом деле был кролик. Но раньше, до того, как вы вышли, шум был громче. У меня сложилось впечатление, что это был человек.

– Может, подростки? Уверен, этот лесок пользуется популярностью у старшеклассников.

– По ночам хуже всего. Иногда я лежу в постели и мне кажется, что они прямо у меня за окном.

– Может, стоит поменьше слушать Митци с ее бреднями? – подмигивает мне Тед. – Каролина рассказала мне о вашей встрече.

– Она своеобразная женщина.

– Я бы на твоём месте держался от неё подальше, Мэллори. Вся эта её эзотерическая белиберда, этот вечный проходной двор у неё дома, эти её мутные клиенты, которые приходят к ней через заднюю дверь и платят наличными... Как по мне, это пахнет незаконными вещами. Я ей не доверяю.

Теду, судя по всему, не слишком часто доводилось иметь дело с экстрасенсами. Когда я росла, у нас была соседка, миссис Грубер, которая гадала на картах таро в подсобке местной пиццерии. Она прославилась тем, что предсказала одной из официанток выигрыш в сто тысяч долларов в моментальную лотерею. Кроме того, она также давала консультации по брачным предложениям, неверным бойфрендам и прочим сердечным делам. Мы с подругами называли её Пророчицей и доверяли ей больше, чем первой полосе «Инквайрера».

Впрочем, я не рассчитываю, что Тед отнесётся ко всему этому с пониманием. Этот человек не готов даже поддерживать легенду о существовании зубной феи. Когда несколько дней тому назад у Тедди выпал молочный зуб, Тед просто открыл бумажник и выдал сыну доллар – и никакого тебе флера тайны, никакой торжественности, никаких попыток ночью прокрасться на цыпочках в спальню, чтобы положить банкноту под подушку.

– Она безобидная.

– Я думаю, она приторговывает наркотиками, – говорит Тед. – У меня нет никаких доказательств, но я наблюдаю за ней. Держи с ней ухо остро, ладно?

Я вскидываю вверх правую руку.

– Слово скаута!

– Я серьёзно, Мэллори.

– Я знаю. И очень вам за это благодарна. Я буду осторожна.

Я открываю воротца защитного ограждения, чтобы уйти, и вижу, что по двору идёт Каролина – в той же самой одежде, в которой пришла с работы, с блокнотом и карандашом в руках.

– Мэллори, стой. Нам что, вчера звонили? Из школы?

И тут я понимаю, что крупно проштрафилась. Я помню звонок и помню, как записывала номер директрисы на клочке бумаги. Но потом в кухню вошёл Тедди с этим своим странным рисунком, и все остальное попросту вылетело у меня из головы.

– Да, директриса, – говорю я. – Я записала ее телефон и сунула в карман. Он, скорее всего, у меня в шортах, в коттедже. Сейчас сбегаю принесу...

Каролина качает головой.

– Не надо. Она только что написала мне по электронной почте. Но я предпочла бы узнать о ее звонке вчера.

– Я понимаю. Простите, пожалуйста.

– Если мы не подадим документы вовремя, Тедди потеряет место. У них тридцать человек в листе ожидания в подготовительный класс.

– Я понимаю, понимаю...

– Хватит уже твердить «я понимаю», – обрывает меня Каролина. – Если бы ты действительно понимала, ты не забыла бы сказать мне о звонке. В следующий раз, пожалуйста, прояви чуть больше ответственности.

Она разворачивается и идет обратно к дому. Я потрясенно провожаю ее взглядом. Впервые за все время Каролина по-настоящему на меня накричала. Тед торопливо выбирается из бассейна и кладет руку мне на плечо.

– Послушай, не расстраивайся.

– Простите меня, Тед, я чувствую себя просто ужасно.

– Она злится на школу, а не на тебя. Они требуют от нас какую-то невыносимую прорву документов. Прививки, аллергии, психологические профили. У них в анкете больше страниц, чем в моей налоговой декларации!

– Это просто случайность, честное слово, – говорю я. – Я записала телефон, но потом отвлеклась на одну вещь, которую дал мне Тедди.

Мне так отчаянно хочется оправдаться, что я принимаюсь описывать Теду рисунок, но он перебивает меня. Видимо, ему хочется поскорее вернуться в дом. Я вижу на пороге силуэт Каролины – она стоит в раздвижных дверях, наблюдая за нами.

– Она успокоится, не переживай, – говорит он. – Завтра она об этом даже не вспомнит.

Его голос звучит спокойно, но он поспешно уходит вслед за женой и вскоре превращается в двухмерный силуэт в дальнем конце двора. В следующее мгновение он подходит к Каролине и обнимает ее. Она тянется к выключателю на стене, и больше я ничего не вижу.

Поднимается легкий ветерок, и меня пробирает дрожь. Я заворачиваюсь в полотенце и иду к себе в коттедж. Я запираю дверь и переодеваюсь в пижаму, и тут снова слышатся чьи-то шаги, мягкая поступь по траве – только на этот раз прямо за моим окном. Я отдергиваю занавеску и выглядываю наружу, но сквозь антмоскитную сетку могу разглядеть только склизких мотыльков.

Это олень, говорю я себе. Это всего лишь олень.

Я задергиваю занавески, выключаю свет и забираюсь в постель, натянув одеяло до самого подбородка. Снаружи кто-то или что-то шебуршит прямо рядом с моей кроватью – я слышу, как он копошится с внешней стороны стены, исследуя дом, обходя его по периметру, как будто пытается отыскать способ проникнуть внутрь. Я сжимаю руку в кулак и с размаху бью в стену, надеясь, что грохот спугнет незваного гостя.

Однако вместо этого он ныряет под дом и принимается разрывать землю, внедряясь под дощатый настил. Не представляю, как кто-то вообще может там поместиться. Высота свай, на которых держится дом, от силы восемнадцать дюймов. Это никак не может быть олень, но, судя по шуму, это кто-то большой, размером как раз с оленя. Я сажусь на кровати и принимаюсь молотить по полу пятками, но все без толку.

– Ну, давай, иди сюда, – кричу я в надежде, что в конце концов шум все-таки спугнет его.

Однако непонятное существо продвигается все дальше и дальше, пробиваясь к центру комнаты. Я встаю и зажигаю свет, потом опускаюсь на четвереньки и прислушиваюсь, пытаюсь определить, в каком направлении движется звук. Мне приходится откинуть ковер, и под ним в половицах обнаруживается квадратная прорезь – крышка люка, сквозь который вполне может протиснуться взрослый человек. Ни петель, ни ручки нет, лишь две овальные выемки, за которые можно поднять крышку.

Наверное, если бы все это происходило не в такое позднее время – и если бы Каролина и без того не была уже на меня сердита, – я могла бы позвонить Максвеллам и попросить их о помощи. Теперь же я полна решимости справиться самостоятельно. Я иду на кухню и набираю в пластмассовый кувшин воды. Это существо, кем бы оно ни было, не может быть таким большим, как кажется. Поговорку про то,

что у страха глаза велики, придумали не зря. Я плюхаюсь на колени рядом с люком и пытаюсь поднять крышку, но она не поддается. От сырости дерево разбухло, и панель застряла намертво. Я что было сил обеими руками тяну крышку на себя, не обращая внимания на боль в пальцах и на то, что острые щепки вонзаются в нежную кожу под ногтями. Наконец, издав громкий хлопок и подняв облако серой пыли, крышка выскакивает из пола, точно пробка из бутылки шампанского. Я хватаю ее и прижимаю к груди, держа перед собой на манер щита. Потом наклоняюсь и заглядываю в дыру.

Там слишком темно, чтобы можно было хоть что-нибудь разглядеть. Внизу чернеет земля, сухая и безжизненная, точно остывшее кострище. Все тихо. Мой гость, кем бы он ни был, исчез. В дыре ничего нет, лишь кучи серой пыли, испещренной черными точками. Я понимаю, что все это время сдерживала дыхание, и выдыхаю с облегчением. Видимо, моя возня с крышкой люка спугнула непонятное существо.

Но тут серая пыль начинает шевелиться, черные точки моргают, и до меня доходит, что я смотрю прямо на него – встав на задние лапы, оно тянется ко мне уродливыми розовыми когтями, оскалив длинные острые зубы. Я истошно визжу, забыв про позднее время. Потом захлопываю крышку люка и всем телом наваливаюсь сверху, чтобы забаррикадировать проход. Я молочу по краям кулаками, пытаюсь заставить разбухшую крышку встать обратно на место, но она не влезает в люк. Через минуту в моем коттедже, открыв дверь своим ключом, появляется Каролина. Она в ночной сорочке, позади нее в одних пижамных штанах стоит Тед. Они слышат шум, несущийся из-под моего домика, грохот под половицами.

– Это крыса, – говорю я им, до смерти обрадованная, что они тут, что я больше не одна. – Огромная крыса, никогда в жизни такой не видела.

Тед берет пластиковый кувшин с водой и несет его на улицу, а Каролина, обняв меня за плечи, успокаивает и говорит, что все будет хорошо. Мы совместными усилиями поворачиваем крышку люка на девяносто градусов, так что она встает обратно, и я держу ее, а Каролина утрамбовывает по краям, чтобы они встали на место. Но даже после того, как она заканчивает, я боюсь отойти из опасения, что

крышка выскочит обратно. Каролина стоит рядом, обнимая меня за плечи, пока сквозь открытое окно до нас не доносится плеск воды.

Через миг возвращается Тед с пустым кувшином.

– Это опоссум, – с ухмылкой говорит он. – Не крыса. Он улепетывал со всех ног, но я его догнал.

– Но как он оказался под домом?

– В обшивке обнаружилась дыра. В западной стене. Похоже, одна из досок прогнила. – Каролина хмурится и открывает рот, чтобы что-то сказать, но Тед опережает ее. – Я знаю, знаю. Завтра же все починю. Придется съездить в строительный магазин.

– Завтра первым же делом, Тед. Этот паршивец напугал Мэллори до полусмерти! А вдруг он бы ее укусил? А вдруг у него бешенство?

– Я в полном порядке, – заверяю я ее.

– Она в полном порядке, – повторяет мои слова Тед, но Каролина не желает успокаиваться. Она смотрит на люк в полу. – А вдруг он вернется снова?

Несмотря на то что на часах почти полночь, Каролина настаивает, чтобы Тед сходил в большой дом за инструментами и заколотил крышку люка гвоздями – тогда никто уже точно не сможет пробраться ко мне в коттедж. Пока мы ждем, когда он закончит, она ставит на кухне чайник и заваривает нам троим ромашковый чай. После всего Максвеллы задерживаются у меня еще ненадолго, чтобы убедиться, что я успокоилась и мне ничто не угрожает. Мы втроем сидим на краю моей постели, болтая и рассказывая забавные истории, так что в конце концов смеюсь даже я, и кажется, что никакой выволочки из-за телефонного звонка и не бывало.

Следующий день – жаркое и душное Четвертое июля, и я заставляю себя выйти на длинную пробежку, восемь миль за семьдесят одну минуту. На обратном пути я прохожу мимо дома, который мы с Тедди окрестили Цветочным замком. Это расположенный в трех кварталах от дома Максвеллов огромный белый особняк с подъездной дорожкой в виде буквы U и двором, засаженным умопомрачительно яркими цветами: хризантемами, геранями, лилейниками и еще

множеством других. Я замечаю, что на шпалерах перед домом появились какие-то новые оранжевые цветы, и подхожу чуть ближе, чтобы получше их рассмотреть. Они выглядят так странно и непривычно – ни дать ни взять крошечные дорожные конусы, – что я делаю несколько фотографий на телефон. Но тут входная дверь распахивается и на пороге появляется мужчина. Я краем глаза вижу, что на нем костюм, и решаю, что он вышел, чтобы накричать на меня за вторжение на чужую территорию и прогнать прочь.

– Эй!

Я возвращаюсь обратно на тротуар и неловко машу рукой вместо извинения, но уже слишком поздно. Мужчина спустился с крыльца и идет в мою сторону.

– Мэллори! – кричит он. – Как поживаете?

И только тогда до меня доходит, что я уже видела его раньше. Жара стоит хорошо за тридцать, но Адриан, судя по всему, в своем светло-сером костюме чувствует себя абсолютно комфортно, как все эти ребята из фильмов про одиннадцать друзей Оушена. Под пиджаком у него накрахмаленная белая рубашка и ярко-синий галстук. Бейсболки на нем нет, и я вижу густую копну его темных волос.

– Прошу прощения, – говорю я. – Я вас не узнала.

Он опускает глаза и смотрит на свой наряд с таким видом, как будто совсем позабыл, что на нем надето.

– А, ну да. У нас сегодня мероприятие. В гольф-клубе. Мой отец... он получает награду.

– Вы тут живете?

– Мои родители. Я приехал домой на каникулы.

Входная дверь открывается, и появляются его родители: мать, высокая и элегантная, в ярко-синем платье, и отец в классическом черном смокинге с серебряными запонками.

– Это что, Эль Хефе?

– Ну да, «Король газонов» собственной персоной. Мы стрижем половину всех лужаек в Южном Джерси. Летом на него работают восемьдесят человек, но клянусь вам, Мэллори, я единственный, на кого он кричит.

Его родители направляются к черному «БМВ», припаркованному на подъездной дорожке, но Адриан машет им рукой, чтобы подошли к нам, хотя, честное слово, лучше бы он этого не делал. Вы, конечно,

помните бегуний из рекламных роликов «Тампакс», которые после пробежки выглядят так шикарно, что хоть сейчас на подиум? Так вот, после восьми миль в тридцатиградусную жару я ну совершенно на них не похожа. Футболка насквозь промокла от пота, волосы висят неопрятными сосульками, ко лбу прилипли раздавленные мошки.

– Мэллори, это моя мать София и мой отец Игнасио. – (Я тщательно оттираю ладонь о шорты, прежде чем пожать им руки.) – Мэллори присматривает за ребенком Максвеллов. Это которые недавно переехали на Эджвуд-стрит. У них мальчик по имени Тедди.

София окидывает меня подозрительным взглядом. Она так элегантно одета и безупречно причесана, что я не могу даже представить, чтобы она за последние тридцать лет хоть раз вспотела. Игнасио же приветливо мне улыбается.

– Вы, должно быть, очень любите спорт. Бегать в такую влажность!

– Мэллори бегают на длинные дистанции за Пенсильванский университет, – объясняет Адриан. – Она в студенческой легкоатлетической сборной.

Я начисто забыла о своей лжи и сейчас, услышав ее из уст Адриана, внутренне съеживаюсь. Будь мы с ним наедине, я во всем призналась бы ему, но сейчас, в присутствии его родителей, не могу ничего сказать.

– Уверен, вы расторопнее моего сына, – говорит Игнасио. – Он может целый день стричь каких-то два жалких двора!

Он оглушительно смеется собственной шутке, в то время как Адриан сконфуженно переминается с ноги на ногу.

– Ох уж этот газнокосильщицкий юмор! Мой отец считает, что в нем умер великий комик.

– Это смешно, потому что это правда! – ухмыляется Игнасио.

София между тем пристально меня разглядывает.

– А на каком вы курсе?

– На последнем. Еще немного – и все.

– И я тоже! – говорит Адриан. – Я учусь в Ратгерском университете, в Нью-Брансуике. На инженера. А у вас какая специальность?

Я представления не имею, что ему ответить. Планируя свое обучение в университете, я думала исключительно о тренерах,

спортивных агентах и равном финансировании женского студенческого спорта и никогда не доходила до размышлений о том, что я, собственно, хотела бы изучать. Бизнес? Юриспруденцию? Биологию? Ни один из этих ответов не кажется мне правдоподобным – но я слишком долго тяну с ответом, и теперь все смотрят на меня в ожидании, и мне нужно сказать хоть что-нибудь, что угодно...

– Образование, – бухаю я.

Вид у Софии становится скептический.

– Вы имеете в виду педагогику?

Она произносит это слово медленно, практически по слогам, как будто подозревает, что я впервые его слышу.

– Ну да. Для маленьких детей.

– Педагогику начальных классов?

– Совершенно верно.

Адриан сияет.

– Моя мама преподает в четвертом классе! Ее специальность тоже «Педагогика начальных классов»!

– Вот это совпадение!

Я тихо радуюсь тому, что еще не остыла после пробежки, потому что щеки у меня сейчас наверняка горят.

– Самая благородная профессия! – восклицает Игнасио. – Вы сделали прекрасный выбор, Мэллори.

Мне отчаянно хочется переменить тему, сказать что-нибудь – что угодно, – что не было бы ложью.

– У вас изумительно красивые цветы, – говорю я им. – Я каждый день пробегаю мимо вашего дома, чтобы ими полюбоваться.

– Ну, тогда у меня к вам вопрос на миллион долларов, – оживает Игнасио. – Какие из них нравятся вам больше всего?

Адриан объясняет, что это игра, в которую его родители играют со своими гостями.

– Идея заключается в том, что твой любимый цветок определенным образом говорит о твоей личности. Что-то вроде гороскопа.

– Они все очень красивые, – говорю я.

Такой ответ Софию не устраивает.

– Нужно выбрать только один. Тот, что нравится вам больше всего.

Тогда я указываю на оранжевые цветы, которые только недавно появились, – те, что увивают шпалеры перед домом.

– Я не знаю, как они называются, но они напоминают мне маленькие дорожные конусы.

– Это камписсы, – говорит Адриан.

– Никто никогда не выбирает камписсы! – радуется Игнасио. – А ведь это очень красивый цветок и притом очень неприхотливый. Все, что ему нужно, – это немного солнечного света и воды, а дальше можно оставить его в покое, и он будет расти сам по себе. Очень независимый цветок!

– Но способный превратиться в сорняк, – добавляет София. – И тогда попробуй от него потом еще избавиться!

– Это называется жизнестойкость! – возражает Игнасио. – Это хорошо!

Адриан бросает в мою сторону раздраженный взгляд: «Видишь, что мне приходится выносить?» – но тут мать напоминает ему, что они уже опаздывают и им пора ехать. Так что мы торопливо говорим друг другу «до свидания» и «очень приятно было с вами познакомиться», и я иду дальше.

Несколько секунд спустя мимо меня проезжает черная «БМВ», и Игнасио сигналил на прощание, а София смотрит прямо перед собой. Адриан машет мне из окошка, и на мгновение я вижу того маленького мальчика, которым он когда-то был, – мальчика, который путешествовал с родителями на заднем сиденье машины и гонял на велосипеде по этим тенистым тротуарам, принимая эти прекрасные, обсаженные деревьями улицы как нечто полагающееся ему по праву рождения. У меня такое ощущение, что у него было безоблачное детство, что вся его жизнь с самого рождения была усыпана розами.

Каким-то образом я умудрилась дожить до двадцати одного года, ни разу не обзаведясь настоящим бойфрендом. Ну, то есть у меня были мужчины – когда ты достаточно симпатичная девушка, употребляющая наркотики, всегда есть один безотказный способ раздобыть дозу, – но никогда не было ничего даже отдаленно напоминающего традиционные отношения.

Но в холлмарковской версии моей жизни – в альтернативной реальности, где я выросла в Спрингбруке у добрых, обеспеченных и образованных родителей вроде Теда и Каролины, – мой идеальный

бойфренд был бы примерно таким, как Адриан. Он симпатичный, с чувством юмора, не боится тяжелой работы. И вот я уже прикидываю, когда пройдут обещанные две недели и он снова появится во дворе у Максвеллов со своей газонокосилкой.

В Спрингбруке полно детей возраста Тедди, но пока что мне так и не удалось ни с кем его познакомить. В конце нашего квартала есть большая детская площадка с горками, качелями и каруселями, по которой вечно носятся толпы кричащих и визжащих пятилеток, но он упорно не желает с ними общаться.

Однажды утром в понедельник мы сидим на скамейке в парке, наблюдая за тем, как группка мальчишек катает по горке игрушечные машинки. Я предлагаю Тедди присоединиться к ним.

– У меня нет машинки, – говорит он.

– Попроси их дать тебе поиграть.

– Я не хочу просить.

Он сердито нахохливается, даже не делая попытки встать со скамейки.

– Тедди, пожалуйста.

– Я хочу играть с тобой. А с ними не хочу.

– Тебе нужны друзья твоего возраста. Через два месяца ты пойдешь в школу.

Но убедить его мне так и не удается. Остаток утра мы проводим дома, собирая лего, потом Тедди обедает и уходит наверх к себе в комнату на тихий час. Я знаю, что мне следовало бы прибраться на кухне, но у меня нет сил. Я плохо спала – по случаю Четвертого июля полночи взрывались фейерверки, – а препирательства с Тедди окончательно меня вымотали.

Я решаю ненадолго прилечь на диван, закрываю глаза, а когда открываю, надо мной стоит Тедди и трясет меня за плечо.

– Давай пойдём плавать?

Я сажусь и понимаю, что свет в комнате изменился. Уже почти три часа.

– Да, конечно, беги переодеваться.

Тедди протягивает мне рисунок и выбегает из комнаты. Та же самая лесная чаща, что и на прошлой картинке, только на этот раз

мужчина засыпает землей глубокую яму, а на дне лежит безжизненное тело Ани.

Тедди возвращается в гостиную, одетый в плавательные шорты.

– Идем?

– погоди, Тедди. Что это такое?

– Что «это»?

– Кто это? В яме?

– Аня.

– А что это за мужчина?

– Я не знаю.

– Он ее закапывает?

– В лесу.

– Почему?

– Потому что он украл Анину маленькую девочку, – говорит Тедди. – А можно мне арбуза? Перед тем, как мы пойдем плавать?

– Конечно, можно, Тедди, но почему...

Слишком поздно. Он уже вприпрыжку бежит на кухню и распахивает дверцу холодильника. Я иду за ним и обнаруживаю, что он, стоя на цыпочках, пытается дотянуться до верхней полки, где лежит четвертинка спелого красного арбуза. Я помогаю ему донести арбуз до стола и острым ножом отрезаю ломтик. Не дожидаясь тарелки, он хватает его и впивается зубами в ноздреватую алую мякоть.

– Тедди-медведик, послушай, Аня тебе что-нибудь еще сказала? Про рисунок?

Его рот набит арбузом, по подбородку стекает красный сок.

– Тот мужчина выкопал яму, чтобы никто ее не нашел. – Он пожимает плечами. – Но наверное, она оттуда выбралась.

8

Вечером Максвеллы всей семьей идут в ресторан. Каролина приглашает и меня, но я говорю, что мне нужно тренироваться, и слоняюсь по своему коттеджу до тех пор, пока не слышу, как их машина задним ходом выезжает со двора.

Тогда я пересекаю лужайку и иду в соседний дом.

У Митци едва ли не самый маленький домик во всем квартале – одноэтажный, из красного кирпича, с металлической крышей и окнами, наглухо завешенными рулонными шторами. Ее жилище выглядело бы на своем месте в моем старом районе в Южной Филадельфии, но здесь, в благополучном Спрингбруке, оно как бельмо на глазу. Ржавые водостоки провисают, сквозь трещины в тротуаре пробиваются сорняки, а лужайка перед домом давно требует стрижки. Каролина уже не раз говорила о том, что ждет не дожидается, когда Митци съедет и на месте ее дома построят что-нибудь приличное.

К двери скотчем приклеен клочок бумаги, на котором от руки написано: «Клиентам просьба пользоваться задней дверью». Мне

приходится постучать трижды, прежде чем Митци наконец подходит к двери. Не снимая цепочки, она на дюйм приоткрывает дверь и выглядывает в щелку.

– Да?

– Это Мэллори. Из соседнего дома.

Она снимает цепочку и распахивает дверь.

– Иисус, Мария и Иосиф, ты перепугала меня до смерти! – На ней лиловое кимоно, в руках баллончик с перцовым спреем. – С ума ты, что ли, сошла – ломиться в дверь в такое позднее время?

Сейчас самое начало восьмого, и соседские девочки чуть дальше по улице все еще играют на тротуаре в классики. Я протягиваю Митци небольшую тарелку, затянутую полиэтиленовой пленкой.

– Мы с Тедди испекли имбирное печенье.

Ее глаза расширяются.

– Пойду сварю кофе.

Она хватается меня за руку и тянет за собой в темную гостиную. Я щурюсь, пытаюсь разглядеть что-нибудь в полумраке. В доме грязно. В воздухе стоит тяжелый запах то ли каннабиса, то ли школьной раздевалки, то ли того и другого сразу. Диван и кресла затянуты прозрачным полиэтиленом, но на всех поверхностях лежит слой липкой пыли, как будто их не протирали месяцами.

Митци ведет меня на кухню. Внутренняя часть дома производит чуть более приятное впечатление. Шторы не задернуты, и из окон виден лес. С потолка свисают плетеные кашпо с вьющимися растениями; их длинные побеги напоминают обросшие листьями щупальца. Кухонный гарнитур и бытовая техника, кажется, перенеслись сюда прямоком из 1980-х, и все здесь выглядит привычным и уютным, прямо как кухня моих соседей в Южной Филадельфии. На облицованном пластиком кухонном столе, застеленном газетами, лежат какие-то черные промасленные железки, в том числе пружина, затвор и прицел, и я понимаю, что, если собрать их в правильном порядке, получится пистолет.

– Когда ты позвонила, я как раз его чистила, – поясняет Митци и одним ловким движением сдвигает детали на край стола, смешав их в одну кучу. – Ну, какой будешь кофе?

– А без кофеина у вас есть?

– Пфф, ну ты скажешь тоже. Без кофеина! Это же сплошная химия! Нет, сегодня мы с тобой будем пить старый добрый фолджерс.

Мне не хочется рассказывать ей о том, что я бывшая наркоманка, поэтому я просто говорю, что плохо реагирую на кофеин. Митци уверяет, что от одной маленькой чашечки мне ничего не сделается, и я решаю, что она, пожалуй, права.

– Я буду с молоком, если у вас есть.

– Лучше со сливками. Так вкуснее.

На стене висят старые часы в виде широко улыбающейся кошки с хвостом-маятником. Митци включает допотопную кофеварку и заливает в резервуар воду.

– Ну, как дела у моих соседей? Тебе нравится у них работать?

– Да, вполне.

– Родители, должно быть, сводят тебя с ума.

– Они совершенно нормальные люди.

– Если честно, я не понимаю, зачем эта женщина вообще работает. Уверена, ее муж получает более чем достаточно. В этом ветеранском госпитале наверняка платят сущие гроши. Сидела бы уж лучше дома. На кого она пытается произвести впечатление?

– Может быть...

– Если хочешь знать мое мнение, некоторые женщины просто не хотят быть матерями. Они хотят детей, чтобы можно было хвастаться красивыми фотографиями в «Фейсбуке». Но вот хотят ли они настоящий опыт материнства?

– Ну...

– Я тебе вот что скажу: мальчишечка у них просто прелесть. Так бы его и съела. Я бы бесплатно с ним сидела, если бы они меня попросили по-человечески, да просто проявили элементарную вежливость. Но ведь у этих миллениалов все не как у людей! Человеческие ценности для них пустой звук!

В ожидании, пока сварится кофе, она все говорит и говорит, изливая свое недовольство ценами в местном супермаркете здоровой еды («грабеж чистой воды»), участницами движения #MeToo («тоже мне, цацы какие, пальцем их не тронь»), а также переходом на летнее время («что-то я не припомню, чтобы об этом говорилось где-то в Конституции»). Я уже начинаю жалеть, что пришла. Мне необходимо с кем-то поговорить, а Митци, похоже, не из тех, кто готов слушать кого-

то, кроме самой себя. У меня возникла одна теория относительно рисунков Тедди, но Рассела тревожить мне не хочется, а с Максвеллами я обсуждать это совершенно точно не могу: они такие убежденные атеисты, что сразу пошлют меня с моими идеями подальше. Митци – моя последняя надежда.

– Вы не могли бы поподробнее рассказать мне про Энни Барретт?

Митци осекается на полуслове.

– А откуда вдруг такой интерес?

– Мне просто любопытно.

– Нет, принцесса, такие вопросы из праздного любопытства не задают. И прости меня за прямоту, выглядишь ты что-то не очень.

Я беру с Митци слово никому ничего не говорить – и в особенности Максвеллам – и выкладываю перед ней на столе последние рисунки Тедди.

– Тедди рисует странные картинки. Он говорит, что идеи ему подает его воображаемая подружка. Ее зовут Аня, и она приходит к нему в комнату, когда рядом никого нет.

Митци внимательно разглядывает рисунки, и по ее лицу пробегает тень.

– Так ты поэтому спрашиваешь про Энни Барретт?

– Ну, просто имена очень похожи. Аня и Энни. Я знаю, что у многих детей есть воображаемые друзья, в этом нет ничего необычного. Но Тедди утверждает, что Аня велела ему нарисовать эти картинки. Как мужчина тащит женщину по лесу. Как мужчина закапывает тело. А потом Аня велела Тедди отдать эти картинки мне.

На кухне воцаряется молчание – так надолго Митци за все время нашего с ней общения не умолкала ни разу. Тишину нарушает лишь бульканье кофеварки да мерное шуршание кошачьего хвоста на часах. Митци внимательно разглядывает рисунки – так внимательно, как будто пытается проникнуть взглядом туда, внутрь, за слой цветного графита и волокон целлюлозы. Я не уверена, что она до конца улавливает, к чему я веду, поэтому уточняю:

– Я понимаю, что это прозвучит как бред сумасшедшего, но, наверное, я подозреваю, что дух Ани каким-то образом застрял здесь, на участке. И она пытается достучаться до нас через Тедди.

Митци поднимается, подходит к кофеварке и наливает кофе в две кружки. Потом дрожащими руками несет их обратно к столу. Я

добавляю себе сливок и осторожно делаю глоток. Такого крепкого и горького кофе я не пробовала никогда в жизни, но я все равно пью его, потому что не хочу ее обидеть. Мне отчаянно нужен кто-то, кто выслушал бы мою теорию и сказал бы мне, что я не спятила.

– Я кое-что читала на эту тему, – произносит Митци наконец. – Исторически дети всегда были более восприимчивы к миру духов. Детский разум свободен от всех тех барьеров, которые воздвигаем мы, взрослые.

– Значит... это возможно?

– Тут надо посмотреть. Ты его родителям об этом что-нибудь говорила?

– Они атеисты. Они считают...

– О, ну я даже не сомневаюсь, они считают, что умнее всех.

– Прежде чем что-то им говорить, я хочу произвести небольшое расследование. Попытаться собрать побольше фактов. Может быть, что-то в этих рисунках перекликается с историей Энни Барретт. – Я склоняюсь над столом, моя речь становится все быстрее и быстрее. Я чувствую, как кофеин возбуждает мою центральную нервную систему. Мысли обостряются, пульс подсакивает. Горький вкус перестает быть помехой, и я делаю еще один глоток. – Если верить Тедди, мужчина с этих рисунков украл Анину маленькую дочку. Вы не знаете, у Энни были дети?

– Это очень интересный вопрос, – отзывается Митци. – Понятнее будет, если я начну с самого начала. – Она откидывается на спинку стула, устраиваясь поудобнее, и закидывает в рот кусок печенья. – Только не забывай, что Энни Барретт умерла еще до моего рождения. Так что эти истории я слышала на протяжении всего своего детства, но гарантировать, что все в них правда, я не могу.

– Ничего страшного. – Я делаю еще глоток кофе. – Расскажите мне все, что знаете.

– Первоначальным владельцем вашего коттеджа был человек по имени Джордж Барретт. Он работал инженером в химической компании «Дюпон», в Гиббстауне. У него были жена и три дочери, а в тысяча девятьсот сорок шестом году, сразу же после Второй мировой, сюда приехала его двоюродная сестра Энни. Она поселилась в твоём гостевом домике и использовала его как студию. Она была примерно твоя ровесница и очень хорошенькая. С длинными черными волосами

и вообще сногшибательная красотка. И тут начинают возвращаться из Европы наши солдаты. Конечно же, они сразу же теряют от нее голову и думать забывают про свои старые школьные любви. Они начинают целыми днями отираться возле дома Джорджа, ища возможности перекинуться словечком с его двоюродной сестрой.

Но наша Энни – девушка тихая и застенчивая, можно даже сказать, нелюдимая. На танцы она не ходит, в кино тоже, от всех приглашений отказывается. Она даже в церковь не ходит, что по тем временам было вообще делом неслыханным. Она просто сидит у себя в домике и рисует. Или гуляет по Хайденс-глен в поисках сюжетов для своих картин. И постепенно весь город ополчается против нее. Начинают ползти слухи, что она родила вне брака и отдала ребенка на усыновление, а сама перебралась в Спрингбрук, чтобы скрыть свой позор. Дальше – больше. Люди говорят, что она ведьма, что она завлекает чужих мужей в лес, чтобы там заняться с ними сексом. – Митци смеется над нелепостью подобной идеи. – Ну а что еще могут сказать женщины? Уверена, все мамы в округе рассказывают то же самое про меня!

Она прерывается, чтобы сделать очередной глоток кофе, потом продолжает:

– В общем, однажды Джордж Барретт приходит к ее домику, стучит в дверь, но ему никто не открывает. Тогда он входит в дом и видит, что там все в крови. Вся кровать, все стены. «До самых стропил», – рассказывал он моему отцу. Но тела нигде нет. Энни как сквозь землю провалилась. Джордж вызывает полицию, и весь город выходит на поиски в лес. Они прочесывают каждую тропку, тралят сетями дно ручья, задействуют поисковых собак, черта в ступе. И что? А ничего. Она исчезла. Конец истории.

– А в коттедже после этого еще кто-нибудь жил?

Митци отрицательно качает головой.

– Мои родители говорили, Джордж собирался его снести. Чтобы стереть память о трагедии. Но вместо этого превратил его в сарай. И как я тебе уже сказала, когда я росла в пятидесятые и шестидесятые, мы все называли его Домом Дьявола. И мы все его боялись. Но это была всего лишь страшилка, местная легенда на нашем собственном заднем дворе. Я никогда не видела там ничего такого, что по-настоящему бы меня испугало.

– А следующие хозяева? После смерти Джорджа?

– Ну, после того как Джордж умер, его жена продала дом Батчу и Бобби Херцикам. Они сорок лет были моими соседями. Это они построили бассейн, в котором вы с Тедди так любите плескаться. Мы были с ними очень близкими друзьями.

– У них были дети?

– Три девочки и два мальчика, и никаких проблем. А у нас с Бобби не было друг от друга секретов. Если бы ее дети рисовали мертвецов, она бы мне сказала. – Митци делает еще глоток кофе. – Разумеется, у них хватало соображения не трогать гостевой домик. Возможно, когда Максвеллы делали там ремонт, они что-то потревожили. Всколыхнули какую-то враждебную энергию.

Я так и представляю себе, как подхожу к Теду с Каролиной с предупреждением, что они выпустили наружу злого духа. Уверена, они тут же начнут подыскивать себе новую няню. И что мне тогда делать? Куда идти? Сердцебиение у меня зашкаливает, как обороты двигателя, когда выжимаешь педаль газа, забыв переключиться с нейтралки на передачу, и я прижимаю к груди ладонь.

Мне нужно расслабиться.

Мне нужно успокоиться.

Мне нужно перестать пить кофе.

– Можно мне в туалет?

Митци машет рукой в сторону гостиной.

– Первая дверь слева. Выключатель на шнурке, там увидишь.

Ванная комнатка у нее маленькая и тесная, со старомодной ванной на ножках за пластиковой занавеской. Как только я включаю свет, откуда-то выскакивает серебристая чешуйница и, скользнув по кафельному полу, скрывается в трещине в шве. Я наклоняюсь над раковиной, открываю кран и умываюсь холодной водой. Сердцебиение немного замедляется. Я тянусь за гостевым полотенцем, но обнаруживаю, что все они покрыты тонким слоем пыли, как будто к ним годами никто не прикасался. На тыльной стороне двери висит розовый махровый халат, и я вытираю лицо рукавом.

Затем я открываю аптечку и окидываю взглядом ее содержимое. В школе я никогда не упускала возможности сунуть нос в чужую аптечку в ванной. Вы бы очень удивились, узнав, какие препараты люди иной раз держат в общем доступе. Мне удавалось благополучно разжиться

таблетками, а иногда и целыми флакончиками, не вызывая ни у кого никаких подозрений. Сердце у меня колотится, ноги трясутся – прямо как тогда. Медицинские запасы Митци могли бы составить конкуренцию ассортименту любой аптеки: тут тебе и ватные палочки, и ватные диски, и вазелин, и щипчики, и антацидные средства, и полупустые тюбики с противогрибковыми кремами и гидрокортизоновой мазью. Я вижу и батарею оранжевых пузырьков с рецептурными препаратами – от статинов с левотиноксином до амоксициллина с эритромицином. А далеко-далеко, у самой стенки, задвинутый за все остальные флакончики, стоит мой старый друг оксикодон. У меня было предчувствие, что я его там найду. В наши дни он имеется едва ли не в каждом доме – вскрытый флакончик с таблетками, оставшимися после какого-нибудь пустякового хирургического вмешательства. И редко кто замечает, когда эти таблетки пропадают...

Я откручиваю крышечку и заглядываю внутрь флакончика. Пусто. И тут в дверь стучит Митци, так что я от неожиданности едва не роняю флакон в раковину.

– Только не дергай сильно ручку, когда будешь спускать, ладно? У меня проблема с запорным клапаном.

– Конечно, – говорю я. – Спасибо, что предупредили.

Внезапно меня охватывает острая злость на себя за то, что сунула нос в чужую аптечку, снова взялась за старое. У меня такое чувство, как будто Митци поймала меня с поличным. Это все кофе. Не надо было вообще его пить. Я возвращаю пузырек на место, открываю воду и пью большими глотками прямо из-под крана, надеясь разбавить токсины, циркулирующие по моему организму. Позорище какое – девятнадцать месяцев держаться, а потом залезть в аптечку к пожилой женщине! Что со мной вообще такое? Я спускаю воду и убеждаюсь, что запорный клапан встал на место и из бачка не подтекает.

Когда я возвращаюсь на кухню, Митци ждет меня за столом с деревянной доской, на которой написаны какие-то цифры и буквы. До меня доходит, что это спиритическая доска, но она ничем не напоминает хлипкие картонные наборы для спиритических сеансов, какими мы с подружками развлекались в детстве, когда ночевали друг у друга. Это массивная кленовая плита, на которую нанесены какие-то

загадочные символы. Она куда больше походит на колоду для рубки мяса, нежели на игрушку.

– Вот что я думаю, – говорит Митци. – Если этот дух что-то хочет нам рассказать, давай уберем посредника. Обойдем Тедди и вступим с ней в контакт напрямую.

– Вы имеете в виду что-то вроде спиритического сеанса?

– Я предпочитаю термин «встреча». Но только не здесь. Результат будет лучше, если мы проведем ее в твоём коттедже. Завтра сможешь?

– Мне надо приглядывать за Тедди.

– Ну да, точно, нам необходимо участие Тедди. Этот дух привязался к нему. Наши шансы вступить с ним в контакт будут выше, если с нами будет Тедди.

– Ни в коем случае. Митци, это невозможно.

– Почему?

– Его родители меня убьют.

– Я с ними поговорю.

– Нет, нет и нет, – твержу я, чувствуя, как в моем голосе прорезаются панические нотки. – Вы обещали ничего им не говорить. Пожалуйста, Митци, я не могу потерять эту работу!

– Что ты так распереживалась?

Я рассказываю ей о Правилах дома, с которыми меня ознакомили на собеседовании, – что меня наняли для того, чтобы я прививала ребенку научную картину мира, а не религиозные взгляды и суеверия.

– Я не могу взять Тедди с собой на спиритический сеанс. Я даже «слава богу» или «не дай бог» не могу произнести в его присутствии.

Митци тычет в рисунки пальцем.

– Эти картинки – это ненормально, милая. В этом доме творится что-то странное.

Я забираю рисунки, сую их обратно в сумку и благодарю ее за кофе. Пульс у меня снова начинает частить – сердце опять колотится как ненормальное. Я говорю Митци спасибо за совет и открываю заднюю дверь, чтобы идти.

– Только ничего им не говорите, хорошо? Я очень надеюсь, что вы сохраните наш разговор в тайне.

Митци накрывает спиритическую доску чехлом из черного бархата.

– Если ты передумаешь, мое предложение остается в силе. А я более чем уверена, что ты передумаешь.

Я возвращаюсь к себе к восьми вечера. В четыре утра я все еще не сплю. Сна ни в одном глазу. Пить кофе было огромной ошибкой. Я пробую все обычные хитрости – глубоко дышу, выпиваю стакан теплого молока, принимаю горячий душ, – но ничего не помогает. Комариный писк не дает мне покоя, и единственный способ заставить его утихнуть – это натянуть одеяло на голову, оставив торчать наружу голые ноги. Я страшно разочарована в себе. Как я могла залезть в эту чертову аптечку?! Я ворочаюсь с боку на бок, бесконечно возвращаясь мыслями к тем двум минутам, которые провела у Митци в ванной, и пытаюсь понять, в какой момент мой мозг переключился на автопилот. Я-то думала, что научилась держать свое пагубное пристрастие в узде, но, по всей видимости, я по-прежнему все та же Мэллори, ради дозы готовая на что угодно, обшаривающая чужие аптечки в поисках «колес».

Просыпаюсь я от звонка будильника в семь утра с мутной головой и чувством острого стыда за свое поведение – и полная решимости не позволить такому повториться.

Никакого больше кофе, никогда в жизни.

Никакой больше одержимости рисунками.

И никаких больше разговоров об Энни Барретт.

К счастью, когда я прихожу в большой дом, там назревает новый кризис, так что я могу отвлечься от своих мыслей. Пропали любимые угольные карандаши Тедди, и он нигде не может их найти. Мы идем в художественный магазин за новой коробкой, и, как только возвращаемся домой, он спешит к себе на второй этаж на тихий час. Бессонная ночь все еще напоминает о себе усталостью, и я иду в кабинет и падаю на диван, собираясь лишь немного полежать с закрытыми глазами, – и снова прихожу в себя оттого, что Тедди трясет меня за плечо.

– Ты опять спала!

Я вскакиваю на ноги.

– Прости, Тедди-медведик.

– Мы пойдем плавать?

– Обязательно. Беги переодевайся.

Я чувствую себя в миллион раз лучше. Дневной сон подзарядил меня, вернул к нормальному состоянию. Тедди несется наверх переодеваться, и я вижу, что на кофейном столике лицом вниз лежит новый рисунок, который он успел за это время нарисовать. Я знаю, что мне следовало бы там его и оставить. Пусть бы его родители сами разбирались. Но я ничего не могу с собой поделать. Любопытство берет верх. Я переворачиваю лист бумаги, и это становится последней каплей.

Слушайте, я знаю, что родители бывают самые разные: либеральные и консервативные, атеисты и религиозные, гиперпекающие, трудоголики и неисправимо токсичные. И у всех этих родителей могут быть абсолютно полярные идеи относительно того, как правильно воспитывать детей. Но когда я смотрю на картинку и вижу на ней Аню с зажмуренными глазами и чьи-то руки, сжимающие ее горло, – думаю, тут все родители согласятся, что это уже что-то совершенно за гранью допустимого.

Каролина возвращается с работы в пять тридцать, и я сопротивляюсь искушению выложить ей все, едва она переступает через порог. Ей не до того, голова у нее занята совершенно другими вещами, ей нужно поздороваться с сыном и начать готовить ужин. Так что, когда она спрашивает, как прошел наш день, я лишь улыбаюсь и говорю, что все в порядке.

Я выхожу на пробежку, но последствия бессонной ночи все еще дают о себе знать, и через полчаса я сдаюсь. На обратном пути я

прохожу мимо Цветочного замка, но ни Адриана, ни его родителей нигде не видно. Я иду домой и принимаю душ, потом разогреваю себе в микроволновке замороженный буррито и пытаюсь отвлечься на какой-нибудь холлмарковский фильм. Но сосредоточиться не получается. Я продолжаю снова и снова возвращаться мыслями к последнему рисунку, на котором чьи-то руки сжимают Анино горло.

Я дожидаюсь девяти часов, когда Тедди уже точно должен крепко спать в своей постели, и, прихватив три последних рисунка, выхожу из коттеджа. До меня доносятся приглушенные голоса, и я различаю в темноте у бассейна две фигуры. Тед с Каролиной, оба в белых купальных халатах, пьют вино. Они выглядят в точности как счастливая семейная пара из рекламы круизов – как будто они только что взошли на борт роскошного лайнера, отправляющегося в семидневное путешествие по Карибскому морю. Голова Каролины лежит на коленях у Теда, а он нежно массирует ей плечи.

– Окунемся по-быстренькому? – предлагает он. – Чтобы ты расслабилась.

– Я уже и так расслаблена.

– Тогда идем наверх?

– А Тедди?

– А что Тедди? Он спит.

Я неслышно ступаю по пружинистой траве и дохожу до середины двора, когда моя пятка неожиданно опускается на головку автоматической поливалки. Лодыжка у меня подворачивается, я с размаху плюхаюсь на копчик, ударившись локтем о землю, и невольно вскрикиваю от боли.

Тед с Каролиной уже мчатся ко мне по двору.

– Мэллори? Ты не поранилась?

Я хватаюсь за локоть. Боль резкая и острая, и я совершенно уверена, что разбила его до крови. Но когда я отрываю пальцы, чтобы посмотреть, то обнаруживаю под ними синяк, а не рану.

– Все в порядке. Я просто споткнулась.

– Давай-ка посмотрим на тебя на свету, – говорит Тед. – Встать сможешь?

– Погодите минуточку.

Вместо того чтобы подождать, Тед просовывает руку под мои колени и, подхватив меня на руки, словно ребенка, несет к бассейну и

аккуратно укладывает на шезлонг.

– Со мной все в полном порядке, – уверяю его я. – Честное слово. Каролина все равно внимательно осматривает мой локоть.

– Что ты делала во дворе? Тебе что-то понадобилось?

– Это может подождать.

Несмотря ни на что, я ухитрилась не выпустить рисунки из рук, и Каролина их замечает.

– Это Тедди нарисовал?

Я решаю, что терять мне уже нечего.

– Он просил меня не показывать их вам. Но я думаю, что вы должны на это взглянуть.

Каролина внимательно изучает рисунки, и лицо ее мрачнеет. Она сует их мужу.

– Это все ты виноват, – говорит она.

При взгляде на первую же картинку Тед начинает смеяться.

– О господи. Ее тут что, душат?

– Да, Тед, ее тут убивают, а тело тащат по лесу. Хотела бы я знать, откуда наш милый нежный малыш набрался таких ужасных идей?

Тед в комическом раскаянии вскидывает руки над головой.

– Это все братья Гримм, – поясняет он. – Я каждый вечер перед сном читаю ему по одной сказке.

– Тед у нас не признает диснеевских адаптаций, – говорит мне Каролина. – А сказки в оригинальной версии куда более кроваваждые. Помнишь ту сцену из «Золушки», где мачехина дочка примеряет хрустальную туфельку? В оригинале она отрубает себе пальцы, чтобы туфелька налезла. И туфелька наполняется кровью. Это просто ужас что такое!

– Он же мальчик, Каролина! Мальчики любят такие вещи!

– Слышать ничего не желаю. Это вредно для психики. Завтра же поеду в библиотеку и возьму нормальные диснеевские сказки. Никаких удушений и убийств, только развивающее детское чтение по возрасту.

Тед доликает из бутылки вина себе в бокал и делает большой глоток.

– По мне, так вот где настоящий ужас, – говорит он. – Но что я могу знать? Я ведь всего лишь отец.

– А я – дипломированный психиатр.

Они смотрят на меня с таким видом, как будто ждут, на чью сторону я встану.

– Мне кажется, это не сказка, – говорю я. – Тедди утверждает, что идеи для рисунков ему подсказывает Аня. Что это она говорит ему, что рисовать.

– Ну разумеется, – пожимает плечами Каролина. – Тедди знает, что мы не одобрим такие рисунки. Он знает, что плохо рисовать женщин, которых душат, убивают и закапывают в землю. Но если Аня говорит ему, что это нормально, значит он может продолжать. Он оказывается в состоянии когнитивного диссонанса.

Тед кивает, как будто находит слова жены совершенно логичными, я же понятия не имею, о чем она говорит. Когнитивный диссонанс?

– Тедди утверждает, что рисует Анину историю. Он говорит, что мужчина с картинки украл Анину маленькую дочку.

– Типичный сюжет из сказок братьев Гримм, – поясняет Тед. – У них там каждая вторая сказка про пропавших детей. «Гензель и Гретель», «Гамельнский крысолов», «Смерть в кумовьях»...

– «Смерть в кумовьях»? – качает головой Каролина. – Пожалуйста, Тед. Это уж слишком. С этими историями пора завязывать.

Тед смотрит на рисунки и в конце концов сдается.

– Ладно, ладно, уговорила. Впредь только доктор Сьюз. Или Ричард Скарри. Но только не эти ужасные медведи Берентштейн. Всему есть предел! – Он одной рукой обнимает Каролину за плечи. – Твоя взяла.

Он ведет себя так, как будто вопрос закрыт и можно расходиться. Но я боюсь, что, если я не спрошу сейчас, второго шанса у меня не будет.

– Мне тут в голову пришла одна мысль, – говорю я им. – А что, если Аня – это Энни Барретт?

Каролина явно озадачена.

– Кто?

– Женщина, которую убили в моем коттедже. В сороковых годах прошлого века. А что, если Тедди уходит к себе в комнату на тихий час и там общается с ее духом?

Тед смеется, как будто я сказала что-то очень забавное, и Каролина бросает в его сторону еще один сердитый взгляд.

– Ты это серьезно? Ты имеешь в виду призрака?

Теперь пути назад нет. Нужно объясниться.

– Просто имена очень похожи. Энни и Аня. И потом, вы говорили, что в Барселоне Тедди не демонстрировал склонности к рисованию. Но как только вы переехали обратно в Соединенные Штаты – как только вы поселились здесь, где исчезла Энни Барретт, – он немедленно начал рисовать как одержимый. Это были ваши собственные слова: «как одержимый».

– Я всего лишь имела в виду, что у него живое воображение.

– Но он с кем-то разговаривает. У себя в комнате. Я стою у него под дверью и слушаю. Он ведет долгие разговоры.

Каролина прищуривается.

– Ты и призрака тоже слышишь? Ты слышишь печальный зловещий голос Энни Барретт, которая дает указания моему сыну? – Я признаю, что не слышу, и Каролина так торжествует, как будто это что-то доказывает. – Он разговаривает сам с собой, Мэллори. Это признак высокого интеллекта. Одаренные дети все время так делают.

– А остальные его проблемы?

– Проблемы? У Тедди есть проблемы?

– Он писается по ночам. Он изо дня в день надевает одну и ту же полосатую футболку. Он отказывается играть с другими детьми. А теперь он рисует сцены убийства какой-то женщины. Не знаю, Каролина, как вам, а мне все это не нравится. Я считаю, что его нужно показать врачу.

– Я сама врач, – говорит Каролина, и я запоздало понимаю, что задела ее за живое.

Тед тянется за ее бокалом и наливает в него вина.

– Вот, дорогая, выпей.

Она отмахивается от мужа.

– Я в состоянии самостоятельно оценить психическое здоровье моего ребенка.

– Я знаю...

– Да? А по твоим действиям так и не скажешь.

– Я просто беспокоюсь. Тедди такой милый невинный малыш. А эти рисунки... такое чувство, что они происходят из другого источника. Они кажутся мне грязными. Нечистыми. Митци считает...

– Митци? Ты что, показывала эти рисунки Митци?

– Она считает, что вы могли что-то потревожить. Когда делали ремонт в гостевом домике.

– Ты говорила с Митци, прежде чем пойти к нам?

– Потому что я знала, что вы так отреагируете!

– Если ты имеешь в виду «рационально», то да, ты права, я не верю ни одному слову этой женщины. И ты тоже не должна верить. Она же совершенно опустившаяся личность, Мэллори. Долбанутая, конченная наркоманка!

Эти слова повисают между нами. Я никогда прежде не слышала, чтобы Каролина употребляла бранные слова. И чтобы она использовала подобную лексику для описания человека с наркотической зависимостью.

– Послушай, Мэллори, – вступает Тед. – Мы очень признательны тебе за равнодушие. – Он кладет ладонь на колено жены. – Правда же, дорогая? Мы считаем, что откровенный разговор – лучшее средство для решения любой проблемы.

– Но мы не станем обвинять призраков в том, что Тедди писается по ночам, – говорит Каролина. – Ты ведь это понимаешь, правда? За такое меня лишили бы лицензии. Писаться по ночам – нормально. Быть застенчивым – нормально. Иметь воображаемого друга – нормально. Что же касается рисунков...

– Мама?

Мы все как по команде оборачиваемся и видим Тедди. Он стоит в дальнем конце бассейна, по ту сторону защитной ограды, одетый в пижаму с пожарными машинами и с плюшевым Годзиллой в руках. Я представления не имею, сколько он там простоял и что успел услышать.

– Я не мог уснуть.

– Возвращайся к себе в комнату и попробуй еще раз, – говорит Каролина.

– Уже поздно, дружище, – говорит Тед.

Их сын принимается разглядывать собственные босые ноги. Подсветка бассейна озаряет его фигурку призрачным голубым светом. Выражение лица у него боязливое, как будто он не хочет возвращаться обратно один.

– И знаешь что, приятель? – добавляет Тед. – Никаких больше картинок с Аней, договорились? Ты пугаешь Мэллори.

Тедди поворачивается ко мне. В его широко раскрытых глазах читается боль от такого предательства.

– Нет, нет, нет, – твержу я ему. – Все в порядке...

Тед взмахивает рисунками.

– Никому не нравится смотреть на такие вещи, приятель. Они слишком страшные. Впредь, пожалуйста, рисуй что-нибудь хорошее, ладно? Лошадок, цветочки.

Тедди разворачивается и бежит по лужайке к дому.

Каролина бросает на мужа сердитый взгляд.

– Не надо было этого говорить.

Тед пожимает плечами и делает глоток вина.

– Рано или поздно ему все равно пришлось бы это услышать. Через два месяца он пойдет в школу. Думаешь, у его учителей не возникнут те же самые вопросы?

Каролина поднимается.

– Я иду в дом.

Я тоже встаю.

– Извините меня, Каролина. Я не хотела вас обидеть. Я просто беспокоилась.

Не останавливаясь и не оборачиваясь, она направляется по лужайке к дому.

– Все в порядке, Мэллори. Спокойной ночи.

Но ничего совершенно определенно не в порядке. Это даже хуже, чем когда она накричала на меня в прошлый раз. Она так сердита, что не хочет даже смотреть на меня. Глупо плакать, но я все равно не могу удержаться.

Зачем я вообще упомянула Митци?

Кто тянул меня за язык?

Тед привлекает меня к себе, и моя голова каким-то образом оказывается у него на груди.

– Послушай, ничего страшного, ты просто повела себя честно. Но когда речь идет о воспитании детей, мать всегда права. Даже когда она не права. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Я просто беспокоилась...

– Предоставь это Каролине. Она будет беспокоиться сразу за вас обоих. Она очень трепетно относится к Тедди, если ты не заметила. Он очень непросто нам дался. Это была долгая борьба. И, судя по всему,

то, что ей пришлось ради этого пережить, не прошло для нее даром. А теперь вдобавок ко всему она еще и вышла на работу и чувствует себя из-за этого виноватой. Так что каждый раз, когда что-то идет не так, моя жена воспринимает это как свой личный провал.

Раньше я об этом не задумывалась, но теперь все, что говорит Тед, кажется мне абсолютно логичным. По утрам, убегая на работу, Каролина всегда ведет себя так, как будто чувствует себя виноватой в том, что уходит из дому. А может, даже как будто завидует, что я, а не она, каждый день остается дома и печет с Тедди кексы. Я так восхищалась Каролиной, что мне и в голову не пришло, что она может завидовать мне.

Я беру себя в руки и прекращаю плакать. Теду, похоже, хочется поскорее вернуться домой и взглянуть, как там его жена, и у меня к нему напоследок только одна просьба. Я протягиваю ему рисунки, снимая с себя всю ответственность.

– Заберите их, пожалуйста, ладно? Чтобы мне не пришлось больше на них смотреть.

– Разумеется. – Тед складывает рисунки пополам и рвет на мелкие кусочки. – Ну вот, ты никогда больше их не увидишь.

10

Сплю я плохо и просыпаюсь в ужасном состоянии духа. Каролина Максвелл обращалась со мной лучше, чем я заслуживаю, – приняла в свою семью, доверила своего ребенка, дала все необходимое, чтобы я могла начать новую жизнь, – и мне невыносима мысль о том, что она на меня сердита. Я лежу в постели и мысленно извиняюсь перед ней сотней разных способов. И в конце концов понимаю, что не могу больше это откладывать. Я должна встать и поговорить с ней лично.

Когда я прихожу в большой дом, Тедди уже внизу, что-то собирает под столом из деревянного конструктора, все еще одетый в пижаму. Каролина у раковины моет посуду, и я предлагаю взять это на себя.

– И еще я хотела извиниться.

Каролина выключает воду.

– Нет, Мэллори, это я должна извиниться. Я выпила слишком много вина и зря сорвалась на тебе. Это не дает мне покоя все утро.

Она раскрывает мне объятия, мы обнимаемся и еще раз одновременно извиняемся друг перед другом. Потом дружно начинаем смеяться, и я понимаю, что все будет хорошо.

– Наше предложение перебраться в большой дом по-прежнему в силе, – напоминает она мне. – Ты могла бы жить в комнате по соседству с Тедди. Мне нужен всего день, чтобы ее подготовить.

Но мне не хочется причинять ей дополнительные неудобства.

– Коттедж меня более чем устраивает, – заверяю я ее. – Мне там нравится.

– Ну ладно, но если передумаешь...

Я забираю у нее кухонное полотенце и киваю на часы на микроволновке. Уже 7:27, а я знаю, что Каролина всегда старается выйти из дома до 7:35, пока не начались пробки.

– Давайте я домою, – говорю я ей. – А вы поезжайте на работу. Хорошего дня!

Каролина уходит, и я принимаюсь за дела. Уборки немного – всего несколько чашек и тарелок да вчерашние бокалы из-под вина. Загрузив все в посудомоечную машину, я опускаюсь на четвереньки и забираюсь под кухонный стол. Тедди построил из конструктора двухэтажную ферму и теперь окружает ее крошечными пластмассовыми зверюшками.

– Во что мы играем?

– Они семья. Они живут вместе.

– Можно я буду свинкой?

Тедди пожимает плечами:

– Пожалуйста.

Я беру фигурку свиньи и двигаю ее вокруг, библикая, как будто это машинка. Обычно Тедди эта шутка очень веселит. Он любит, когда его пластмассовые зверюшки у меня в руках сигналият как грузовик или гудят как паровоз. Но сегодня утром он молча отворачивается от меня. И разумеется, я понимаю, в чем дело.

– Послушай, Тедди. Я хотела поговорить про то, что случилось вчера вечером. Я думаю, твой папа неправильно меня понял. Потому что мне нравятся все твои рисунки. Даже те, на которых Аня. Я всегда жду, что ты еще нарисуешь.

Тедди двигает пластмассовую кошку вверх по ножке стола, как будто она забирается на дерево. Я пытаюсь подобраться к нему

спереди, вынудить его взглянуть на меня, но он упорно отворачивается.

– Я хочу, чтобы ты и дальше показывал мне свои рисунки, хорошо?

– Мама говорит, нельзя.

– А я говорю, что можно. Все в порядке.

– Она говорит, что ты нездорова и что из-за страшных картинок тебе может опять стать хуже.

Я так резко распрямляюсь, что с размаху бьюсь головой о столешницу. От боли из глаз у меня летят искры, и я на мгновение утрачиваю способность двигаться. Я сижу, зажмурившись, и держусь за ушибленную макушку.

– Мэллори?

Я открываю глаза и понимаю, что мне наконец удалось завладеть вниманием Тедди. Вид у него испуганный.

– Со мной все в порядке, – говорю я ему. – А теперь послушай меня очень внимательно. Никакие твои рисунки и вообще ничего, что ты делаешь, не может мне навредить. Тебе не о чем беспокоиться. Со мной все в полном порядке.

Тедди скачками перемещает пластмассовую лошадь по моей ноге и пристраивает ее у меня на коленке.

– Твоей голове уже не больно?

– Моей голове уже ни капельки не больно, – заверяю я его, хотя череп у меня все еще гудит от удара и я чувствую, как под волосами набухает шишка. – Мне просто нужно приложить к ней что-нибудь холодное.

Следующие несколько минут я сижу за столом, прижимая к макушке полиэтиленовый пакет со льдом. У моих ног Тедди разыгрывает в лицах сценки со своими зверюшками. У каждого из них свой голос и свой характер. Тут и упрямый мистер Козел и строгая Мама Курица, отважный черный жеребец и глупый утенок, и еще полтора десятка самых разнообразных персонажей.

– Я не хочу выполнять свои обязанности, – говорит конь.

– Правила есть правила, – напоминает ему Мама Курица. – Мы все должны им подчиняться!

– Это несправедливо, – возмущается мистер Козел.

И так далее, и так далее, и так далее – разговор перескакивает с обязанностей на еду, а с еды на клад, зарытый в лесу за амбаром. Я поражена способностью Тедди помнить всех персонажей и их голоса. Но разумеется, это именно то, о чем мне с самого начала говорили Тед с Каролиной: у их сына непомерно живое воображение, вот и все.

Позднее, когда Тедди поднимается к себе в комнату на тихий час, я выжидаю несколько минут, а потом иду по лестнице наверх. Когда я прижимаюсь ухом к двери его комнаты, разговор уже в самом разгаре.

– ...или можно построить крепость.

–

– Или поиграть в пятнашки.

–

– Нет, я не могу. Мне не разрешают.

–

– Они сказали, мне нельзя.

–

.....

– Прости, но...

–

.....

– Я не понимаю.

–

Тут он смеется, как будто она предложила что-то страшно забавное.

– Я думаю, мы можем попробовать.

–

– Но как мы... А, хорошо. Ладно.

–

.....

– Ай, холодно же!

На этом разговор заканчивается, но, когда я напрягаю слух, чтобы понять, что происходит, до меня доносится какое-то шуршание – звук карандаша, царапающего бумагу.

Рисует?

Он снова рисует?

Я иду вниз, сажусь за стол на кухне и жду.

Обычно тихий час у Тедди длится немногим более часа, но сегодня он не выходит из комнаты почти вдвое дольше. А когда наконец спускается в кухню, в руках у него ничего нет.

Я улыбаюсь ему.

– Ну наконец-то!

Он забирается на стул.

– Привет.

– Сегодня рисунков не будет?

– Можно мне крекеров с сыром?

– Конечно.

Я иду к холодильнику и кладу на тарелку крекеры и сыр.

– Ну и чем ты занимался там наверху?

– А можно мне молока?

Я наливаю ему в небольшой стакан молоко и несую все к столу. Тедди тянется за крекером, и я замечаю, что все ладони и пальцы у него в черных разводах.

– Пойди-ка помой руки, – предлагаю я. – Они у тебя все в карандаше.

Он без единого слова бежит к раковине и моет руки с мылом. Потом возвращается к столу и принимается поедать крекеры.

– Будешь играть в лего?

Следующие несколько дней проходят без потрясений. Мы с Тедди играем в лего и кукольный театр, лепим из пластилина и делаем поделки, раскрашиваем раскраски и строим всякую всячину из конструктора, а также ежедневно ходим в супермаркет. Тедди обожает пробовать непривычную и экзотическую еду. Иногда мы идем в Вегманс и покупаем там хикаму или кумкват – только ради того, чтобы узнать, каковы они на вкус.

Тедди – один из самых любознательных детей из всех, кого я знаю. Он засыпает меня самыми немыслимыми вопросами. А откуда берутся облака? А кто изобрел одежду? А как устроена улитка? Я вынуждена постоянно хвататься за телефон и лезть в Википедию. Однажды, когда мы с ним плещемся в бассейне, Тедди указывает на мою грудь и спрашивает, что это за два пупырышка торчат у меня сквозь купальник. Я небрежным тоном отвечаю, что они часть моего тела, а торчат потому, что твердеют от холодной воды.

– У тебя они тоже есть, – сообщаю я ему.

Он хохочет.

– А вот и нету!

– Еще как есть! Они у всех есть.

Позднее, ополаскиваясь в уличной кабинке под душем, я слышу, как Тедди стучит в деревянную дверцу.

– Мэллори?

– Что?

– А ты можешь увидеть свои девчачьи части тела?

– В каком смысле?

– Если ты посмотришь вниз? Ты можешь их увидеть?

– Это сложно объяснить, Тедди. Не совсем.

Повисает долгая пауза.

– Тогда откуда ты знаешь, что они у тебя есть?

Я очень рада, что нас разделяет дверь и он не видит, как я смеюсь.

– Я просто это знаю. Они совершенно точно у меня есть.

Вечером я вскользь упоминаю об этом происшествии Каролине, и вместо того, чтобы посмеяться, она выглядит встревоженной. На следующий день она возвращается с работы с огромной стопкой книг вроде «Это абсолютно нормально!» и «Откуда я взялся?». Они куда более откровенные, чем те, что были у меня в моем детстве. В них приведены подробные определения, что такое анальный секс, куннилингус и небинарная гендерная идентичность. С цветными картинками и прочим. Я осторожно замечаю, что, на мой взгляд, для пятилетки это все же немного чересчур, но Каролина со мной не соглашается. Она говорит, что это основы человеческой биологии и что она хочет, чтобы Тедди узнал факты в раннем возрасте, пока его не дезинформировали друзья.

– Я все понимаю, но куннилингус? Ему же пять лет.

Каролина косится на крестик у меня на шее, как будто дело исключительно в нем.

– Когда он в следующий раз начнет задавать вопросы, просто отправь его ко мне. Я хочу сама на них ответить.

Я пытаюсь убедить ее, что в состоянии ответить на вопросы Тедди, но она недвусмысленно дает мне понять, что разговор окончен, и, открыв шкафчик, принимается греметь посудой. Впервые за долгое время она не приглашает меня остаться и поужинать с ними.

Двухчасовые тихие часы становятся делом все более и более обычным, и я понятия не имею, чем Тедди занимается все это время. Иногда я прокрадываюсь к нему под дверь и слышу, как он разговаривает сам с собой – до меня доносятся странные невразумительные обрывки фраз. А иной раз он точит карандаши или вырывает страницы из альбома. Очевидно, он по-прежнему рисует, но каким-то образом ухитряется прятать свои работы от меня и родителей.

Поэтому в пятницу днем я решаю устроить небольшой обыск. Я дожидаюсь, когда Тедди пойдет в туалет по-большому, поскольку знаю, что у меня будет добрых десять или даже пятнадцать минут (он долго сидит на горшке, листая книжки с картинками). Как только я слышу, что он запирает дверь на защелку, я спешу по лестнице на второй этаж.

У Тедди светлая, залитая солнцем комната, в которой постоянно присутствует легкий запах мочи. Два больших окна выходят на задний двор, и Каролина велела мне весь день держать их открытыми, даже когда включена система центрального кондиционирования; думаю, это позволяет уменьшить запах. Стены жизнерадостного небесно-голубого цвета украшены постерами с динозаврами, акулами и персонажами «Лего фильма». Обстановка состоит из кровати, невысокого книжного стеллажа и комода, так что, можно надеяться, поиски не займут много времени. Впрочем, я кое-что знаю о том, как правильно прятать вещи. На первом году употребления оксикодона я еще жила дома и хранила запасы таблеток и прочих принадлежностей у себя в комнате, рассовав их по таким местам, куда моя мать никогда в жизни не додумалась бы заглянуть.

Я отгибаю ковер, вынимаю с полок одну за другой все книжки, вытаскиваю ящики комода и заглядываю в дырки. Я трясусь занавески и забираюсь на кровать, чтобы внимательно осмотреть полог. Я перерываю гору мягких игрушек, большой кучей сваленных в углу спальни, – тут и розовый дельфин, и облезлый серый ослик, и еще какие-то разноцветные плюшевые зверюшки. Я заглядываю под простыню и под на матрасник и даже поднимаю весь матрас целиком, поставив на ребро, чтобы можно было увидеть, что делается на полу под кроватью.

– Мэллори? – кричит из-за двери туалета на первом этаже Тедди. – Можешь принести мне туалетную бумагу?

– Секундочку!

Я еще не закончила. Осталось посмотреть в шкафу. Я перебираю восхитительные одежды, которые нам с Каролиной так ни разу и не удалось убедить Тедди надеть: хорошенькие рубашечки, миниатюрные слаксы и дизайнерские голубые джинсы, крохотные ремешки из натуральной кожи. Потом замечаю на верхней полке три коробки с настольными играми: «Клуэдо», «Мышеловка» и «Сорри!» – и с облегчением выдыхаю, уверенная, что наконец нашла тайник Тедди. Но потом я открываю коробки и, вытряхнув картонные поля, не обнаруживаю ничего, кроме игральные фишек и карт. Рисунков там нет.

– Мэллори! Ты меня слышишь?

Я убираю игры обратно в шкаф, закрываю дверцу и обвожу комнату взглядом, чтобы убедиться, что она приблизительно в том же состоянии, в каком была до моего вторжения.

Потом хватаю в прачечной рулон туалетной бумаги и спешу на первый этаж.

– Вот тебе твоя бумага, – говорю я Тедди через дверь туалета.

Он слегка приоткрывает ее, ровно настолько, чтобы я могла просунуть в щелку рулон.

– Где ты была? – спрашивает он.

– Наводила порядок.

– Ну ладно.

Он закрывает дверь, и я слышу, как щелкает язычок замка.

Все выходные я провожу в убеждении, что у меня разыгралась паранойя. У меня нет никаких доказательств того, что Тедди до сих пор рисует свои картинки. Шуршание за дверью его комнаты может быть чем угодно. Темные разводы у него на руках могут быть следами земли от наших садоводческих экспериментов или просто самой обычной грязью как у самого обычного пятилетки. Все ведь нормально, так что же я беспокоюсь?

В понедельник с утра меня будит шум мусорной машины, которая медленно едет по Эджвуд-стрит. Она приезжает дважды в неделю: по понедельникам за отходами на переработку и по четвергам за

обычным мусором. И тут я вспоминаю про одно место, проверить которое мне не пришло в голову: это мусорная корзина в рабочем кабинете Теда-старшего на втором этаже. Тедди каждый раз проходит мимо кабинета, когда идет на первый этаж. Сунуть в корзину рисунки по пути к лестнице проще простого.

Я выскакиваю из постели, радуясь, что сплю в спортивных шортах и футболке, и выбегаю из коттеджа. Трава все еще мокрая от утренней росы, и я, огибая угол дома, поскользываюсь и едва не падаю. Мусорная машина останавливается через три дома от нашего, так что на все про все у меня не больше минуты. Я со всех ног мчусь к концу подъездной дорожки, куда вечером в воскресенье Тед вытаскивает голубые мусорные контейнеры – один для стекла и металла, другой для бумаги и картона. Я лихорадочно роюсь в обрывках рекламных листовок и счетов, меню ресторанов, работающих навывнос, и банковских выписок, ворошу каталоги магазинов хозяйственных товаров и одежды – каждый день мы извлекаем их из почтового ящика десятками.

Рядом со мной тормозит мусорная машина, и тощий парень в рабочих рукавицах улыбается мне. На бицепсе у него вытатуирован дракон, обвивающий его кольцом.

– Что-то потеряли?

– Нет-нет, – говорю я. – Можете забирать.

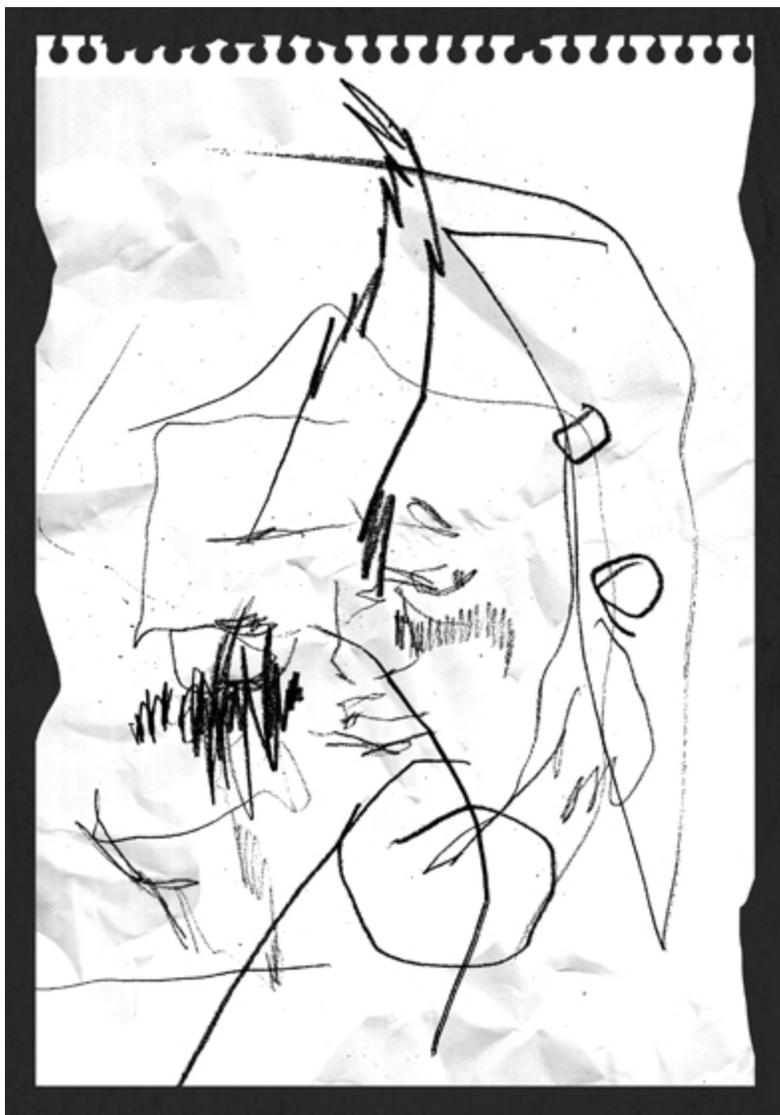
Он подхватывает бачок, и тут его содержимое перемещается и на поверхности показывается огромный ком смятой бумаги с такими же круглыми дырочками по краю, как листки из альбома Тедди.

– Погодите!

Парень протягивает мне бачок, я хватаю бумажный ком и несу его к себе в коттедж.

Очутившись у себя, я ставлю чайник, завариваю себе чашку чая и принимаюсь разглядывать свою добычу. Это примерно как чистить луковицу. Листов в общей сложности девять, и я тщательно разглаживаю ладонью каждую складочку. На первых нескольких рисунках нельзя разобрать вообще ничего. Это просто каракули. Но чем дальше, тем более отчетливыми и проработанными они становятся. Композиция улучшается. Появляются свет и тень. Такое впечатление, что передо мной коллекция набросков к какой-то

причудливой работе; часть листков почти полностью покрыты рисунками, многие из которых не окончены.

Простите, конечно, но Тедди никоим образом не мог нарисовать эти картинки. Так рисовать способен далеко не каждый взрослый, не говоря уж о пятилетнем мальчишке, который спит с плюшевыми зверюшками и умеет считать только до тридцати.

Но каким образом тогда они оказались в мусорном бачке?

Это Тед их нарисовал? Или Каролина?

Максвеллы что, на досуге изучают иллюстраторское мастерство?

Все мои вопросы порождают лишь новые вопросы, и вскоре я уже жалею, что вообще встала с кровати. Лучше бы мусорная машина увезла все улики, тогда бы мне не пришлось ломать голову над тем, что все это значит.

Понедельник проходит как в тумане: лего, макароны с сыром, тихий час, бассейн, – но к вечеру я готова к серьезным изысканиям. Я принимаю душ, мою голову и надеваю один из самых романтичных нарядов Каролины – воздушное голубое платье чуть ниже колен с красивым узором из белых цветов. Потом иду в «Раконтер», местный независимый книжный магазин.

К моему удивлению, несмотря на вечер понедельника, там яблоку негде упасть: один из местных авторов только что закончил читать свое произведение, и в зале царит праздничная атмосфера, как на вечеринке. Люди пьют вино из пластиковых стаканчиков и едят пирожные с маленьких картонных тарелочек. Мне приходится протискиваться сквозь толпу, чтобы добраться до отдела литературы для родителей, но я этому даже рада: не хочу, чтобы сотрудники подходили ко мне с предложениями помощи. Если бы они узнали, что я ищу, то сочли бы меня сумасшедшей.

Я беру несколько книг и выхожу в просторный внутренний дворик, где работает кафе. Там тоже полно народу. По периметру помаргивает огоньками гирлянда. За небольшой барной стойкой продают закуски и напитки, а рядом на высоком табурете сидит очень серьезная девушка-подросток в комбинезоне с акустической гитарой и поет «Tears in Heaven»^[5]. Каждый раз, когда я слышу эту песню, я неизменно возвращаюсь мыслями к церемонии прощания с моей сестрой; мелодия входила в подборку, которая бесконечно крутилась на автовоспроизведении. Эта песня постоянно преследует меня в супермаркетах и ресторанах, и, хотя я слышала ее уже тысячу раз, она все равно каждый раз вызывает у меня слезы. Впрочем, в исполнении этой девчушки она звучит повеселее, чем в оригинале Эрика Клэптона. Ее юный возраст привносит в песню даже какую-то надежду.

Я подхожу к бару и заказываю чашку чая и слойку, но тут же понимаю, что все это сразу мне не унести. Кроме того, все столики заняты, и никто, похоже, не собирается уходить, так что я не могу поверить в свою удачу, когда неожиданно вижу Адриана – он в

одиночестве сидит за столиком на двоих и читает какую-то книгу по «Звездным Войнам».

– Можно?

Забавно, но на этот раз он не узнает меня, вернее, узнает, но далеко не сразу – дело, видимо, в пятисотдолларовом платье Каролины.

– Да! Разумеется! Мэллори! Как поживаете... поживаешь?

– Я не ожидала, что здесь будет столько народу.

– Тут всегда людно, – говорит Адриан. – Это третье по популярности место в Спрингбруке.

– А два других какие?

– Номер один – «Чизкейк фактори», разумеется. А номер два – буфет с готовой едой в Вегмансе. У нас тут с ночной жизнью не густо.

Девчушка с гитарой заканчивает петь «Tears in Heaven». Раздаются жидкие аплодисменты, но Адриан хлопает долго и от души, и она бросает в нашу сторону раздраженный взгляд.

– Это моя двоюродная сестра Габриэла, – поясняет он. – Ей всего пятнадцать, можешь себе представить? Она заявила сюда с гитарой, и они дали ей работу.

Габриэла наклоняется к микрофону и сообщает, что теперь будут «Битлз», после чего начинает петь очень милый кавер «Blackbird»^[6]. Я смотрю на книгу, которую читает Адриан. На обложке Чубакка палит из лазера по армии роботов; название, вытисненное гигантскими серебряными буквами, гласит: «Мечь Вуки».

– Ну и как тебе?

Адриан пожимает плечами:

– Ну, это не канонический роман, так что с сюжетом и персонажами тут обращаются весьма вольно. Но если тебе понравилась «Мечь Эвоков», то и это тоже понравится.

И тут я не выдерживаю и начинаю смеяться.

– Нет, это просто что-то с чем-то. Ты выглядишь как косильщик газонов. У тебя грязь под ногтями и флоридский загар. Но выясняется, что на самом деле ты завсегдатай дорогого загородного клуба да еще и фанат «Звездных войн» в придачу!

– Я все лето пропалываю чужие газоны! Мне совершенно необходима какая-то отдушина.

– Я понимаю. Я из тех же соображений смотрю канал «Холлмарк».

– Серьезно?

– Без шуток. Я видела все пять серий «Она испекла убийство». И я обычно об этом не распространяюсь, так что очень надеюсь, что ты сохранишь это в секрете.

Адриан делает торжественное лицо.

– Твоя тайна умрет вместе со мной, – заверяет меня он. – А ты какие книги любишь читать? – Я могу не отвечать на этот вопрос, поскольку мои книги уже лежат на столе и Адриан может сам прочитать заголовки: «Психопатология детского возраста» и «Энциклопедия сверхъестественных явлений». – Так вот как ты расслабляешься после долгого дня в обществе своего подопечного?

– Если я расскажу тебе, почему я читаю эти книги, ты, скорее всего, решишь, что я ненормальная.

Адриан закрывает «Месть Вуки» и откладывает ее в сторону, давая мне понять, что его внимание принадлежит мне полностью и безраздельно.

– Все мои любимые истории начинаются с подобного предупреждения, – говорит он. – Выкладывай.

– Это очень долгая история.

– Я никуда не спешу.

– Я тебя предупреждаю. Магазин может закрыться раньше, чем я закончу.

– Начинай с самого начала и не упускай ни одной детали, – говорит он мне. – Никогда не знаешь, что может оказаться важным.

Я рассказываю ему о моем собеседовании с Максвеллами, о гостевом домике, о том, как проходят наши дни с Тедди. Я описываю эволюцию рисунков Тедди и странные диалоги, которые происходят за закрытыми дверьми его комнаты. Я рассказываю ему о моих спорах с Митци и с Максвеллами. Я спрашиваю, слышал ли он что-нибудь про Энни Барретт, и он заверяет меня, что в Спрингбруке историю Энни Барретт знает каждая собака. По всей видимости, она что-то вроде местной страшилки, которой пугают детей, чтобы не гуляли по лесу в темное время суток.

И вот приблизительно через час разговора (уже после того, как его двоюродная сестра убирает в чехол свою гитару и уходит домой, а все

столики вокруг пустеют и в кафе остаемся только мы с Адрианом и работники, которые начинают протирать столешницы) я извлекаю из сумки свою последнюю находку – рисунки, которые я выудила из мусорного бачка.

Адриан с изумлением рассматривает их.

– Ты хочешь сказать, что это нарисовал Тедди? Тедди, которому пять лет?

– Эти листки вырваны из альбома Тедди. И я слышу, как он рисует у себя в комнате. Когда он выходит оттуда, все пальцы у него в карандаше. Единственный вариант, который приходит мне в голову, это... – Я стучу пальцем по «Энциклопедии сверхъестественных явлений». – Может, его рукой водит кто-то другой. Может, это дух Энни Барретт.

– Ты думаешь, Тедди одержим злым духом?

– Нет. Это тебе не «Изгоняющий дьявола». Энни не пытается разрушить душу Тедди или завладеть его телом. Она просто водит его рукой. Она делает это во время тихого часа, когда он остается один у себя в комнате. Ни в какое другое время она его не трогает.

Я умолкаю, чтобы Адриан мог посмеяться надо мной или отпустить пренебрежительный комментарий, но он не говорит ни слова, так что я продолжаю излагать свою гипотезу.

– Энни Барретт – хорошая художница. Она прекрасно умеет рисовать. Но она впервые рисует чужой рукой. Так что первые ее попытки ужасны. Это просто каракули. Но после пары попыток у нее начинает получаться уже лучше. Мало-помалу рисунки становятся более проработанными. В них появляются текстура, свет и тень. Она овладевает новым инструментом – рукой Тедди.

– А как тогда эти листки оказались в мусоре?

– Возможно, это Аня их туда выбросила. Или Тедди, я точно не знаю. В последнее время он стал очень скрытным в том, что касается его рисунков.

Адриан снова устремляет взгляд на рисунки, но на этот раз рассматривает их уже более внимательно. Он поворачивает их туда-сюда, пытаясь найти в каракулях какой-то скрытый смысл.

– Знаешь, что они мне напоминают? Картинки-головоломки в журнале «Хайлайтс». Там художники прячут на фоне что-то другое.

Например, крыша дома – это на самом деле ботинок, или пицца, или хоккейная клюшка. Помнишь такие?

Я понимаю, про какие картинки он говорит – мы с сестрой в детстве тоже их любили, – но думаю, что эти рисунки более прямолинейны. Я указываю на тот, где изображена женщина, зашедшая в крике.

– Я думаю, это автопортрет. Думаю, Энни рисует историю своего убийства.

– Ну, это проверить как раз таки довольно несложно. Давай найдем фотографию настоящей Энни Барретт, сравним ее с женщиной с этой картинки и посмотрим, есть ли сходство.

– Я уже искала. В Сети ничего нет.

– Считаю, что тебе повезло. Моя мама во время летних каникул подрабатывает в местной публичной библиотеке. Там хранится обширный архив городской истории. Весь подвал забит материалами. Если фотография Энни Барретт где-то и может быть, то это там.

– Ты можешь ее спросить? Она не будет против?

– Ты шутишь? Да она обожает такие вещи. Она учительница, а в свободное время подрабатывает библиотекарем. Если я скажу ей, что ты интересуешься местной историей, она будет на седьмом небе от счастья!

Он обещает мне завтра с утра первым же делом поговорить с ней. Теперь, когда я поделилась с кем-то своими тревогами, я чувствую себя неизмеримо лучше.

– Спасибо тебе, Адриан. Я очень рада, что ты не счел меня сумасшедшей.

Он пожимает плечами.

– Думаю, мы должны рассмотреть все возможные варианты. «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался», как говорил Спок в «Звездном пути IV», хотя он и цитирует Шерлока Холмса.

– Господи боже мой, – говорю я ему. – Нет, ты точно маньяк.

Мы идем домой в темноте, и все тротуары в полном нашем распоряжении. Вокруг царит атмосфера безмятежности, спокойствия и безопасности. Адриан разыгрывает из себя экскурсовода, показывая мне дома своих бывших одноклассников, которые заработали в

городке печальную известность: например, Чувака, Который Перевернул Родительский Джип, и Девочки, Которой Пришлось Перейти в Другую Школу После Скандального Видео в Тик-Токе. Такое впечатление, что он знает в Спрингбруке всех и каждого и что его школьные годы были чем-то вроде глянцевого подросткового сериала на «Нетфликсе» – из тех дурацких мыльных опер, где все ослепительно-красивы, а исход межшкольного футбольного матча имеет судьбоносные последствия.

И тут он указывает на угловой дом и сообщает, что в нем выросла Трейси Бантам.

– Это имя должно мне о чем-то говорить?

– Она разыгрывающая защитница в «Леди Лайонс», баскетбольной команде Пенсильванского университета. Я думал, вы друг друга знаете.

– Пенсильванский университет просто огромный, – говорю я ему. – Там пятьдесят тысяч студентов.

– Я знаю, просто думал, что спортсмены ходят на одни и те же вечеринки.

Я медлю с ответом. Адриан дает мне отличную возможность выложить ему все начистоту, признаться, что это была дурацкая шутка, игра, в которую я играю с незнакомцами. Сказать правду, прежде чем наши отношения еще не зашли слишком далеко. Я думаю, он из тех людей, которые поймут.

Вот только я не могу сказать Адриану часть правды, не раскрывая ему всю свою подноготную. Если я скажу ему, что никогда не училась в колледже, мне придется объяснить, как я жила последние несколько лет, а я к этому совершенно не готова – во всяком случае, сейчас, когда мы с ним так мило беседуем. Так что я просто меняю тему.

Мы доходим до Цветочного замка, но Адриан говорит, что проводит меня до дома, и я не возражаю. Он спрашивает меня, откуда я родом, и удивляется, узнав, что я выросла в Южной Филадельфии и из окна моей комнаты был виден бейсбольный стадион «Ситизенс-Банк-парк».

– А по твоему выговору так и не скажешь.

– Ты чё, Адриан, думаешь, нас так легко опознать по базару? – спрашиваю я, подражая языку выходцев из филадельфийских трущоб.

– Дело не в твоём языке. Дело в том, как ты себя ведешь. Ты такая позитивная. Не такая запаренная, как все остальные.

Ох, Адриан, думаю я про себя. Знал бы ты только.

– Твои родители до сих пор живут в Южной Филли?

– Только мама. Они с отцом разошлись, когда я была еще совсем маленькой, и он переехал в Хьюстон. Я его толком не знаю.

Это все чистая правда, так что, думаю, мой ответ звучит довольно убедительно, но тут Адриан спрашивает, есть ли у меня братья и сестры.

– Только сестра. Бет.

– Старшая или младшая?

– Младшая. Ей тринадцать.

– Она приходит поболеть за тебя на соревнованиях?

– Все время. Это три часа в одну сторону на машине, но, если соревнования не выездные, мама с сестрой всегда приезжают.

У меня пресекается голос. Не знаю, зачем я все это плету. Мне хочется быть с ним честной, хочется настоящих отношений, но вместо этого я нагромождаю одну ложь на другую.

И тем не менее, неторопливо шагая по этим залитым лунным светом улицам в обществе этого симпатичного, приветливого парня, так просто поверить в собственную выдумку. Мое взаправдашнее прошлое кажется чем-то невероятно далеким.

Когда мы наконец доходим до дома Максвеллов, уже совсем темно. Времени почти одиннадцать, все наверняка давно уже спят. Мы огибаем дом по дорожке, вымощенной каменными плитами, и там, за домом, оказывается еще темнее; лишь мерцающая голубая подсветка бассейна освещает нам путь.

Адриан прищуривается, вглядываясь в темнеющие на краю участка очертания деревьев в поисках моего домика.

– Где твой коттедж?

Я тоже не могу его разглядеть.

– Где-то там, среди деревьев. Я оставляла свет на крыльце включенным, но, видимо, лампочка перегорела.

– Гм. Это очень странно.

– Думаешь?

– После всех тех историй, которые ты мне рассказала? Даже и не знаю.

Мы идем через лужайку к коттеджу, и Адриан дожидается, пока я поднимусь на крыльцо. Я дергаю ручку двери; она заперта, и я принимаюсь рыться в сумочке в поисках ключей. Внезапно меня охватывает чувство благодарности к Каролине за то, что настояла, чтобы я носила с собой на связке ключей электрошокер.

– Ты не против, если я попрошу тебя подождать здесь, пока я быстренько гляну, что там внутри?

– Без проблем.

Я отпираю дверь и с крыльца нашариваю внутри на стене выключатель уличного фонаря. Он даже не думает загораться, зато в прихожей свет вспыхивает сразу же, и внутри все с виду выглядит точно так же, как было, когда я уходила. Ни в кухне, ни в ванной не видно ничего подозрительного. Я даже опускаюсь на четвереньки и быстро заглядываю под кровать.

– Все в порядке? – подает с улицы голос Адриан.

Я выхожу обратно на крыльцо.

– Все нормально. Нужно будет просто вкрутить новую лампочку.

Адриан обещает позвонить, когда узнает что-нибудь новое про Энни Барретт, и уходит. Стоя на крыльце, я провожаю его взглядом, пока он не заворачивает за угол большого дома и не скрывается из виду.

Я разворачиваюсь, чтобы зайти в дом, и задеваю ногой угловатый булыжник размером с теннисный мяч. Я опускаю взгляд и понимаю, что стою на бумаге. Это три листка с рваными краями, которые прижимает к доскам крыльца тот самый булыжник. Держась спиной к двери в дом, я наклоняюсь и поднимаю их.

Потом захожу внутрь, запираю дверь на ключ и сажусь на край кровати с рисунками в руке. Они очень напоминают те, которые Тед Максвелл у меня на глазах порвал на кусочки, – те самые три рисунка, про которые он пообещал мне, что я никогда больше их не увижу. Только нарисованы они другой рукой. Эти рисунки темнее и более тщательно проработаны. Они так плотно заштрихованы, что бумага даже покоробилась. Мужчина, копающий могилу. Женщина, которую тащат по лесу. И кто-то, смотрящий вверх со дна очень глубокой ямы.

Когда на следующее утро я подхожу к большому дому, Тедди уже поджидает меня у стеклянной двери в патио с небольшим блокнотиком и карандашом в руках.

– Доброе утро и добро пожаловать в мой ресторан, – говорит он. – Сколько вас человек?

– Всего один, месье.

– Сюда, пожалуйста.

На стульях вокруг кухонного стола восседают плюшевые зверюшки. Тедди подводит меня к свободному месту между Годзиллой и Голубым слоном, выдвигает стул и протягивает мне бумажную салфетку. Я слышу, как наверху лихорадочно мечется по своей комнате, собираясь на работу, Каролина. Судя по всему, она опять опаздывает.

Тедди терпеливо стоит рядом со мной с карандашом и блокнотом в руке, ожидая моего заказа.

– У нас нет меню, – сообщает он мне. – Можете заказывать что хотите.

– В таком случае я буду яичницу. С беконом, оладьями, спагетти и мороженым. – Тедди хохочет, и я решаю выжать из шутки все возможное. – А еще, пожалуйста, добавьте туда морковку, гамбургеры, такос и дыню.

Он складывается пополам от хохота. Этот малыш заставляет меня чувствовать себя выдающейся юмористкой.

– Как пожелаете! – говорит он и спешит к ящику с игрушками, чтобы положить на мою тарелку пластмассовую еду.

Тут звонит стационарный телефон, и Каролина кричит мне сверху:

– Пожалуйста, не бери трубку, мне сейчас некогда ни с кем разговаривать! Пусть оставят сообщение на автоответчике!

После трех звонков автоответчик включается и начинает записывать сообщение.

– Доброе утро! Это Диана Фаррелл из начальной школы Спрингбрука...

Это уже третье сообщение за неделю, и Каролина влетает в кухню, спеша ответить, пока на том конце провода не положили трубку.

– Здравствуйте, это Каролина.

Она бросает на меня раздраженный взгляд – ох уж эта школьная бюрократия! – и скрывается с телефоном в кабинете. Тедди между тем приносит мне тарелку, на которой навалена груда игрушечной еды: пластмассовая яичница, пластмассовые спагетти и несколько шариков пластмассового мороженого. Я качаю головой и делаю вид, что страшно возмущена.

– Я совершенно уверена, что заказывала бекон!

Тедди с хохотом бежит через всю комнату к ящику с игрушками и возвращается с полоской пластмассового бекона. Я пытаюсь краем уха подслушать Каролинин разговор, но она практически ничего не говорит. Это примерно как с теми диалогами, которые происходят в тихий час в комнате Тедди, когда большую часть реплик произносит другая сторона. Каролина лишь постоянно повторяет: «да-да», «разумеется» и «нет, это вам спасибо».

Я делаю вид, что жадно набиваю рот пластмассовой едой, громко пыхтя и чавкая, как жирный боров у лохани с пойлом. Тедди заливается смехом. Каролина входит в кухню с беспроводным телефоном в руках и ставит его обратно на базу.

– Это директриса твоей новой школы звонила, – говорит она Тедди. – Ей не терпится поскорее с тобой познакомиться!

Потом она крепко обнимает его и спешит к двери, потому что на часах уже 7:38 и она страшно опаздывает.

Закончив понарошку есть завтрак, я расплачиваюсь по воображаемому счету воображаемыми деньгами и спрашиваю Тедди, чем он хочет заняться. И, судя по всему, он сегодня в настроении лицедействовать, потому что снова просит поиграть в Заколдованный лес.

Мы идем по Дороге, Вымощенной Желтым Кирпичом, и по Драконьей стежке к Королевской реке, а потом карабкаемся по ветвям Гигантского Бобового Стебля до тех пор, пока не оказываемся в десяти футах от земли. В одном из сучьев есть небольшое дупло, и Тедди прилежно набивает его камешками и острыми прутиками – это наш арсенал на тот случай, если на нас нападут гоблины.

– Гоблины не могут лазить по деревьям, потому что у них слишком короткие руки, – поясняет Тедди. – Так что мы сможем спрятаться в ветвях и швыряться в них камнями.

Все утро мы проводим, бесконечно что-то выдумывая и импровизируя на ходу. В Заколдованном лесу возможно все, никаких ограничений просто не существует. Тедди останавливается на берегу Королевской реки и говорит, что я должна выпить из нее воды, потому что она обладает магическими свойствами, которые не дадут врагам нас поймать.

– У меня дома уже есть галлон, – говорю я. – Я поделюсь с тобой, когда мы вернемся обратно.

– Отлично! – восклицает он и вприпрыжку бежит по дорожке навстречу новым открытиям.

– Кстати! – кричу я ему вслед. – Я нашла рисунки, которые ты для меня оставил.

Тедди оглядывается на меня и с улыбкой ждет, когда я поясню.

– Рисунки, которые ты оставил на моем крыльце.

– С гоблинами?

– Нет, Тедди, там нарисовано, как Аню закапывают в землю. Они очень хорошо нарисованы. Тебе кто-то помогал?

Вид у него становится озадаченный – как будто я внезапно поменяла правила игры, не предупредив его об этом.

– Я больше не рисую Аню.

– Все нормально. Я не расстроена.

– Но я этого не делал.

– Ты оставил их на моем крыльце. Под камнем.

Он раздраженно всплескивает руками:

– Давай просто поиграем в Заколдованный лес? Как всегда! Пожалуйста! Мне так не нравится.

– Конечно.

Я решаю, что, видимо, затронула эту тему в неподходящий момент. Но когда мы возвращаемся домой на обед, мне уже не хочется ее обсуждать. Я жарю нам куриные наггетсы, после чего Тедди отправляется к себе в комнату на тихий час. Я немного выжидаю, затем поднимаюсь следом за ним на второй этаж и прикладываю ухо к двери его спальни. До меня доносится негромкое шуршание карандаша по бумаге: *шурх-шурх-шурх*.

Ближе к вечеру звонит Рассел и приглашает меня поужинать с ним. Недосып позапрошлой ночи все еще дает о себе знать, и я предлагаю отложить ужин, но Рассел говорит, что уезжает на две недели в отпуск, так что сегодня или никогда.

– Я нашел ресторан неподалеку от твоего дома. «Чизкейк фактори».

Я с трудом удерживаюсь от смеха, потому что большего поборника здорового питания, чем Рассел, найти сложно. Его диета практически полностью состоит из овощей и белка: никакого сахара и

углеводов, максимум – несколько шоколадных капель из кэроба или немного меда изредка на десерт.

– Чизкейк? Вы серьезно?

– Я уже забронировал столик. На семь тридцать.

Так что после того, как Каролина возвращается домой, я принимаю душ, надеваю платье и, захватив с собой стопку последних рисунков Тедди, направляюсь к выходу. И застываю на пороге в нерешительности. После вчерашнего разговора с Адрианом в книжном магазине я понимаю, что мне понадобится не меньше часа, чтобы изложить все подробности, так что я решаю оставить рисунки дома. Мне хочется, чтобы Рассел мной гордился. Хочется производить впечатление сильной, уверенной в себе женщины, которая наконец взяла свою жизнь под контроль. Не хочу грузить его своими переживаниями. Поэтому я засовываю рисунки в прикроватную тумбочку.

Ресторан огромный, в зале яблоку негде упасть, атмосфера царит оживленная – типичный «Чизкейк фактори». Официантка отводит меня к столику, где уже ждет Рассел. На нем темно-синий спортивный костюм и его любимые кроссовки «Хока» – те самые, в которых он пробежал Нью-Йоркский марафон.

– А, ну наконец-то! – Он обнимает меня, потом с ног до головы окидывает взглядом. – Что случилось, Куинн? У тебя усталый вид.

– Спасибо, тренер. Вы тоже хорошо выглядите.

Мы садимся за стол, и я заказываю минеральную воду.

– Я серьезно, – говорит он. – Ты нормально спишь?

– Все в порядке. У меня в домике по ночам немного шумно. Но я справляюсь.

– А ты говорила Максвеллам? Возможно, они могут что-то с этим сделать.

– Они предложили мне перебраться в большой дом. Но я же вам сказала, все в порядке.

– Ты не сможешь тренироваться, если не будешь полноценно отдыхать.

– Это была всего лишь одна бессонная ночь. Честное слово.

Я пытаюсь перевести тему на меню, в котором напротив каждого блюда указана информация о его калорийности и пищевой ценности.

– Вы видели пасту наполитано? В ней две с половиной тысячи килокалорий.

Рассел заказывает зеленый салат с цыпленком гриль и соусом винегрет. Я беру глэмбургер с гарниром из жареного сладкого картофеля. Мы обсуждаем предстоящий отпуск Рассела – две недели в Лос-Анджелесе с его подругой Дорин – она работает персональным тренером в его отделении Ассоциации Христианской молодежи. Но я вижу, что он все еще встревожен. Покончив с едой, он вновь переводит разговор на меня.

– И как тебе Спрингбрук? На собрания «Анонимных наркоманов» ходишь?

– Там одни старички, Рассел. Без обид.

– Но хоть раз в неделю ты там бываешь?

– Мне не нужно. Я в порядке.

Я вижу, что мой ответ ему не нравится, но он ничего не говорит.

– А друзьями уже успела обзавестись? Есть с кем сходить куда-нибудь?

– Да, вот как раз вчера ходили.

– И где ты с ней познакомилась?

– Она учится в Ратгерском университете. Приехал к родителям на каникулы.

Мой куратор обеспокоенно хмурится.

– Не рановато ли еще тебе ходить на свидания, Куинн? Ты в завязке всего восемнадцать месяцев.

– Мы просто друзья.

– Значит, он в курсе, что ты в завязке?

– Да, Рассел, я прямо с ходу так все ему и выложила. И как едва не отбросила коньки от передоза на заднем сиденье в «Убере», и как ночевала на вокзалах.

Он пожимает плечами, как будто это самая естественная в мире тема для разговора.

– Я курировал уйму студентов, Мэллори. Кампусы со студенческими братствами и нескончаемыми попойками – просто рассадник вредных привычек.

– Мы тихо и спокойно посидели в кафе при книжном магазине. Пили минералку и слушали музыку. Потом он проводил меня до дома Максвеллов. Все было очень мило.

– Когда в следующий раз с ним увидишься, расскажи ему всю правду. Это часть твоей личности, Мэллори, ты должна это принять. Чем дольше ты будешь откладывать, тем сложнее тебе будет признаться.

– Так вы ради этого меня сюда пригласили? Чтобы прочитать мне нотацию?

– Нет, я пригласил тебя потому, что мне позвонила Каролина. Она беспокоится за тебя.

Я ошарашена.

– Серьезно?

– Она сказала, что поначалу все было просто великолепно. Она называла тебя зажигалкой, Куинн. Она была очень тобой довольна. Но в последние несколько дней, по ее словам, она заметила в тебе перемену. И каждый раз, когда я слышу эти слова...

– Я не употребляю, Рассел.

– Отлично, я очень рад это слышать.

– Она что, сказала, что я употребляю?

– Она сказала, что ты странно себя ведешь. Она видела тебя на улице в семь утра, когда ты рылась в мусорном бачке. Что за необходимость у тебя возникла?

Я понимаю, что Каролина, должно быть, заметила меня из окна своей спальни.

– Да ничего особенного. Я выкинула по ошибке одну вещь, пришлось лезть в бачок доставать. Не берите в голову.

– Она говорит, ты что-то упоминала о призраках. Ты что, считаешь, что в ее сына кто-то вселился?

– Нет, я никогда такого не говорила. Она неправильно меня поняла.

– Она говорит, ты прителествуешь с наркоманкой, которая живет в соседнем доме.

– Вы имеете в виду Митци? Я дважды с ней разговаривала. За четыре недели. По-вашему, это делает нас лучшими подругами?

Рассел делает мне знак говорить потише. Даже в шумном переполненном зале на нас уже начинают оглядываться.

– Я здесь для того, чтобы тебе помочь. Ты ни о чем не хочешь со мной поговорить?

Могу ли я все ему рассказать? Поделиться своими тревогами относительно Энни Барретт? Нет, не могу. Я отдаю себе отчет в том, что мои переживания будут звучать смехотворно. А я хочу, чтобы мой куратор мной гордился.

– Давайте поговорим о десерте. Я вот думаю, не съесть ли мне шоколадно-ореховый чизкейк?

Я протягиваю Расселу заламинированное меню, но он не берет его.

– Не уходи от темы. Тебе нужна эта работа. Если тебя уволят, ты не сможешь вернуться в «Спасительную гавань». У них список тех, кто ждет места, длиной с твою руку.

– Я не собираюсь возвращаться в «Спасительную гавань». Я собираюсь продемонстрировать себя с самой лучшей стороны, чтобы Каролина разрекламировала меня всем соседям, а когда лето закончится, захотела и дальше меня оставить. Или чтобы я могла устроиться в какую-нибудь другую семью в Спрингбруке. Вот мой план.

– А что отец? Тед?

– А что Тед?

– Он хорошо к тебе относится?

– Ну да.

– А точно не *слишком* хорошо? Может, он позволяет себе лишнего?

– Э-э... а я точно не ослышалась?

– Ты понимаешь, о чем я. Такие люди иногда не видят границ. Или видят, но не считают нужным их соблюдать.

Я мысленно возвращаюсь к уроку плавания, который Тед преподавал мне две недели назад, – в тот вечер, когда он сделал мне комплимент по поводу моей татуировки. Кажется, он тогда положил руку мне на плечо, но ведь не за задницу же схватил.

– Он не позволяет себе ничего лишнего, Рассел. С ним все в порядке. И со мной тоже. И со всеми нами. А теперь, пожалуйста, давайте уже закажем десерт?

На этот раз он неохотно берет в руки меню.

– Ну и какой из них на нас смотрит?

– Шоколадно-ореховый.

Он заглядывает в конец меню, где указана пищевая ценность всех десертов.

– Тысяча четыреста килокалорий? Ты это серьезно?

– И девяносто два грамма сахара.

– Боже правый, Куинн. Из этого ресторана наверняка каждую неделю кого-то выносят вперед ногами. Люди должны впадать в сахарную кому, еще даже не дойдя до своих машин. Понятия не имею, почему у них на парковке не дежурит реанимационная бригада.

Наша официантка замечает, что Рассел просматривает десертное меню. Это совсем молоденькая девушка, практически подросток, веселая и жизнерадостная.

– Кажется, кто-то сейчас будет есть чизкейк!

– Я ни в коем случае, – отзывается он. – Зато моя подруга будет. Она здоровая и сильная, у нее еще вся жизнь впереди.

После десерта Рассел настаивает на том, чтобы подвезти меня обратно к Максвеллам, чтобы мне не пришлось переходить шоссе в темноте. Когда мы подъезжаем к дому, времени уже почти половина десятого.

– Спасибо за чизкейк, – говорю я. – Хорошего вам отпуска.

Я открываю дверцу машины, но тут Рассел останавливает меня.

– Послушай, у тебя точно все нормально?

– Ну сколько можно меня об этом спрашивать?

– Тогда скажи мне, почему ты дрожишь?

Почему я дрожу? Да потому что нервничаю. Потому что боюсь, что подойду к своему дому и обнаружу на крыльце новые рисунки. Вот почему я дрожу. Но я не собираюсь объяснять все это Расселу.

– Я только что съела пятьдесят граммов насыщенных жиров. Я сейчас впаду в кому.

Вид у него скептический. Это классическая кураторская дилемма: ты должен доверять своему подопечному, должен демонстрировать ему, что ты в него веришь и ни на миг не сомневаешься в том, что он победил свое пагубное пристрастие. Но когда он начинает вести себя странно – например, дрожать в машине теплым летним вечером, – тебе приходится проявить жесткость. Тебе приходится задавать неудобные вопросы.

Я открываю бардачок его машины. Он до сих пор набит экспресс-тестами.

– Хотите проверить меня?

– Нет, Мэллори. Разумеется, нет.

– Вы явно обеспокоены.

– Да, но я тебе доверяю. Эти тесты не для тебя.

– И все-таки позвольте мне сделать тест. Я хочу доказать, что у меня все в порядке.

На полу между передними и задними сиденьями у него валяется набор вставленных один в другой бумажных стаканчиков, и я, дотянувшись, вытаскиваю один. Рассел берет из бардачка тест-полоску, и мы выходим из машины. Мне сейчас как никогда нужна компания. Я боюсь идти домой в одиночестве.

Задний двор опять погружен в темноту. Я так и не сменила перегоревшую лампочку на крыльце.

– Куда мы идем? – спрашивает Рассел. – Где твой дом?

Я машу рукой в сторону деревьев:

– Там. Сейчас увидите.

Мы подходим ближе, и я начинаю различать очертания коттеджа. Ключи я уже вытащила и держу в руке, поэтому решаю устроить электрошокеру испытание. Раздается громкий треск, и задний двор озаряется резким светом, точно от вспышки молнии.

– Господи Иисусе, – говорит Рассел. – Это еще что такое?

– Каролина дала мне электрошокер.

– В Спрингбруке нулевая преступность. Зачем тебе шокер?

– Она же мать, Рассел. Ее хлебом не корми, дай попереживать. Я пообещала ей носить его на связке ключей.

Электрошокер оборудован маленьким светодиодным фонариком, и я, включив его, быстро оглядываю крыльцо. Ни камней, ни рисунков на этот раз нет. Я отпираю дверь, включаю свет и впускаю Рассела внутрь. Он обводит взглядом комнату – якобы любуюсь тем, как я все обустроила, но Рассел опытный куратор, и я понимаю, что он, пользуясь возможностью, выискивает признаки неблагополучия.

– У тебя тут очень мило, Куинн. Ты сама все это сделала?

– Нет, это Максвеллы тут все обустроили к моему приезду. – Я беру у него из руки бумажный стаканчик. – Мне нужна минута. Чувствуйте себя как дома.

Вам может показаться, что это омерзительно, – вернувшись после ужина в ресторане домой, пойти пописать в стаканчик и отдать его близкому другу, чтобы тот мог сделать анализ содержимого. Но, оказавшись в реабилитационном центре, очень быстро привыкаешь к таким вещам. Я иду в туалет и проделываю все необходимое. Затем мою руки и возвращаюсь со стаканчиком.

Рассел беспокойно расхаживает по комнате. Поскольку моя гостиная одновременно исполняет и функцию спальни, думаю, он испытывает некоторую неловкость, как будто нарушает некий кодекс взаимоотношений между куратором и подопечным.

– Я делаю это только потому, что ты сама предложила, – напоминает он мне. – Я ни в чем тебя не подозреваю.

– Я знаю.

Он опускает тест-панель в стаканчик и держит там до тех пор, пока все полоски не пропитаются, потом кладет их поверх стаканчика и ждет результата. Мы еще некоторое время говорим про его отпуск, про то, что он очень надеется совершить спуск на дно Большого каньона, если не подведут колени. Ждать, впрочем, приходится не слишком долго. На тест-полосках проступают одинарные черточки, если результат отрицательный, и двойные, если он положительный, – отрицательные результаты всегда появляются очень быстро.

– Чиста как стеклышко, как ты и говорила.

Он берет стаканчик, проходит в ванную и выливает мочу в унитаз. Потом сминает стаканчик и поглубже заталкивает в мусорное ведро вместе с тест-панелью. Затем долго и тщательно моет руки с мылом.

– Я горжусь тобой, Куинн. Я позвоню, когда вернусь. Две недели, ладно?

Когда он уходит, я запираю дверь и переодеваюсь в пижаму, чувствуя восхитительную тяжесть чизкейка в желудке и гордость за себя. Уходя в ресторан, я оставила планшет на кухне заряжаться, и, поскольку еще не так поздно, я решаю, что можно, пожалуй, посмотреть какое-нибудь кино. Но когда я захожу на кухню за планшетом, то вижу рисунки, которые так боялась увидеть, – на этот раз не на крыльце, прижатые булыжником, а прикрепленные магнитиками к дверце холодильника.

Я сдергиваю их с дверцы, и магнитики с грохотом летят на пол. Бумага, на ощупь размякшая от влаги и слегка теплая, как будто ее только что вытащили из духовки. Я кладу рисунки на столешницу лицом вниз, чтобы не смотреть на них.

Затем я бросаюсь к окну и запираю его, и второе тоже. Ночь обещает быть жаркой и душной и, вероятнее всего, бессонной, но после моей находки я не намерена рисковать. Я откидываю ковер и проверяю люк в полу – он по-прежнему надежно заколочен. После этого я придвигаю кровать к входной двери, чтобы забаррикадироваться. Если кто-нибудь попытается открыть ее, то ударится об изножье и я проснусь.

По моему разумению, рисунки могли оказаться на дверце моего холодильника тремя способами.

№ 1. Максвеллы. Я уверена, что у них есть ключ от моего коттеджа. Я не исключаю, что Тед или Каролина могли нарисовать эти картинки, а потом – пока я ужинала с Расселом – один из них зашел ко мне и оставил рисунки на холодильнике. Но зачем? Я не могу придумать ни одной мало-мальски правдоподобной причины, по которой кто-то из них стал бы это делать. Я отвечаю за безопасность и благополучие их ребенка. Зачем им доводить меня до нервного срыва, заставляя думать, что я схожу с ума?

№ 2. Тедди. Возможно, этот милый пятилетний малыш стащил у родителей запасной ключ, потом выскользнул из своей комнаты, прокрался через задний двор и занес рисунки в мой домик. Но чтобы поверить в эту гипотезу, нужно поверить и в то, что Тедди обладает какими-то сверхъестественными художественными способностями, что он перешел от рисования корявых человечков в стиле «палки-палки-огуречик» к абсолютно реалистичным трехмерным иллюстрациям со светотенью, и все это за считанные дни.

№ 3. Аня. Я понятия не имею, что происходит в комнате Тедди во время тихого часа – но что, если Аня в самом деле управляет им? Вселяется в его тело и использует его руку, чтобы рисовать эти картины? А потом каким-то образом «переносит» законченные рисунки ко мне в коттедж?

Знаю, знаю: это звучит как бред.

Но когда я обдумываю все эти гипотезы, когда я сравниваю их друг с другом, самое невозможное объяснение кажется самым вероятным.

И в ту ночь, ворочаясь с боку на бок в своей постели в тщетных попытках уснуть, я нахожу способ доказать свою правоту.

На следующий день в обед я спускаюсь в подвал большого дома и начинаю одну за другой открывать картонные коробки, которыми он забит, – после переезда Максвеллы до сих пор не закончили распаковывать вещи. То, что я ищу, обнаруживается всего лишь в

третьей по счету. Я предполагала, что у Максвеллов, когда Тедди был еще младенцем, наверняка была видеоняня, и, к моей радости, она оказалась суперсовременной. В передатчике установлена камера высокого разрешения с инфракрасной подсветкой для ночной съемки и широкоугольным объективом, а родительский блок оснащен экраном размером с книгу в мягкой обложке. Я складываю все это добро в небольшую коробку из-под обуви и несу наверх. Когда я возвращаюсь в кухню, Тедди уже меня ждет.

– Что ты делала в подвале?

– Просто смотрела, что там, – говорю я ему. – Давай-ка сварим тебе равиоли.

Я дожидаюсь, пока он усядется есть, после чего прокрадываюсь наверх в его комнату и ищу, где бы спрятать камеру. Я поняла, что, если я хочу узнать, откуда берутся эти рисунки, мне необходимо увидеть, как они появляются, то есть получить возможность заглянуть в его комнату во время тихого часа.

Но спрятать камеру не так-то просто. Она большая, громоздкая и бросается в глаза. Но главная сложность заключается в том, что она должна быть подключена к электрической розетке. Но тут на помощь мне приходит гора мягких игрушек на полу – я аккуратно зарываю камеру внутрь таким образом, что объектив выглядывает между Снупи и Винни Пухом. Я вставляю вилку в розетку, включаю режим передачи и целую крестик, висящий у меня на груди, в надежде, что с Божьей помощью Тедди не заметит ничего необычного.

Затем я возвращаюсь в кухню и сижу с Тедди, пока он доедает свой обед. Сегодня его тянет поболтать. Он жалуется на то, что родители собираются отвести его в парикмахерскую – Тедди ненавидит стричься, он говорит, что хочет, чтобы у него были длинные волосы, как у Трусливого льва, – но я едва слушаю. Я слишком сильно нервничаю. Скоро я получу ответы на многие из своих вопросов, но я не уверена, что готова к этому.

Тедди наконец-то доедает свой обед, и я отправляю его наверх на тихий час, а сама спешу в кабинет и включаю в розетку родительский блок. Комната Тедди находится прямо над кабинетом, так что качество звука и видео превосходное. Камера направлена на кровать, но позволяет видеть и большую часть пола – это те два места, где он больше всего любит рисовать.

Я слышу, как открывается и закрывается дверь комнаты. Тедди появляется в кадре справа, подходит к письменному столу и берет оттуда альбом и коробку с карандашами. Потом забирается на кровать. Негромкий скрип матрасных пружин доносится до меня сразу из динамика и через потолок над моей головой – как будто в режиме стереовещания.

Тедди усаживается на кровати, прислонившись к спинке, согнув ноги и положив на них альбом. Потом раскладывает в ряд на прикроватной тумбочке карандаши. Затем достает миниатюрную точилку – с прозрачным пластиковым контейнером для стружек. Он несколько раз прокручивает карандаш внутри – скрип-скрип-скрип, – вынимает его, придирчиво осматривает кончик грифеля и решает, что он недостаточно острый. Снова засовывает карандаш в точилку – скрип-скрип – и приходит к выводу, что им можно пользоваться.

Я на мгновение отрываюсь от монитора – ровно настолько, сколько требуется, чтобы сделать глоток воды, – а когда снова устремляю на него взгляд, картинка подергивается, застывает и пропускает кадры, как будто не поспевает за звуком. Я по-прежнему слышу скрип затачиваемых карандашей, но видео застыло на кадре, где Тедди тянется за карандашом.

А потом до меня доносится одно-единственное слово, произнесенное едва слышно, почти шепотом:

– Привет.

И сразу же слышится шипение помех. Видео на мгновение оживает, затем застывает снова. Изображение расплывчатое, нечеткое. Тедди оторвался от своего альбома и смотрит вперед и вверх, в направлении двери в комнату, на кого-то или что-то то, находящееся сразу за дверным проемом.

– Я точу карандаши, – со смехом сообщает он. – Карандаши. Чтобы рисовать.

И снова шипение помех, на этот раз более продолжительное. Шум нарастает и утихает в ритме, который напоминает дыхание. В микрофоне что-то трещит и щелкает, и картинка снова на мгновение оживает и перескакивает вперед: теперь Тедди смотрит прямо в камеру, только голова у него увеличилась в размере раза в два. Это как отражение в кривом зеркале: пропорции искажены до невозможности, вместо ручек коротенькие плавники, зато лицо огромных размеров.

– Осторожнее, – шепчет он. – Аккуратно.

Шуршание помех становится громче. Я пытаюсь уменьшить громкость, но, сколько ни кручу ручку, ничего не происходит: звук становится все громче и громче, пока не заполняет собой все пространство вокруг меня, как будто он каким-то образом вырвался из динамика и распространился по комнате. Картинка перескакивает вперед, и я вижу Тедди, распростертого на постели с широко раскинутыми руками. Все его тело содрогается в конвульсиях, а ножки кровати выбивают по полу дробь.

Я выскакиваю из кабинета, бегу через холл и взлетаю по лестнице на второй этаж. Я дергаю ручку двери комнаты Тедди, но она заела и не поддается, дверь заперта.

Или что-то удерживает ее изнутри.

– Тедди!

Я молочу кулаками в дверь. Потом отхожу на шаг назад и с размаху бью по ней ногой, как показывают в фильмах, но лишь отбиваю себе пятку. Тогда я пытаюсь с разбегу высадить ее плечом, но боль оказывается такой сильной, что я оседаю на пол, схватившись за бок. И тут я понимаю, что могу заглянуть в комнату. Под дверью зияет небольшая щель, буквально в полдюйма шириной. Я ложусь на бок, кладу голову на пол, зажмуриваю один глаз и заглядываю в щель. В нос тут же ударяет оглушительный запах – едкая вонь концентрированного аммиака, густой теплой волной исходящая из комнаты. Вонь заполняет мои ноздри, и я откатываюсь прочь, давась кашлем и хватаясь за горло, как будто получила в лицо заряд перцового спрея. По щекам катятся слезы. Сердце колотится так, как будто я пробежала милью за минуту.

И тут, лежа на полу в коридоре, утирая слезы и сопли и пытаюсь очухаться и найти в себе силы, чтобы просто-напросто принять сидячее положение, я слышу, как язычок дверного замка негромко щелкает.

Я кое-как поднимаюсь на ноги и открываю дверь. И снова меня едва не сбивает с ног волна вони – запах мочи, сконцентрированный до предела и висящий в воздухе, как пар от горячего душа. Я задираю футболку и прикрываю краем рот и нос. Тедди, судя по всему, запах никак не беспокоит; он словно и не слышит моих криков. Он сидит на постели с альбомом на коленях и карандашом в правой руке и быстро

рисует, размашисто штрихуя альбомный лист жирными черными линиями.

– Тедди!

Он даже не поднимает на меня глаз. Кажется, он вовсе меня не слышит. Его рука продолжает двигаться – затемняя бумагу, наполняя ночное небо чернотой.

– Тедди, послушай меня, у тебя все в порядке?

Он продолжает меня игнорировать. Я подхожу поближе к кровати и наступаю на одну из мягких игрушек, плюшевую лошадку, которая издает пронзительный ржущий звук.

– Тедди, посмотри на меня.

Я кладу руку ему на плечо, он наконец отрывается от своего рисунка и вскидывает на меня глаза, и я вижу, что они совершенно белые. Зрачки его закатились вверх, но рука по-прежнему продолжает двигаться, вслепую штрихуя бумагу. Я хватаю его за запястье и поражаюсь тому, какая горячая у него кожа и какая сила в его руке. Обыкновенно тело у него мягкое и расслабленное, как у тряпичной куклы. Я частенько шучу, что у него полые кости: он такой легкий, что может, подпрыгнув, оторваться от земли и сделать в воздухе полный оборот. Сейчас же под кожей у него пульсирует странная энергия: кажется, что все его мускулы напряжены, как у питбуля, готового броситься.

И тут его зрачки возвращаются на свое место.

Он растерянно моргает.

– Мэллори?

– Что ты делаешь?

Тедди осознает, что держит в руке карандаш, и тут же бросает его.

– Я не знаю.

– Ты рисовал, Тедди. Я видела это своими собственными глазами.

Тебя всего трясло. Как будто у тебя были судороги.

– Прости...

– Не извиняйся. Я не сержусь.

Его нижняя губа начинает дрожать.

– Я же попросил прощения!

– Просто расскажи мне, что произошло!

Я понимаю, что кричу, но уже не могу остановиться. Я до смерти перепугана всем, что только что увидела. На полу лежат два рисунка, и

еще один, неоконченный, находится в альбоме.

– Тедди, послушай меня. Что это за девочка?

– Я не знаю.

– Это Анина дочка?

– Я не знаю!

– Почему ты рисуешь эти картинки?

– Я их не рисовал, Мэллори, честное слово!

– Как тогда они появились у тебя в комнате?

Он делает глубокий вдох.

– Я знаю, что Аня не настоящая. И что ее на самом деле здесь нет. Иногда мне *снится*, что мы с ней вместе рисуем, но, когда я просыпаюсь, никаких рисунков нет. – Он швыряет альбом в другой

конец комнаты, как будто пытается отрицать его существование. – Не должно быть никаких рисунков! Они нам просто *сняты*!

И тут я понимаю, что происходит: судя по всему, Аня уносит рисунки из комнаты Тедди до того, как он приходит в себя, чтобы он их не увидел. А тут пришла я и нарушила их обычный ритуал.

Видимо, нервы у Тедди не выдерживают, потому что он начинает рыдать. Я притягиваю его к себе и обнимаю, и его тело опять становится мягким и расслабленным. Он снова превращается в самого обычного мальчика. Я осознаю, что прошу его объяснить то, чего он не понимает. Я прошу его объяснить невозможное.

Он вкладывает ладошку правой руки в мою ладонь, и я вижу, что его маленькие пальчики перепачканы карандашом. Я крепко прижимаю его к себе, успокаиваю и твержу, что все будет хорошо.

Но если честно, я не очень-то в этом уверена.

Потому что я абсолютно точно знаю, что этот малыш – левша.

Вечером ко мне заходит Адриан, и мы вместе просматриваем все рисунки. Их всего девять – те три, что были оставлены на моем крыльце, еще три, которые я обнаружила у себя на холодильнике, и три сегодняшних. Адриан снова и снова перекладывает листки, как будто пытается расположить их в верном порядке, словно существует некая магическая последовательность, способная пролить свет на стоящую за ними историю. Но я весь день ломала над ними голову и так и не смогла найти никакой логики.

Солнце уже почти село, и задний двор затянут серой дымкой. В лесу мигают огоньки светлячков. В окнах большого дома горит свет; Каролина в кухне загружает посудомоечную машину, пока Тедд наверху укладывает сына.

Мы с Адрианом сидим рядышком на крыльце моего коттеджа. Оно узкое, и мы вынуждены придвинуться друг к другу так близко, что почти соприкасаемся коленями. Я рассказываю ему о своем эксперименте с видеоняней, про то, как я застала Тедди рисующим без использования глаз и ведущей руки. По логике вещей Адриан должен сказать мне, что я брежу – я отдаю себе отчет в том, что мой рассказ

звучит как полный бред, – но он, к облегчению моему, воспринимает все всерьез. Он подносит рисунки к самому лицу и закашливается.

– Боже, ну и вонь.

– Так пахнет у Тедди в комнате. Не постоянно, время от времени. Каролина говорит, он писается по ночам.

– Мне не кажется, что это запах мочи. Прошлым летом у нас был заказ в Берлингтон-каунти, неподалеку от Пайн-Барренс. Один человек нанял нас для уборки его участка. Там был заросший пустырь в пол-акра площадью, бурьян выше головы, нам пришлось в буквальном смысле вырубать его мачете. А сколько там было мусора, ты себе не представляешь – какое-то старое тряпье, пивные бутылки, кегли, самый невообразимый хлам. Но самым худшим из всего, что мы обнаружили, был мертвый олень. В середине июля. А нас наняли привести участок в порядок, так что мы были должны упаковать его в мешок и вывезти оттуда. Я не стану вдаваться в подробности, Мэллори, но это было ужасно. И запах – об этом говорят во всех фильмах, но это чистая правда, – я никогда в жизни не забуду этот запах. Так вот, эти рисунки пахнут точно так же.

– И что мне делать?

– Не знаю. – Он берет стопку рисунков и отодвигает их подальше, как будто опасается, что сидеть так близко к ним может быть небезопасно. – Ты думаешь, с Тедди все в порядке?

– Понятия не имею. Это все было очень странно. Он был горячий, как печка. А когда я прикоснулась к нему, он ничем не напоминал Тедди. Такое впечатление, что он... что он превратился в нечто другое.

– Ты сказала его родителям?

– Что я должна была им сказать? «Я считаю, что в вашего сына время от времени вселяется дух Энни Барретт?» Я пыталась. Они только распсиховались.

– Но сейчас все по-другому. У тебя есть доказательства. Новые рисунки. Ты правильно сказала: Тедди не мог нарисовать их без посторонней помощи.

– Но я не могу доказать, что это Аня ему помогала. Я не могу доказать, что она прокрадывается ко мне в коттедж и оставляет их на моем холодильнике. Это звучит как бред.

– Но это не значит, что это неправда.

– Ты не знаешь его родителей так, как я. Они мне не поверят. Надо продолжать копать. Мне нужны железобетонные доказательства.

Мы с Адрианом пьем минералку и едим из большой миски попкорн, приготовленный в микроволновке, – поскольку он зашел без предупреждения, у меня не нашлось ничего другого, чем можно было его угостить. Я чувствую себя негостеприимной хозяйкой, но Адриан, похоже, не обижается. Он рассказывает мне новости из публичной библиотеки Спрингбрука. Его мама начала просматривать архивы, но пока ничего не нашла.

– Она говорит, у них там в этих архивах сам черт ногу сломит. Купчие на землю, старые газеты, все вперемешку. Говорит, ей понадобится еще как минимум неделя.

– Я не могу ждать еще неделю, Адриан. Эта сущность – дух или призрак, не знаю, как правильно, – она может проникать ко мне в дом. Иногда по ночам я ощущаю, как она наблюдает за мной.

– В каком смысле?

Я так и не нашла способа описать словами это чувство – странное трудноуловимое ощущение где-то на грани физического восприятия, иногда сопровождаемое высоким пронзительным звуком. Меня очень подмывает рассказать про научный эксперимент в Пенсильванском университете, спросить у Адриана, слышал ли он когда-нибудь термины наподобие «улавливания взгляда». Но я не хочу говорить ничего такого, что может увести разговор в сторону моего прошлого. Я уже и так наговорила столько неправды, что теперь сама не знаю, как из всего этого выпутаться.

– У меня есть идея, – говорит он. – У моих родителей над гаражом есть небольшая квартирка. Сейчас в ней никто не живет. Ты могла бы на несколько дней перебраться к нам. Работала бы здесь, а ночевала в безопасном месте – пока мы не выясним, что происходит.

Я пытаюсь представить себе, как я буду объяснять эту ситуацию Максвеллам, а также сообщу их пятилетнему сыну, что переезжаю, потому что мне слишком страшно жить у них на заднем дворе.

– Я никуда не уеду. Меня наняли присматривать за Тедди, и я останусь здесь и буду присматривать за Тедди.

– Тогда позволь мне переночевать у тебя.

– Ты шутишь?

– Я лягу на полу. Никаких глупостей, чисто в целях безопасности. – Я смотрю на него, и, хотя уже практически стемнело, я совершенно уверена, что щеки у него пылают. – Если дух Энни Барретт попытается проникнуть в твой дом, он споткнется об меня, я проснусь, и мы с тобой вместе с ней поговорим.

– Ты надо мной смеешься?

– Нет, Мэллори, я пытаюсь помочь.

– Мне нельзя оставлять никого на ночь. Это одно из правил дома.

Адриан понижает голос до шепота.

– Я встаю в половине шестого. Я могу уйти еще до рассвета. До того, как проснутся Максвеллы. Они ни о чем не догадаются.

Мне ужасно хочется согласиться. Я с радостью болтала бы с Адрианом и дальше. Мне очень не хочется, чтобы он уходил.

Но вот в чем загвоздка. Адриан до сих пор считает, что помогает Мэллори Куинн, студентке и участнице университетской сборной по легкой атлетике.

Он даже не подозревает о том, что на самом деле я, Мэллори Куинн, бывшая наркоманка и неудачница. Он не знает, что моя сестра погибла, а моя мать не желает со мной разговаривать, что я потеряла единственных двух человек в жизни, которые больше всего для меня значили. И я не могу ему об этом рассказать. Я себе-то самой не в силах в этом признаться.

– Брось, Мэллори. Соглашайся. Я беспокоюсь за тебя.

– Ты совсем ничего обо мне не знаешь.

– Так расскажи мне. Поговори со мной. Что я должен о тебе знать?

Но я не могу, не могу признаться ему во всем, ведь мне сейчас как никогда нужна его помощь. Мне придется скрывать от него свою историю еще несколько дней, а потом я все ему расскажу, клянусь.

Он осторожно кладет ладонь на мое колено.

– Ты мне нравишься, Мэллори. Позволь мне тебе помочь.

Я понимаю, что он набирается мужества, чтобы сделать решительный шаг. Я уже даже и не помню, когда кто-то в последний раз пытался меня поцеловать. И мне и хочется, чтобы он меня поцеловал, и не хочется, поэтому я просто оцепенело сижу на месте, пока он медленно поворачивается ко мне.

И тут раздвижная стеклянная дверь большого дома открывается и в патио выходит Каролина Максвелл, держа в руках книгу, бутылку вина и бокал на длинной ножке.

Адриан отстраняется и неловко кашляет.

– Ладно, уже поздно.

Я поднимаюсь.

– Угу.

Мы пересекаем двор и, обогнув большой дом, идем по вымощенной каменными плитами тропинке к выезду на дорогу.

– Если ты передумаешь, мое предложение остается в силе, – говорит Адриан. – Хотя я считаю, что тебе не о чем волноваться.

– Почему?

– Ну, эта сущность – этот дух или призрак, не знаю, как ее правильно называть, – ты когда-нибудь ее видела?

– Нет.

– А слышала? Зловещие стенания или другие звуки? Шепот или еще что-нибудь посреди ночи?

– Никогда.

– А твои вещи она когда-нибудь трогала? Например, сбивала со стен картины, хлопала дверьми, включала свет?

– Нет, ничего такого не было.

– Вот именно. У нее была масса возможностей тебя напугать. Но она то ли не может, то ли не хочет этого делать. Я думаю, она пытается таким образом вступить с тобой в контакт. Думаю, нас ждут еще рисунки, а когда все они будут у нас, мы поймем, что она пытается до нас донести.

Прав он или нет? Я не знаю. Но я признательна ему за спокойствие и уверенный тон. После разговора с ним все мои проблемы начинают казаться вполне решаемыми.

– Спасибо тебе, Адриан. Спасибо за то, что веришь мне.

Когда я иду обратно к себе в коттедж, с патио меня окликают Каролина.

– Я вижу, ты нашла себе друга. Надеюсь, я его не спугнула.

Я подхожу к ней, чтобы не кричать на весь двор.

– Он стрижет у вас лужайки. Работает в «Короле газонов».

– Да, я знаю, мы с Адрианом познакомились несколько недель тому назад. Перед тем, как ты переехала. Тедди был под большим впечатлением от его газонокосилки. – Она делает глоток вина. – Он очень милый, Мэллори. Такие глазищи!

– Мы с ним просто друзья.

Она пожимает плечами.

– Это не мое дело. Но мне отсюда показалось, что вы сидели довольно близко друг к другу.

Я чувствую, как щеки у меня начинают пылать.

– Ну... немножко.

Она закрывает книгу и откладывает ее в сторону, похлопав ладонью по соседнему креслу, чтобы я села.

– Что еще нам о нем известно?

Я объясняю, что он живет в трех кварталах отсюда, на каникулах подрабатывает в отцовской фирме, а вообще учится на инженера в Ратгерском университете в Нью-Брансуике.

– Он любит читать. Я наткнулась на него в книжном магазине. И такое впечатление, что он знает в Спрингбруке всех и каждого.

– А недостатки у него есть?

– Я пока ни одного не заметила. Хотя, кажется, он фанат «Звездных войн». Ну, то есть, я не удивлюсь, если выяснится, что он в свободное время ездит на эти их костюмированные сборища.

Каролина смеется.

– Ну, если это самый страшный его недостаток, я бы на твоём месте нарядилась принцессой Леей и взяла бы его тепленьким. Когда вы с ним встречаетесь в следующий раз?

– Пока не знаю.

– Может, тебе стоит сделать следующий шаг? Пригласи его в гости. Поплавайте в бассейне, пикник на лужайке устройте. Уверена, Тедди будет счастлив с ним поплавать.

– Спасибо, – говорю я. – Возможно, так я и сделаю.

Мы некоторое время расслабленно сидим молча, наслаждаясь вечерней тишиной, потом Каролина тянется за своей книгой. Это старенький томик в мягком переплете, растрепанный и испещренный пометками. На обложке изображена обнаженная Ева в райском саду, которая тянется за яблоком, в то время как поблизости затаился змей.

– Это Библия?

– Нет, это стихи. «Потерянный рай». Я очень любила его в студенчестве, но сейчас не могу осилить ни одной страницы. Терпения не хватает. Похоже, материнство негативно сказалось на моих умственных способностях.

– У меня есть первый «Гарри Поттер». Я взяла его в библиотеке, чтобы почитать Тедди, но могу одолжить вам, если хотите.

Каролина улыбается, как будто я сказала что-то очень забавное.

– Пожалуй, пойду-ка я лучше спать. Уже поздно. Спокойной ночи, Мэллори.

Она скрывается в доме, а я иду по двору к своему коттеджу. И снова до меня из леса доносятся чьи-то шаги – не знаю уж, оленьи, пьяных подростков или мертвецов, – но меня они больше не пугают.

Потому что я подумала и пришла к выводу, что Адриан прав.

Мне незачем бояться Аню.

Она не пытается причинить мне зло.

Она не пытается напугать меня.

Она пытается что-то мне сказать.

И я думаю, что настало время убрать посредника.

На следующее утро я говорю Тедди, что сегодня днем к нам придет Адриан и мы устроим пикник у бассейна. Мы с энтузиазмом принимаемся готовить угощение: сэндвичи с цыпленком гриль, салат из макарон, фруктовый салат и свежавыжатый лимонад. Тедди с гордостью перетаскивает все это к бассейну, а я открываю зонтики, чтобы мы могли пообедать в тени.

Я уже посвятила Адриана в наш план, и он согласился приглядеть за Тедди, пока мы с Митци попытаемся воспользоваться спиритической доской. Он появляется ровно в полдень, одетый в плавательные шорты и красную футболку с эмблемой «Скарлет найтс»^[7], и Тедди со всех ног бежит ему навстречу. Хотя рост Тедди меньше четырех футов, он каким-то образом научился открывать детские ворота безопасности. Затем он снова принимается разыгрывать из себя метрдотеля, приветствуя Адриана в нашем «ресторане» и провожая его к столику.

Адриан восхищается разнообразием выставленных яств.

– Я с радостью остался бы здесь до вечера и целый день ел! Но Эль Хефе отпустил меня всего на час. Потом он придет меня искать, и тогда нам всем несдобровать!

– Тогда мы сейчас быстренько поедим, а потом пойдем купаться, – говорит Тедди. – Можно поиграть в жмурки в воде!

Я выдаю Адриану миллион инструкций. Несколько раз напоминаю, что Тедди обязательно должен быть в надувных нарукавниках, потому что бассейн слишком глубокий для него, даже на мелком конце. Я так нервничаю, что еда не лезет мне в горло, и то и дело оглядываюсь на свой коттедж, где Митци вот уже примерно час как готовит все для «собрания». Она не уверена, что мой план сработает. По ее словам, было бы идеально, если бы Тедди сидел рядом с нами перед спиритической доской. Но она согласна с тем, что, если Тедди будет в двадцати ярдах от нас, этого может хватить, а ни на что большее я не согласна.

Тедди не терпит оказаться в бассейне, так что он съедает только половину сэндвича и заявляет, что уже наелся. Адриан знает, что у меня уже все готово, поэтому быстро доедает, потом одной рукой подхватывает Тедди и отрывает его от земли.

– Ну, мистер Т, вы готовы?

Тедди визжит от удовольствия.

Так, а теперь щекотливый момент.

– Тедди, ты не против, если я ненадолго оставлю тебя с Адрианом? Мне нужно кое-что сделать у себя в коттедже.

Как я и ожидала, Тедди приходит от этой идеи в неописуемый восторг. Он несется к дальнему концу бассейна, размахивая руками как сумасшедший и не веря своему счастью, что Адриан – Адриан!!! – будет за ним приглядывать.

– Пожалуйста, не спускай с него глаз. Ни на секунду. Если с ним что-то случится...

– У нас все будет в полном порядке, – обещает мне Адриан. – Но я беспокоюсь за тебя. Ты раньше пользовалась спиритической доской?

– Только в школе с девчонками.

– Будь осторожна, ладно? Если что, кричи.

Я качаю головой.

– Ни в коем случае не подходи близко к коттеджу. Даже если оттуда начнут раздаваться наши крики. Я не хочу, чтобы Тедди знал, что мы затеяли. Если он скажет хоть слово родителям, я в два счета отсюда вылечу.

– А вдруг что-то случится?

– Митци говорит, она сто раз это делала. Она утверждает, что все совершенно безопасно.

– А вдруг Митци ошибается?

Я заверяю его, что все будет хорошо, но, кажется, моему голосу недостает уверенности. За сегодняшний день Митци уже шесть раз успела позвонить мне на сотовый телефон, чтобы предупредить о важных мерах предосторожности и ограничениях. Никакого макияжа, никаких головных уборов и шарфов, никакой обуви с открытыми пальцами. И каждый раз она производила впечатление все более и более ненормального человека. Она объяснила, что применяет тетрагидроканнабинол, чтобы «разблокировать» свои нейронные каналы, и я опасаюсь, как бы от такого количества каннабиса у нее не поехала крыша.

Тедди бежит обратно к нам и с разбегу врывается в Адриана, так что тот едва не падает в бассейн.

– Ну, ты готов? Пойдем плавать?

– Ну, ребята, веселитесь тут, – говорю я им. – А я скоро вернусь.

В коттедже Митци уже закончила приготовления. На тумбе в кухне висит стопка справочников, а окна завешены плотной черной тканью, не пропускающей солнечный свет. Я открываю входную дверь и, поморгав, чтобы привыкнуть к полумраку, обнаруживаю, что она поглядывает в щелочку за Адрианом, который стаскивает с себя футболку.

– Боже мой! Где ты выискала этого красавчика?

Похоже, без рабочей одежды она не узнает Адриана, которого всего несколько недель тому назад сама же готова была сдать полиции как потенциального насильника.

– Он живет на нашей улице.

– Думаешь, он сумеет присмотреть за ребенком? Нам не помешают?

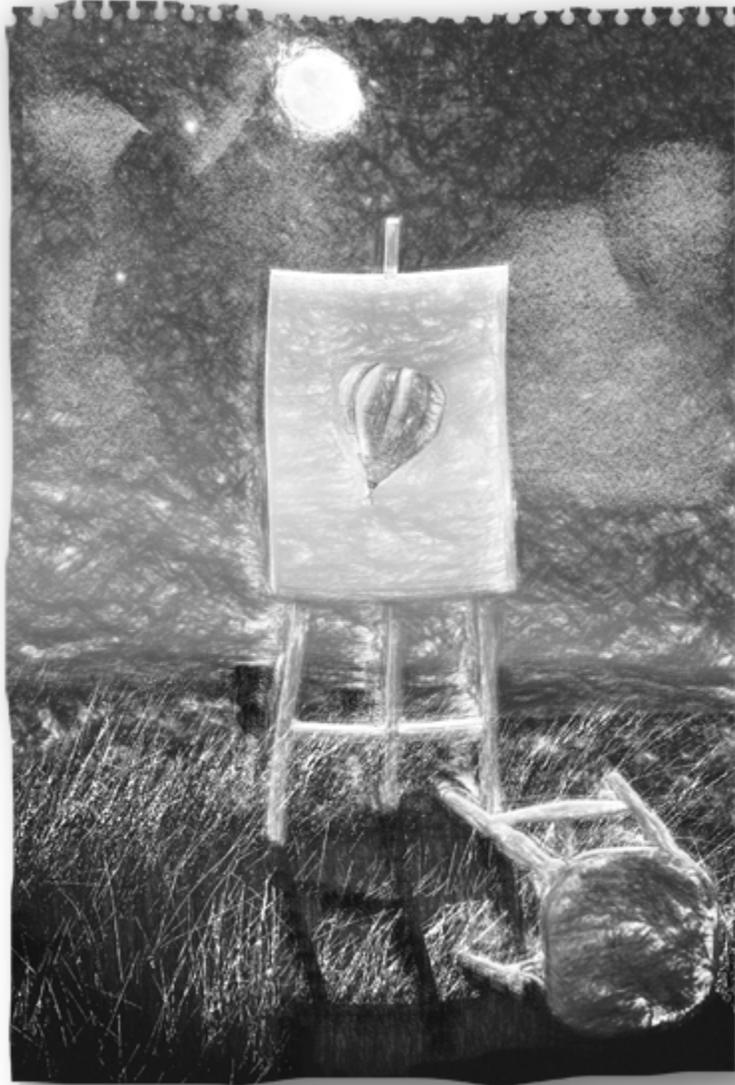
– Все будет в порядке.

Я закрываю дверь и чувствую себя добровольно замуровавшейся в склепе. В воздухе стоит густой запах горячей полыни; Митци объясняет, что это для того, чтобы уменьшить негативное влияние враждебных духов. Она расставила по комнате полдюжины свечей в толстых стеклянных подсвечниках, так что кое-что в полумраке различить все-таки можно. На кухонном столе, застеленном плотной черной тканью, лежит деревянная спиритическая доска, окруженная кольцом крохотных угловатых кристалликов.

– Это морская соль, – поясняет Митци. – Обычно такие предосторожности излишни, но, поскольку это твой первый раз, я решила на всякий случай перестраховаться.

Прежде чем начинать, Митци спрашивает, нельзя ли взглянуть на все рисунки, которые есть у меня. Должна сказать, что у меня скопилось уже довольно внушительная коллекция: только сегодня утром, проснувшись, я обнаружила у себя на полу еще три штуки, как будто кто-то просунул их под входную дверь.

Кажется, особое беспокойство у Митци вызывает последний рисунок, с женским профилем. Она указывает на силуэт на горизонте.

– А кто это к ней идет?

– Мне кажется, она, наоборот, уходит.

Митци ежится, как будто ее внезапно пробрал озноб, потом встряхивается.

– Ладно, придется спросить об этом ее саму. Ты готова?

– Не знаю.

– Тебе нужно в туалет?

– Нет.

– Телефон отключила?

– Да.

– Значит, готова.

Мы усаживаемся друг напротив друга за столом. Между нами стоит пустой третий стул – для Ани. В темноте кажется, как будто я перенеслась из Спрингбрука куда-то в другое место. Или, вернее, как будто я одновременно нахожусь в Спрингбруке и вне его. Даже воздух изменился: он такой густой, что трудно дышать. Я по-прежнему слышу смех Тедди, возгласы Адриана и плеск воды в бассейне, но все эти звуки кажутся слегка искаженными, как будто я слышу их в телефонной трубке, причем качество связи оставляет желать лучшего.

Митци помещает в центр доски маленькую плашку-указатель в форме сердечка и велит мне положить на нее пальцы с одной стороны. Снизу к плашке приделаны три маленьких колесика на крохотных латунных шарнирах; малейшее движение заставляет ее откатываться от меня.

– Аккуратно, ты не должна ее подталкивать, – говорит Митци. – Она сама должна все сделать.

Я сгибаю и разгибаю пальцы, пытаюсь расслабить их.

– Простите.

Митци кладет пальцы с противоположной стороны плашки и закрывает глаза.

– Так, Мэллори, сейчас будем начинать. Я вступлю с ней в контакт. Но как только связь будет установлена, я предоставлю тебе задавать вопросы. А пока что просто закрой глаза и расслабься. Дыши глубоко и медленно, вдох через нос, выдох через рот.

Я нервничаю и немного стесняюсь, но голос Митци меня ободряет. Я ловлю себя на том, что повторяю за ней, копируя ее позу и подстраиваясь под ее дыхание. Под воздействием запаха полыни мышцы мои расслабляются, мысли становятся медленными и вязкими. Все мои повседневные заботы и тревоги: Тедди, Максвеллы, бег, здоровый образ жизни – все это начинает отступать на второй план.

– Добро пожаловать, духи, – произносит Митци, и я вздрагиваю от неожиданности, пораженная громкостью ее голоса. – Это безопасное место. Мы вам рады. Мы приглашаем вас присоединиться к нам в разговоре.

С улицы по-прежнему доносится шум бассейна – плеск воды и визг Тедди. Но потом я сосредотачиваюсь и усилием воли отвлекаюсь

от них. Я расслабляю пальцы, чтобы они соприкасались с плашкой, не производя на нее никакого давления.

– Энни Барретт, мы желаем говорить с Энни Барретт, – произносит Митци. – Ты тут, Энни? Ты нас слышишь?

Чем дальше я сижу на жестком деревянном стуле, тем отчетливее ощущаю те места, в которых он соприкасается с моим телом – сиденье под моей пятой точкой, спинку, впивающуюся в лопатки. Я не свожу глаз с плашки, боясь упустить малейшее ее движение. Горящая полынь щелкает и потрескивает.

– А Аня? Есть здесь Аня? Ты слышишь нас, Аня?

Мои веки тяжелеют, и я разрешаю себе опустить их. У меня такое чувство, как будто меня гипнотизируют или как будто я вечером лежу в теплой постели под уютным одеялом, готовая погрузиться в сон.

– Ты там, Аня? Ты поговоришь с нами?

Нет ответа.

Я больше не слышу никаких звуков снаружи. Все, что я слышу, это шумное дыхание Митци.

– Позволь нам помочь тебе, Аня. Пожалуйста. Мы слушаем.

И тут что-то вскользь касается моего затылка. Как будто кто-то прошел позади меня. Я оборачиваюсь, но там никого нет, однако, когда я вновь устремляю взгляд на спиритическую доску, я чувствую у себя за спиной чье-то присутствие. Длинные мягкие волосы скользят по моей щеке, щекочат плечо. А потом я ощущаю, как что-то незримое давит на мои пальцы – совсем легонько, аккуратно подталкивая плашку вперед. Одно из колесиков издает еле слышный скрип, похожий на писк мышонка.

– Добро пожаловать, дух! – Митци улыбается мне, и я понимаю, что она не имеет никакого представления о том, что происходит: она совершенно явно не видит и не чувствует ничего присутствия у меня за спиной. – Спасибо, что ответил на наш зов!

Теплое дыхание щекочет мой затылок, и по коже у меня разбегаются мурашки. Я вновь ощущаю давление на мою руку; незримая сила водит плашку по доске медленными плавными кругами.

– Это Аня? – спрашивает Митци. – Мы говорим с Аней?

На доску нанесены все буквы английского алфавита и цифры от нуля до девяти, а в верхних углах написаны слова «ДА» и «НЕТ». Я пассивно наблюдаю за тем, как плашка ненадолго останавливается

напротив буквы I, затем возвращается обратно к G, потом к E. Митци держит на плашке четыре пальца, но в свободной руке у нее наготове карандаш, чтобы записать результаты в блокнот. I-G-E? На лбу у нее выступают бисеринки пота. Она смотрит на меня и качает головой, нимало не обескураженная.

– Говори медленно, дух, – произносит она. – У нас много времени. Мы хотим понять тебя. Это Аня?

Плашка указывает на N, затем на X и на O.

– Не наваливайся, – раздраженным тоном шепчет Митци, и я осознаю, что она обращается ко мне.

– Что?

– Не наваливайся на стол. Ты давишь на него, Мэллори.

– Это не я.

– Откинься на спинку стула. Сядь прямо.

Я слишком напугана, чтобы спорить с ней, чтобы сказать ей правду. Мне не хочется прерывать то, что происходит.

– Дух, мы ждем твоего сообщения! Мы ждем любых сведений, которыми ты готов с нами поделиться.

Я снова ощущаю давление на руку, и плашка начинает двигаться быстрее, крутясь туда-сюда и указывая на одну случайную букву за другой: L-V-A-J-X-S. Митци продолжает старательно все записывать, но, похоже, чем дальше, тем больше раздражается. Результаты выглядят как какая-то каша из букв.

Деревянная плашка пульсирует энергией, словно лихорадочное сердцебиение маленького перепуганного зверька. Она летает по всей доске, так что Митци еле успевает вести одной рукой записи. Воздух кажется таким густым, что я задыхаюсь; глаза у меня слезятся. Удивительно, как это в моем коттедже до сих пор не сработал датчик дыма. Потом Митци убирает пальцы, и плашка продолжает перемещаться. Моя рука двигает ее по доске, и она срывается с края стола и с грохотом летит на пол. Митци возмущенно вскакивает со стула.

– Я так и знала! Ты ее подталкивала! Ты все это время ее подталкивала!

Тяжесть, давившая на мою руку, улетучивается, и внезапно я выхожу из транса. Комната вокруг снова обретает резкость. Времени на часах двенадцать сорок пять, и я слышу, как Адриан во дворе

медленно считает: «ше-е-есть, се-е-емь...», а Митци сверлит меня сердитым взглядом.

– Это была Аня! Не я.

– Я наблюдала за тобой, Мэллори. Я все видела!

– Во-о-о-семь!

– Аня двигала моей рукой. Она направляла меня.

– Это тебе не игрушки! Я зарабатываю этим себе на жизнь, и я воспринимаю это очень серьезно!

– Де-е-евять!

– Ты попусту потратила мое время. Ты попусту потратила весь день!

Внезапно в глаза мне ударяет дневной свет. Входная дверь распахивается, и на пороге появляется Тедди. Он вглядывается в темноту, потом прижимает палец к губам, делая нам знак не шуметь.

Со двора доносится голос Адриана:

– Де-е-е-есять! Я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват!

Тедди ныряет внутрь и бесшумно закрывает дверь. Потом обводит комнату взглядом, недоумевающе глядя на свечи, завешенные черной тканью окна и кухонный стол с выложенным на нем кольцом из крупинок соли.

– Во что вы играете?

– Эта штука называется «спиритическая доска», малыш, – говорит Митци, приглашая его посмотреть. – В умелых руках это средство коммуникации. С ее помощью говорят с мертвыми.

Тедди вопросительно смотрит на меня, как будто не верит, что Митци говорит правду.

– В самом деле?

– Нет, нет, нет! – Я вскакиваю со стула и веду его обратно к двери. – Это игрушка. Мы просто так играли. – Не хватало мне только, чтобы Тедди рассказал родителям про спиритический сеанс. – Понарошку. Это все не по-настоящему.

– Очень даже по-настоящему, – возражает Митци. – Если уважать ее силу. Если воспринимать ее всерьез.

Я открываю дверь и вижу Адриана, который ищет Тедди в зарослях на краю Хайденс-Глена.

– Он здесь! – кричу я ему.

Адриан подбегает к коттеджу, и Тедди, прошмыгнув мимо меня, мчится по двору, все еще увлеченный игрой в прятки.

– Простите, – говорит Адриан. – Я велел ему не уходить от бассейна. Надеюсь, он ничего не испортил.

– Все уже и так было испорчено, – заявляет Митци. Она складывает свои вещи, задувает свечи и собирает лотки с курениями. – В этом доме нет никаких духов. И никогда не было. Она просто-напросто все выдумала, чтобы привлечь к себе внимание.

– Митци, это неправда!

– Я сто раз пользовалась этой доской. Она никогда так себя не вела.

– Клянусь вам...

– Клясться будешь своему красавчику, поняла? Поплачь у него на плече, может, он тебя и пожалеет. Но больше не проси меня тратить на тебя свое время.

Она заталкивает книги в сумку и, полная возмущения, выскакивает из коттеджа, едва не споткнувшись на лестнице.

– Что случилось? – спрашивает Адриан.

– Аня была тут, Адриан. Она была в коттедже. Клянусь тебе, я чувствовала, что она стоит у меня за спиной и двигает моей рукой. Но выходила какая-то абракадабра. Буквы не складывались ни во что осмысленное. А потом у Митци вдруг ни с того ни с сего снесло крышу, и она начала на меня орать.

Стоя на крыльце, мы смотрим, как Митци, шатаясь, идет по двору. Ее то и дело заносит, и она едва держится на ногах.

– С ней все в порядке? – спрашивает Адриан.

– Ну, она в хлам обкуренная, но, судя по всему, это часть процесса.

Подавленный, Тедди медленно идет по двору к нам. Он, похоже, понимает, что произошло что-то плохое и взрослые расстроены.

– Кто-нибудь хочет поиграть со мной в догонялки? – спрашивает он с надеждой в голосе.

Адриан извиняется и с сожалением говорит, что ему пора идти.

– Мне нужно возвращаться, а не то Эль Хефе устроит мне взбучку.

– Я поиграю с тобой в догонялки, – обещаю я Тедди. – Только подожди минуточку, нам с Адрианом надо договорить.

Это явно не тот ответ, которого Тедди ждал. Он плетется к бассейну, недовольный нами обоими.

– Ты-то сама как? – спрашивает Адриан.

– Все нормально. Надеюсь, что Тедди ничего не расскажет своим родителям...

Впрочем, я совершенно уверена: он расскажет.

16

После пикника у бассейна Тедди поднимается к себе в комнату на тихий час, а я остаюсь внизу в кабинете. Может, я не хочу знать, чем он там занимается. Может, будет лучше, если я перестану задавать слишком много вопросов.

Во второй половине дня мы отправляемся на долгую прогулку в Заколдованный лес. Мы идем по Дороге, Вымощенной Желтым Кирпичом, до Драконьей стежки, а оттуда до Королевской реки, и я пытаюсь на ходу сочинять новую историю про принцессу Мэллори и принца Тедди. Но принц Тедди желает обсуждать исключительно спиритические доски. Нужны ли для них батарейки? Как они обнаруживают мертвого человека? А они могут найти любого мертвого человека? И даже Авраама Линкольна? Я повторяю: «Я не знаю», – и надеюсь, что он в конце концов потеряет к этой теме интерес. Однако он спрашивает, сколько стоит спиритическая доска в магазине и можно ли ее сделать самостоятельно.

Каролина приезжает домой с работы в обычное время, и я поспешно отправляюсь на пробежку, чтобы скрыться со сцены и сбросить стресс. Когда я около семи возвращаюсь, Тед с Каролиной ждут меня на крыльце моего коттеджа. Одного взгляда на их лица достаточно, чтобы понять: они все знают.

– Хорошо потренировалась? – спрашивает Тед.

Тон у него легкомысленный, как будто он настроен свести все к шутке.

– Неплохо. Почти девять миль пробежала.

– Ого, целых девять? Ничего себе.

А вот Каролина явно не собирается вести светские разговоры.

– Ты ничего не хочешь нам рассказать?

Я чувствую себя проштрафившейся школьницей, которую приволокли в кабинет директора и требуют вывернуть карманы. Ничего лучшего, кроме как прикинуться дурочкой, мне в голову не приходит.

– Что случилось?

Она сует мне в руки лист бумаги.

– Я нашла этот рисунок перед ужином. Тедди не хотел мне его показывать и пытался спрятать. Но я настояла. А теперь посмотри на эту картинку и скажи мне, почему мы не должны уволить тебя без выходного пособия.

Тед кладет руку ей на локоть.

– Давай не будем раздувать из мухи слона.

– Не надо обращаться со мной как с маленьким ребенком, Тед. Мы платим Мэллори за то, чтобы она смотрела за нашим сыном. А она бросила его на садовника. А сама в это время устроила спиритический сеанс в обществе наркоманки, которая живет по соседству. И это я, по-твоему, раздуваю из мухи слона?

Рисунок совершенно не похож на те мрачные зловещие картинки, которые я обнаружила у себя на крыльце и на дверце холодильника. Это обычные человечки в стиле «палка-палка-огуречик»: я и рассерженная женщина – видимо, Митци – вокруг прямоугольника, исписанного цифрами и буквами.

– Я так и знала!

Каролина прищуривается:

– Что именно ты знала?

– Аня была там! Во время сеанса! Митци обвинила меня в том, что я подталкивала плашку, но на самом деле это была Аня! Это она двигала плашку. Тедди ее видел. Его рисунок это доказывает!

Каролина озадачена. Она оборачивается к Теду, и тот вскидывает руки, призывая нас обоих успокоиться.

– Давайте мы все немножко остынем, ладно? Давайте разложим все по полочкам.

Но разумеется, они оба в замешательстве. Они ведь не видели всего того, что видела я. Они ни за что не поверят мне, не видя

рисунков. Я открываю дверь и делаю им знак пройти в дом. Потом вытаскиваю пачку рисунков и раскладываю их на кровати.

– Взгляните на это. Вы же узнаете бумагу, да? Она из альбома Тедди. В прошлый понедельник я нашла первые три рисунка у себя на крыльце. Я спросила Тедди, но он сказал, что не имеет к ним никакого отношения. Следующим вечером я пошла ужинать с Расселом. Входная дверь была заперта. Но когда я вернулась, на дверце моего холодильника висели еще три рисунка. Поэтому я спрятала в комнате Тедди камеру...

– Что-что ты спрятала? – переспрашивает Каролина.

– Видеоняню. Я нашла ее у вас в подвале. Я установила камеру на время его тихого часа и наблюдала за тем, как он рисует. – Я показываю на следующие три рисунка. – Он нарисовал их у меня на глазах. Держа карандаш в правой руке.

Каролина качает головой.

– Ты меня, конечно, прости, Мэллори, но речь идет о пятилетнем ребенке. Мы все знаем, что он одаренный мальчик, но о том, чтобы он был способен нарисовать такое, не может быть и ре...

– Вы не понимаете. Это не Тедди нарисовал эти картинки. Их нарисовала Аня. Дух Энни Барретт. Она приходит к Тедди в комнату. И пользуется им как марионеткой. Она каким-то образом управляет его телом, рисует эти картинки и приносит ко мне в коттедж. Потому что она пытается что-то мне рассказать.

– Мэллори, притормози.

– Мы пытались провести этот сеанс, чтобы Аня оставила Тедди в покое. Я хотела поговорить с ней. Напрямую. Минуя Тедди. Но что-то пошло не так. У нас ничего не вышло. – Я делаю паузу, чтобы налить себе стакан воды, и залпом выпиваю его. – Я понимаю, что это кажется бредом. Но доказательства – вот они. Взгляните на эти рисунки. Они складываются в единое целое, они рассказывают какую-то историю. Помогите мне расшифровать ее, пожалуйста.

Каролина опускается на стул и закрывает лицо руками. Тед старается сохранить присутствие духа, как будто намерен раз и навсегда поставить в этом деле точку.

– Мы всегда готовы тебе помочь, Мэллори. Я рад, что ты с нами откровенна и честна. Но прежде чем пытаться разгадать загадку этих

рисунков, давай для начала договоримся о некоторых вещах. И самая главная из них заключается в том, что никаких духов не существует.

– Вы не можете этого доказать.

– Потому что невозможно доказать, что чего-то не существует! Но коль скоро мы заговорили о доказательствах, Мэллори, ты тоже не можешь доказать, что дух Энни Барретт реален.

– Мои доказательства – эти рисунки! Они нарисованы на бумаге из альбома Тедди. Если он их не рисовал, а Энни каким-то магическим образом не принесла их ко мне в коттедж, как они тогда здесь оказались?

Я вижу, что взгляд Каролины прикован к небольшой тумбочке рядом с моей постелью, где я держу телефон, планшет, Библию – и чистый альбом, который Тедди подарил мне месяц назад, когда я только начала работать у Максвеллов.

– Ой, только не надо, – говорю я ей. – Вы что, считаете, что это я их рисую?

– Я этого не говорила, – отвечает Каролина.

Но я вижу, что она обдумывает эту мысль, крутит ее в голове и так и этак.

В конце концов, разве у меня не было провалов в памяти?

Разве на прошлой неделе у Тедди не пропала коробка карандашей?

– Давайте спросим вашего сына, – говорю им я. – Он не станет врать.

На то, чтобы перейти двор и подняться в комнату Тедди, у нас уходит не больше минуты. Он уже почистил зубы и переделся в свою любимую пижаму с пожарными машинками и теперь, лежа на полу у кровати, строит дом из конструктора и заполняет комнаты пластмассовыми фигурками домашних животных. Мы никогда еще не заседали на него вот так – сразу все втроем, единым фронтом. По нашим лицам он сразу понимает: что-то не так.

Тед подходит к кровати и взъерошивает ему волосы.

– Привет, дружище.

– Мы должны задать тебе один очень важный вопрос, – говорит Каролина. – И нам очень важно, чтобы ты сказал правду. – Она вытаскивает рисунки и раскладывает веером на полу. – Это ты нарисовал?

Он мотает головой.

– Нет.

– Он не помнит, как рисовал их, – вмешиваюсь я. – Потому что в это время находился в трансе. В состоянии помрачения.

Каролина присаживается на корточки рядом с сыном и, взяв в руки пластмассового козлика, принимается играть им.

– Это Аня помогла тебе их нарисовать? – спрашивает она, пытаюсь говорить небрежным тоном. – Она говорила тебе, что делать?

Я смотрю на Тедди, пытаюсь поймать его взгляд, но малыш упорно отказывается на меня смотреть.

– Я знаю, что Аня не настоящая, – говорит он родителям. – Она просто моя воображаемая подружка. Она не смогла бы нарисовать настоящие картинки.

– Конечно, не смогла бы. – Каролина обнимает его за плечи и прижимает к себе. – Ты абсолютно прав, малыш.

У меня такое чувство, как будто я схожу с ума. Это как если бы мы все добровольно согласились не видеть очевидного или условились считать, что дважды два – пять.

– Но вы же чувствуете, как пахнет в его комнате, правда? Сами посмотрите. Окна открыты, работает кондиционер, у него свежее постельное белье, я только сегодня его стирала, я каждый день его стираю, но здесь все равно постоянно плохо пахнет. Серой и аммиаком. – Каролина бросает на меня предостерегающий взгляд, но она просто не понимает, что я хочу сказать. – Тедди тут ни при чем! Это Аня! Это ее запах! Это запах разложения, это...

– Хватит, – обрывает меня Тед. – Остановись, пожалуйста, ладно? Мы понимаем, что ты расстроена. Мы тебя слышим. Но если мы хотим решить эту проблему, мы должны оперировать фактами. Непреложными истинами. И я буду с тобой предельно честен, Мэллори: я не ощущаю в этой комнате никакого неприятного запаха. Тут абсолютно ничем не пахнет.

– И я тоже ничего такого не чувствую, – говорит Каролина. – Тут пахнет совершенно нормально.

Вот теперь я точно уверена, что схожу с ума.

Моя последняя надежда – Тедди, но он по-прежнему упорно отказывается на меня смотреть.

– Ну же, Тедди, мы с тобой об этом говорили. Ты знаешь этот запах, ты сам говорил мне, что это от Ани так пахнет.

Он мотает головой и закусывает губу, а потом вдруг заливается слезами.

– Я знаю, что она не настоящая, – говорит он матери. – Я знаю, что она воображаемая. Я просто ее придумал.

Каролина обнимает его.

– Ну конечно, знаешь, – говорит она, пытаюсь успокоить его, потом оборачивается ко мне. – Я думаю, тебе лучше уйти.

– Подождите...

– Нет. На сегодня разговоров более чем достаточно. Тедди пора ложиться спать, а тебе пора идти к себе.

Тедди продолжает плакать, и я понимаю, что она, наверное, права, я все равно больше ничего не могу для него сделать. Я собираю рисунки и выхожу из комнаты. Тед спускается следом за мной на первый этаж.

– Он вам врет, – говорю я Теду. – Он говорит то, что вы хотите слышать, чтобы его не ругали. Но он сам в это не верит. Он отказывался на меня смотреть.

– Может, он боялся смотреть на тебя, – говорит Тед. – Боялся, что ты рассердишься, если он скажет правду.

– И что теперь? Вы с Каролиной меня уволите?

– Нет, Мэллори, разумеется, нет. Думаю, нам всем не мешает немного остыть и успокоиться. Попытаться привести мысли в порядок. Как тебе такой план?

Как мне? Не знаю. Я не хочу приводить мысли в порядок. Я по-прежнему уверена, что я права, а они нет, что я собрала практически все части головоломки воедино и теперь остается только сложить их в нужном порядке.

Тед обнимает меня за плечи.

– Послушай, Мэллори: ты здесь в безопасности. Тебе ничто не угрожает. Мы никогда не допустим, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

Я так и не успела принять душ после пробежки и совершенно уверена, что от меня разит потом, но Тед притягивает меня ближе и гладит по голове. И вроде как он делает это ради того, чтобы меня утешить, но очень скоро мне становится не по себе: его теплое

дыхание щекочет шею, я чувствую, как он прижимается ко мне, и не очень понимаю, как вырваться из его объятий.

Но тут в коридоре слышатся шаги Каролины. Тед отскакивает от меня, и я поспешно выскальзываю через заднюю дверь во двор, чтобы не встречаться с его женой.

Я не знаю, что это было, но думаю, что Тед прав.

Кому-то совершенно определенно не мешает остыть.

Возвратившись к себе, я обнаруживаю в телефоне сообщение от Адриана. Это всего два слова: «Хорошие новости». Я звоню ему, и он берет трубку с первого же гудка.

– Угадай, что нашлось в библиотеке?

– Фотография Энни Барретт?

– Лучше. Альбом с ее картинами.

На заднем плане слышатся голоса, мужской и женский смех, как будто я застала Адриана в баре.

– Хочешь встретиться?

– Да, но тебе придется прийти сюда. В дом моих родителей. У них тут званый ужин, и я пообещал поужинать с их друзьями. Но если ты придешь, меня отпустят.

На мне все еще спортивные шорты и майка, в которых я бегала, я так и не сделала растяжку, а после почти девяти миль мне зверски хочется есть и пить, но я говорю, что через полчаса буду. Не умру я от одного дня без растяжки.

Залпом проглотив еще один стакан воды, я наскоро сооружаю себе сэндвич и забираюсь в душ. Еще три минуты спустя я облачаюсь в один из самых красивых нарядов Каролины – мятно-зеленое мини-платье в мелкий белый цветочек – и спешу в Цветочный замок.

Дверь мне, к моему огромному облегчению, открывает Адриан, а не его родители. На нем розовая рубашка поло, заправленная в слаксы.

– Ты точно вовремя, – говорит он. – Только что подали десерт. – Потом он наклоняется и шепчет мне на ухо: – Кстати, мои родители желают знать, с чего мы вдруг заинтересовались Энни Барретт. Так что я сказал, что ты нашла под половицами в своем домике несколько

эскизов и пытаешься выяснить, кто их нарисовал. Я подумал, так будет проще, чем рассказывать правду.

– Я понимаю, – говорю я, и это действительно так; знал бы он только.

Цветочный замок намного больше дома Максвеллов, но изнутри кажется меньше, теплее и как-то интимнее. Все комнаты обставлены мебелью в миссионерском стиле, стены увешаны семейными портретами и картами Центральной и Южной Америки; создается впечатление, как будто семья Адриана прожила здесь много десятков лет. Мы проходим мимо пианино и антикварного книжного шкафа, заставленного томками стихов, а на каждом окне пышно зеленеют комнатные растения. Мне то и дело хочется остановиться, чтобы получше все рассмотреть, но Адриан решительно тащит меня в шумную столовую, где собрались полтора десятка людей среднего возраста. Они сидят за столом, заставленным винными бокалами и десертными тарелками, и ведут параллельно пять разных разговоров, так что наше появление остается незамеченным до тех пор, пока Адриан, замахав руками, не просит минуточку внимания.

– Хочу представить вам всем Мэллори, – говорит он. – Этим летом она подрабатывает няней у семьи на Эджвуд-стрит.

Игнасио, сидящий во главе стола, вскидывает бокал, забрызгивая красным вином ладонь и запястье.

– И она член студенческой сборной Большой Десятки! Она бегает на длинные дистанции за Пенсильванский университет.

Гости реагируют так, как будто я Серена Уильямс, только что одержавшая очередную победу на Уимблдоне. Мать Адриана, София, обходит стол с бутылкой «Мальбека», подливая гостям вина, и с сочувствием кладет руку мне на плечо.

– Простите моего мужа, – говорит она. – Он немного *achispado*.

– Она хочет сказать, что он немного перебрал, – переводит Адриан, потом по очереди представляет мне всех гостей. Имен слишком много, чтобы я могла их запомнить: тут и начальник пожарной команды Спрингбрука, и лесбийская пара, которая держит в городе пекарню, и еще несколько соседей.

– Я так понимаю, вы пришли за альбомом, – говорит София.

– Да, но я не хотела бы отрывать вас от...

– Я вас умоляю! Я знаю этих людей тридцать лет. Думаете, мы можем сказать друг другу что-то новое? – Ее друзья смеются, и София берет с полки архивную папку. – Давайте выйдем во двор, там удобнее говорить.

Она открывает раздвижную стеклянную дверь, и мы выходим в самый экстравагантный сад, который я когда-либо видела. Сейчас июль, и все цветет: голубые гортензии, ярко-красные циннии, желтый лилейник и еще куча экзотических цветов, которых я никогда раньше не видела. Тут тебе и скамейки, и декоративные мостики-переходы из камней, и арки, увитые пурпурной ипомеей, и фонтанчики для птиц, и вымощенные брусчаткой дорожки, и ряды подсолнухов выше моей головы. В центре возвышается беседка из кедровой древесины со столом и креслами, откуда открывается вид на пруд с золотыми рыбками и лениво стекающим водопадом. У меня просто глаза разбегаются – я словно попала в Диснейленд, – Адриан же с Софией явно не видят во всем этом ничего особенного, для них это просто задний двор.

Мы входим в беседку, и Адриан через приложение в телефоне включает гирлянду, натянутую под потолком. Мы все усаживаемся, и София переходит к делу.

– Задача была непростая. Во-первых, это очень давняя история, так что в Интернете про нее ничего нет. Во-вторых, Энни Барретт умерла сразу после Второй мировой, так что все газеты интересовали в основном события в Европе.

– А местные новости? – спрашиваю я. – В Спрингбруке была какая-то ежедневная газета?

– «Гералд», – кивает София. – Она выходила с 1910 по 1991 год, но микрофильм был утрачен во время пожара в хранилище. Все сгорело без следа! – Она делает эмоциональный жест, и я замечаю на ее левом предплечье татуировку – изящную розу на длинном стебле, нежную и утонченную, но я все равно удивлена. – Я искала в библиотеке физические копии, но безрезультатно. Никаких материалов до 1963 года. Так что я решила, что мое расследование зашло в тупик, но тут одна из моих коллег подсказала мне посмотреть в разделе творчества местных авторов. Каждый раз, когда у кого-то из жителей города выходит книга, мы обычно заказываем себе один экземпляр.

Чисто из вежливости. По большей части это детективы и мемуары, но иногда попадает что-то краеведческое. И там мне попало вот это.

Она достает из папки тоненькую книжечку – это даже, скорее, брошюра страниц в тридцать с небольшим в глянцевом картонном переплете, сшитая проржавевшими толстыми промышленными скрепками. Титульный лист выглядит как напечатанный на старинной пишущей машинке:

СОБРАНИЕ РАБОТ
АННЫ К. БАРРЕТТ
(1927–1948)

– Ее не было в нашем электронном каталоге, – продолжает София. – Вряд ли за пятьдесят лет ее хоть кто-то снимал с полки.

Я подношу книгу к самому лицу. От нее пахнет затхлостью – как будто страницы гниют.

– А почему она такая маленькая?

– Ее издал двоюродный брат Энни на свои собственные средства крохотным тиражом, для родных и друзей. Видимо, кто-то пожертвовал экземпляр библиотеке. Тут на первой странице предисловие Джорджа Барретта.

Обложка на ощупь хрупкая, точно высохшая скорлупа, готовая растрескаться под моими пальцами. Я аккуратно открываю ее и начинаю читать:

В марте 1946 года моя двоюродная сестра приехала из Европы, чтобы начать новую жизнь здесь, в Соединенных Штатах. В качестве жеста христианской доброты мы с моей женой Джин пригласили Энни жить с нами. Родных сестер и братьев у нас с Джин нет, и мы радовались тому, что в нашей семье появится еще один взрослый член, кто-то, кто поможет нам с женой растить трех наших дочерей.

Когда Энни приехала в Соединенные Штаты, ей было всего девятнадцать. Она была очень красива, но, как и многие молодые девушки, очень легкомысленна. Мы с Джин неоднократно пытались ввести Энни в общество Спрингбрука. Я – член городского совета, а также служу в ризнице церкви Святого Марка. Моя жена Джин активно участвует в деятельности местного женского клуба. Наши близкие друзья были так добры, что не раз тактично приглашали

Энни влиться в местное сообщество, но она неизменно отклоняла все эти приглашения.

Энни была неразумной и необщительной и именовала себя художницей. Все свободное время она или рисовала у себя в домике, или бродила босиком по лесу за нашим домом. Иногда я замечал, как она, стоя на четвереньках, точно животное, разглядывала гусениц или нюхала цветы.

Джин составила для Энни несложный перечень обязанностей, выполнения которых мы ожидали от нее в благодарность за кров и стол. Однако же, как правило, эти обязанности так и оставались невыполненными. Энни не проявляла никакого желания стать ни частью нашей семьи, ни частью нашего сообщества, ни даже частью великого американского эксперимента.

Опрометчивые поступки Энни не единожды становились причиной наших ссор. Я неоднократно указывал ей на безответственность и даже безнравственность ее поведения, предупреждал, что рано или поздно ее неразумные решения выйдут ей боком. Увы, жизнь показала, что я был прав.

9 декабря 1948 года Энни была похищена из маленького гостевого домика в дальнем конце нашего участка. Сейчас, когда я почти год спустя пишу эти строки, Энни официально признана погибшей, и я боюсь, что ее тело покоится в земле где-нибудь на трехстах акрах за моим домом.

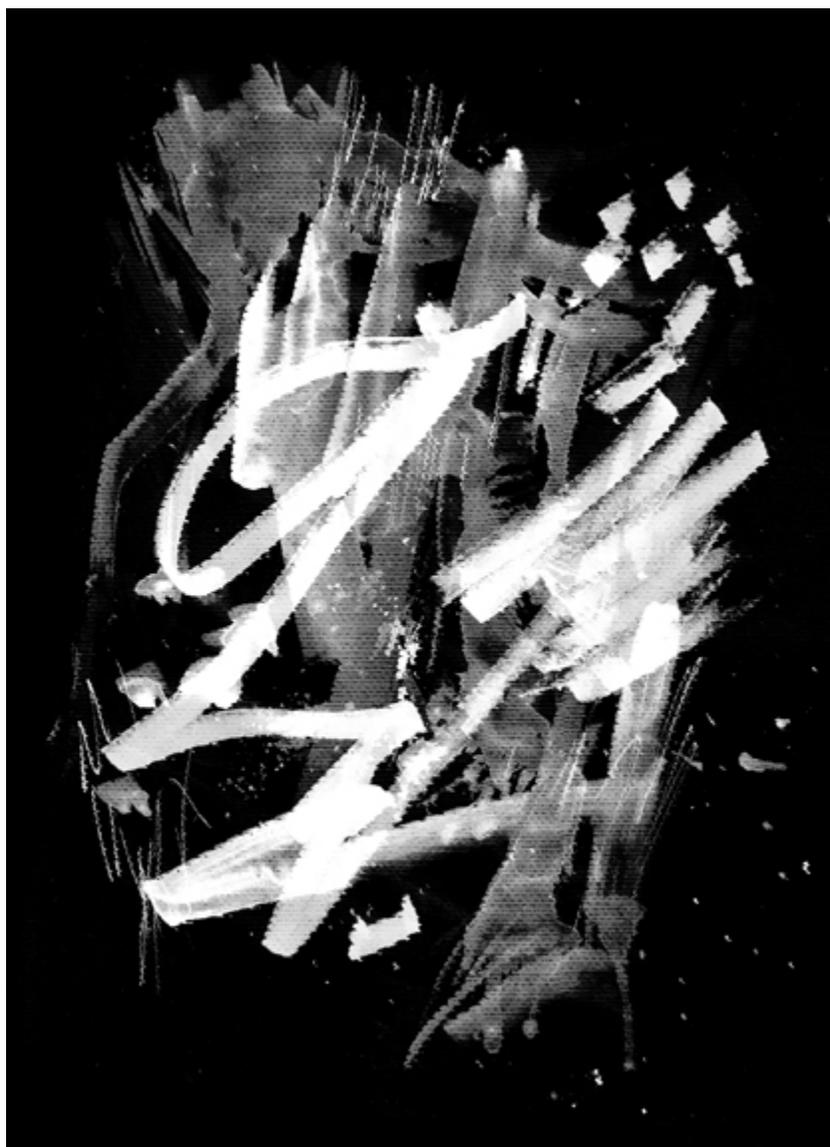
После того как произошла эта трагедия, многие соседи оказали нам молитвенную помощь и поддержку. Я составил эту книгу в знак благодарности за их отзывчивость. Несмотря на все мои разногласия с двоюродной сестрой, я всегда считал, что в ней есть творческая искра, и этот альбом – дань памяти ее скромным достижениям. Под этой обложкой собраны все законченные работы, написанные Энни Кэтрин Барретт к моменту ее кончины. Там, где это было возможно, я указал названия и даты написания. Пусть эти картины служат напоминанием о печальной жизни, столь трагически оборвавшейся раньше срока.

Джордж Барретт

Ноябрь 1949 года

Спрингбрук, штат Нью-Джерси

Я принимаюсь листать книгу. Она состоит из размытых черно-белых фотографий работ Энни. На картинах под названием «Нарциссы» и «Тюльпаны» изображены неровные волнистые прямоугольники, даже отдаленно не похожие на цветы. А полотно, именуемое «Лисица», представляет собой косые линии, беспорядочно намалеванные по всему холсту. Во всем альбоме нет ни малейшего намека на реализм – только абстрактные фигуры, потеки и капли краски, вроде тех, что сходят с рисовальных машин на церковных фестивалях.

Сказать, что я разочарована, – это ничего не сказать.

– Ничего общего с теми рисунками, которые я нашла у себя в коттедже.

– Но живопись – это одно, а графика – совершенно другое, – замечает София. – Некоторые художники используют в разных техниках разные стили. Или даже их смешивают. Один из моих любимых художников, Герхард Рихтер, вообще всю жизнь пишет то совершенные абстракции, то абсолютно реалистичные полотна. Возможно, Энни нравилось и то и другое.

– Но если это так, эта книга не дает никакого ответа на наш вопрос.

– Не торопитесь, – говорит София. – Есть еще один документ, который я хотела вам показать. Вчера я решила позвонить в суд, потому что там хранятся старые завещания. Это документы публичного характера, доступ к ним имеет право получить кто угодно. Вы поразитесь, чего только люди не завещают. – Она открывает папку и достает оттуда пару расплывчатых фотокопий. – Я не рассчитывала, что у Энни Барретт было завещание – она погибла слишком молодой, – но зато я нашла завещание Джорджа Барретта. Он скончался в 1974 году и оставил все своей жене Джин. И вот тут начинаются очень интересные вещи. Джин на старости лет перебралась во Флориду и дожила до 1991 года. А когда она умерла, большую часть ее имущества унаследовали их с Джорджем дочери. Но еще она оставила пятьдесят тысяч долларов своей племяннице, некой Долорес Джин Кэмпбелл из Экрона, штат Огайо. Ну, вы понимаете, почему меня это удивило?

И тут я понимаю, почему эта книга – настоящая находка.

– Потому что у Джин с Джорджем не было братьев и сестер. Джордж упоминал об этом в предисловии.

– Именно! Так кто же тогда эта загадочная племянница и откуда она взялась? И я подумала: а что, если Джин считает эту девушку своей племянницей, но на самом деле она дочка двоюродной сестры Джорджа? Что, если она – последствие «безответственного» и «безнравственного» поведения Энни? Может, за этой историей кроется нечто большее, чем пытается представить Джордж, подумала я. Может, Джин чувствовала себя обязанной позаботиться об этой девушке.

Я произвожу в уме нехитрые арифметические подсчеты.

– Если Долорес родилась в тысяча девятьсот сорок восьмом, она сейчас даже не такая уж и старая. Она вполне может быть еще жива.

– Очень даже может. – София придвигает ко мне небольшой лист бумаги. На нем написано имя Долорес Джин Кэмпбелл и десятизначный номер телефона. – Это телефонный код Экрона. Она живет в поселке пенсионеров под названием «Тихая гавань».

– Вы с ней говорили?

– И лишила бы вас возможности позвонить по этому номеру самостоятельно? Нет уж, Мэллори. Но мне очень любопытно узнать, кто ответит по этому телефону. Я была бы рада услышать, что вы разузнаете.

– Спасибо вам большое. Это просто невероятно!

Из дома доносится звон бьющегося стекла, сопровождаемый взрывом оглушительного хохота. София косится на сына.

– Боюсь, твой отец опять рассказывает скабрёзные анекдоты. Пожалуй, лучше мне вернуться в дом, пока он не разошелся окончательно. – Она поднимается. – Только напомните мне, пожалуйста, почему вы всем этим интересуетесь?

– Мэллори нашла у себя в домике чьи-то рисунки, – говорит Адриан. – Под половицами. Мы ведь уже это обсуждали.

София смеется:

– Мijo^[8], ты как не умел врать в четыре года, так до сих пор и не научился. Сегодня утром ты говорил, что Мэллори нашла эти рисунки в стенном шкафу.

– Под половицами в стенном шкафу, – не сдается Адриан.

София устремляет на меня взгляд, в котором явственно читается: «И ты ему веришь?»

– Не хотите говорить, и не надо. Но мой вам обоим добрый совет: будьте осторожны. Если вы начнете совать нос в чужие семейные тайны, его могут и откусить.

Меня очень подмывает позвонить Долорес прямо сейчас, но уже очень поздно, почти десять вечера, и Адриан говорит, что лучше подождать до утра.

– Она наверняка уже спит.

Я понимаю, что он прав, но мне все равно не терпится. Мне нужна информация, и нужна быстро. Я рассказываю ему о моей последней стычке с Максвеллами.

– Я показала им Анины рисунки и объяснила, каким образом они снова и снова появляются у меня в коттедже. Но они не верят мне, Адриан. Да и кто на их месте поверил бы! Это же звучит как полный бред. Я это понимаю. Каролина вела себя так, как будто это я сама рисую эти картинки, как будто я сочинила всю эту историю для того, чтобы привлечь к себе внимание.

– Мы докажем, что ты говоришь правду, – заверяет меня Адриан. – Но сначала пойдем в дом и съедим чуррос.

– Зачем?

– Затем, что они потрясающе вкусные. Ты забудешь обо всех своих проблемах, поверь мне.

Мы возвращаемся в дом и обнаруживаем, что вечеринка приобрела еще больший размах. Стереосистема включена на полную громкость, все переместились из столовой в гостиную, а Игнасио, похоже, успел за это время стать еще более *achispado*. Он демонстрирует гостям пасодобль, танец, который, по его словам, в совершенстве научился танцевать в юности, а София с поразительным воодушевлением подыгрывает, тряся юбками и подчиняясь ему в танце. Гости хлопают и подбадривают танцоров, и Адриан лишь качает головой, смущенный и раздосадованный одновременно.

– И так каждый раз, когда к ним кто-то приходит, – говорит он. – Любит мой папочка покрасоваться.

Мы берем из холодильника две бутылки минералки. Потом Адриан кладет на тарелку чуррос, поливает их шоколадным соусом и ведет меня на улицу, на экскурсию по саду. Он говорит, что его отец работал над ним тридцать лет и что это его маленький личный Версаль.

– Что еще за Версаль такой?

– Ну, дворец же, во Франции.

Он, похоже, удивлен, что я никогда не слышала этого названия, но что я могу вам сказать? Французская аристократия – не самая распространенная тема для обсуждения среди жителей Южной Филадельфии. И тем не менее мне не хочется выглядеть идиоткой, так что я снова прибегаю ко лжи.

– А, *Версаль*, – со смехом говорю я. – Я не так услышала.

Мы гуляем по дорожкам, и Адриан демонстрирует мне секреты сада: семейство кардиналов, свивших гнездо на вишне, укромную молельню с образом Девы Марии, деревянную скамью на берегу пруда с золотыми рыбками, рядом с водопадом. Мы останавливаемся на берегу и бросаем крошки от чуррос рыбам. Их там плавает с открытыми ртами на поверхности воды семь или восемь.

– Потрясающее место.

Адриан пожимает плечами.

– Меня лично больше порадовал бы бассейн. Как у Максвеллов.

– Нет, пруд лучше. Тебе повезло.

Его ладонь ложится на мою талию, и, когда я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, он целует меня. Губы у него сладкие и пахнут

корицей и шоколадом, и мне хочется притянуть его к себе еще ближе, поцеловать его еще раз.

Но сначала нужно во всем ему признаться.

Я упираюсь ладонью ему в грудь.

– Подожди.

Он останавливается и ждет, глядя мне в глаза.

И я не знаю, не знаю, как ему сказать. Вся эта сцена слишком идеальна: гирлянда помаргивает огоньками, мелодично журчит водопад, аромат цветов опьяняет – и я в очередной раз не могу заставить себя испортить этот идеальный момент.

Потому что точка невозврата уже пройдена. То, что я обманула Адриана, уже само по себе скверно. Но теперь я ввела в заблуждение его родителей и их друзей. Когда все эти люди узнают правду, они не захотят со мной знаться. У наших с Адрианом отношений нет ни единого шанса. Они как мыльный пузырь: волшебный, радужный, невесомый – и обреченный лопнуть.

Адриан понимает, что что-то не так, и отстраняется.

– Прости. Видимо, я неверно истолковал момент. Но если я буду говорить достаточно быстро и достаточно долго, мы же сможем сделать вид, как будто ничего не было, да? – Он со смущенным видом поднимается. – У нас в гараже есть пинг-понг. Не хочешь поиграть?

Я беру его за руку и тяну обратно на скамейку. На этот раз я сама его целую, потом кладу руку ему на грудь и прижимаюсь к нему, чтобы у него не было сомнений в том, какие чувства я испытываю.

– Нет, – говорю я. – Мне не хочется никуда отсюда уходить.

И все же в конце концов я, разумеется, уйду.

Гости начинают разъезжаться примерно в половине одиннадцатого. С нашей скамьи в укромном месте мы слышим, как хлопают дверцы, заводятся двигатели и машины одна за другой трогаются и отъезжают от дома.

Мы с Адрианом засиживаемся в саду за полночь. Наконец все огни в доме гаснут и его родители, похоже, укладываются спать, и я решаю, что мне, пожалуй, пора.

Адриан предлагает проводить меня до дома. Я говорю ему, что это излишне, тут идти-то всего пару кварталов, но он настаивает.

– Тут тебе не Южная Филадельфия, Мэллори. У нас в Спрингбруке с наступлением темноты по улицам ходить опасно.

– У меня при себе электрошокер.

– И чем тебе твой электрошокер поможет против какой-нибудь пьяной мамы за рулем минивэна? Мне будет спокойнее, если я доведу тебя до дома.

Вся округа спит. Улицы пустынные, в домах не светится ни одно окно. И как только мы выходим из сада, чары рассеиваются. Когда показывается дом Максвеллов, я вспоминаю про все свои проблемы и про то, кто я такая на самом деле. И снова я испытываю потребность быть честной. Да, может у меня и не хватает мужества признаться ему во всем – пока не хватает. Но мне хочется сказать хоть что-то, что было бы правдой.

– У меня уже давно не было парня.

– А у меня так вообще никогда в жизни парня не было, – пожимает плечами он.

– Я просто хочу сказать, что нам с тобой не стоит торопить события. Пока мы получше друг друга не узнаем. Давай не будем спешить, ладно?

– А что ты делаешь завтра вечером?

– Я серьезно, Адриан. Ты можешь узнать обо мне что-то такое, что тебе не понравится.

Он берет мою руку и сжимает ее.

– Я хочу узнать о тебе все. Я хочу сделать Мэллори Куинн своей основной специальностью и досконально ее изучить.

Ох, ты не представляешь, думаю я про себя. Ты себе просто не представляешь.

Он спрашивает, бывала ли я когда-нибудь в «Бриджит Фой», его самом любимом ресторане во всей Филадельфии. Я отвечаю, что не была в Филли уже полтора месяца и не горю желанием возвращаться.

– Тогда что скажешь насчет Принстона? Я имею в виду город, не университет. У них там есть одно роскошное местечко, где подают тапас. Ты любишь тапас? Давай я забронирую нам столик?

Мы уже пересекли двор Максвеллов и теперь стоим перед моим домом. Разумеется, я говорю «да» и обещаю, что буду готова к пяти тридцати.

Потом мы опять целуемся, и если закрыть глаза, то легко представить, что мы снова в саду Цветочного замка и что я Мэллори Куинн, звезда легкой атлетики, у которой большое будущее и ровным счетом никаких проблем. Адриан запустил одну руку мне в волосы, а вторая уже проникла под платье и скользит по ноге вверх. Я не представляю, как мне сказать ему правду, я просто себе этого не представляю.

– Я бы не сказала, что это называется «не торопить события», – говорю я ему. – Тебе пора домой.

Он убирает руки, отступает назад и делает глубокий вдох.

– Я вернусь завтра.

– В пять тридцать, – напоминаю я.

– Увидимся. Спокойной ночи, Мэллори.

Стоя на крыльце, я провожаю его взглядом, пока он не исчезает в ночной темноте, и понимаю, что обязана сказать ему правду. Я принимаю решение рассказать ему все завтра за ужином в Принстоне. Так что даже если он будет расстроен, совесть не позволит ему бросить меня там. Ему придется отвезти меня домой. И возможно, за это время мне удастся убедить его дать мне второй шанс.

Я достаю ключи, открываю дверь коттеджа, включаю свет и обнаруживаю, что в моей постели лежит Тед Максвелл.

Он садится, рукой заслоняя глаза от света.

– Господи, Каролина, да выключи ты его уже.

Голос у него на октаву ниже обычного, хриплый со сна.

Я по-прежнему стою в дверях.

– Это Мэллори.

Он щурится меж пальцев и, похоже, изумляется, поняв, что находится у меня в коттедже, в моей постели, под моим одеялом.

– О господи. Вот черт. Прости.

Он спускает ноги с постели, встает и тут же теряет равновесие. Чтобы не упасть, он хватается за стену и ждет, пока комната вокруг него перестанет вращаться. Тед так пьян, что, похоже, даже не отдает себе отчета в том, что он без штанов, в одной только рубашке поло и

черных трусах-боксерах. Его серые слаксы, вывернутые наизнанку, валяются в изножье кровати, как будто он стащил их прямо перед тем, как нырнуть под одеяло.

– Это не то, что ты думаешь.

Выглядит он так, как будто его обыскивает полиция: ноги широко расставлены, ладони обеих рук прижаты к стене.

– Может, позвать Каролину?

– Нет! Господи, только не это. – Он поворачивает голову в мою сторону. – Пожалуйста, не могла бы ты... о господи, нет. – Он снова поворачивается лицом к стене и делает над собой усилие, чтобы не упасть. – Не могла бы ты принести мне воды?

Я захожу в дом и закрываю дверь. Потом подхожу к раковине и наливаю воды в маленький пластмассовый стаканчик с белыми медведями и пингвинами, из которого обычно пою Тедди. Я отношу его Теду; от него разит перегаром и кислым потом. Он жадно пьет, проливая большую часть воды себе на шею и грудь, так что я наливаю ему еще воды, и на этот раз ему удается почти всю ее донести до рта. Но он все еще держится за стену, как будто не уверен в своей способности противостоять гравитации.

– Тед, может, вы останетесь здесь? А я уйду в большой дом. Переночую на диване.

– Нет, нет, нет. Мне нужно обратно.

– Я думаю, все-таки стоит позвать Каролину.

– Мне уже лучше. Вода помогает. Смотри.

Он распрямляется и делает нетвердый шаг в моем направлении. И тут же, пошатнувшись, взмахивает руками и пытается ухватиться за меня. Я беру его за руку и веду к изножье кровати. Он плюхается на матрас, но не отпускает моей руки до тех пор, пока я не присаживаюсь рядом с ним.

– Пять минут, – клянется он. – Мне уже лучше.

– Налить вам еще воды?

– Нет, я боюсь, что меня вырвет.

– Тогда, может, тайленол?

Мне очень хочется найти какой-нибудь предлог, который позволил бы мне встать и отодвинуться от него, поэтому я иду в ванную и приношу оттуда три детские жевательные таблетки аспирина. Я кладу их в потную ладонь Теда, и он послушно разжевывает их.

– Мы с Каролиной поссорились. Мне нужно было побыть одному, собраться с мыслями. Я увидел, что у тебя не горит свет, и решил, что ты ночуешь где-то в другом месте. Я не собирался засыпать.

– Я понимаю, – говорю я, хотя на самом деле не понимаю; представления не имею, зачем ему понадобилось забираться в мою постель.

– Ну, конечно, ты понимаешь. Ты очень эмпатичный человек. Поэтому из тебя получилась такая отличная мать.

– Я пока еще не мать.

– Из тебя получилась *бы* отличная мать. Ты добрая, ты заботливая, ты всегда ставишь интересы ребенка на первое место. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это понять. На тебе что, Каролинино платье?

Он шарит глазами по моему телу, и я прячусь за кухонную тумбу, радуясь, что она отделяет нас друг от друга.

– Да, она отдала мне кое-что из своей одежды.

– Старье. Обноски. Ты заслуживаешь лучшего, Мэллори. – Он бормочет еще что-то, но я не могу разобрать, что именно, кроме самых последних слов. – Ты торчишь в этой дыре, в то время как там ждет целый большой мир.

– Мне здесь нравится. Мне нравится Спрингбрук.

– Это потому, что ты больше нигде не была. Если бы ты успела попутешествовать, если бы ты хоть раз побывала на острове Уидби, ты бы поняла.

– Это где?

Он объясняет, что это один из цепи островов у северо-западного Тихоокеанского побережья.

– Я провел там целое лето, когда учился в колледже. Лучшее лето в моей жизни. Я работал на ранчо, весь день проводил на солнце, а по вечерам мы сидели на пляже и пили вино. Никакого телевизора, никаких гаджетов. Только хорошие люди, природа и потрясающие виды.

И тут он замечает валяющиеся на покрывале слаксы и, видимо, понимает, что они принадлежат ему и должны быть у него на ногах. Он кое-как выворачивает их, пытается натянуть на ноги и, разумеется, немедленно роняет на пол. Я понимаю, что без моей помощи у него ничего не выйдет и, присев перед ним на корточки, подставляю ему

штанины – сначала одну, потом другую. Он натягивает их до бедер, потом смотрит мне прямо в глаза.

– Клянусь тебе, Мэллори, если бы ты увидела Пьюджет-Саунд^[9], ты и думать забыла бы о Спрингбруке. Ты поняла бы, что Спрингбрук – дыра, что тут нечего делать.

Я практически не слушаю, что он говорит. Когда растешь в Южной Филадельфии, регулярно имеешь дело с пьяницами и со временем начинаешь понимать, что, как правило, они несут всякую чушь, воспринимать которую всерьез совершенно не стоит.

– Спрингбрук – прекрасный город. И у вас здесь чудесная жизнь. Прекрасная семья, прекрасная жена.

– Она спит в гостевой комнате. Она меня не хочет.

Тед бормочет все это, опустив голову и глядя на свои слаксы, так что мне несложно сделать вид, что я ничего не слышала.

– У вас прекрасный дом, – продолжаю я.

– Это она его купила. Не я. Это последнее место на земле, которое я выбрал бы для жизни.

– Что вы такое говорите?

– Отец Каролины был очень богатый человек. Мы могли бы позволить себе жить где угодно. Хоть на Манхэттене, хоть в Сан-Франциско, хоть где. Но ей захотелось в Спрингбрук, так что мы живем в Спрингбруке. – Он говорит это так, как будто от него вообще ничего не зависело. – Не пойми меня неправильно, Мэллори. Она хороший человек. У нее доброе сердце. И ради благополучия Тедди она готова на все. Но эта не та жизнь, которую я хотел для себя. Я никогда на все это не подписывался.

– Может, налить вам еще воды?

Он качает головой, как будто я не понимаю главного.

– Я не прошу тебя заботиться обо мне. Я говорю, что я хочу заботиться о тебе.

– Я понимаю. Я подумаю. А сейчас давайте я отведу вас домой. Каролина, наверное, беспокоится.

Тед плетет уже что-то вовсе невразумительное – что-то насчет озера Сенека, края виноградников и желания сбежать от всех. Он умудряется подняться без моей помощи, потом натягивает штаны и застегивает их.

– Надо их сжечь.

– Завтра, – обещаю я ему. – Мы сожжем их завтра.

– Но только не у тебя в коттедже. – Он указывает на детектор дыма на стене. – У тебя тут проводка просто на соплях держится. Только не вздумай сама ее чинить. Попроси меня помочь.

Я открываю входную дверь, и Тед вываливается на крыльцо. Ему каким-то образом удается преодолеть три ступеньки крыльца, не расквасив себе нос, после чего он нетвердой походкой удаляется в сторону большого дома.

– Спокойной ночи, – говорю я ему вслед.

– Это мы еще посмотрим, – отзывается он, не оборачиваясь.

Я закрываю входную дверь и запираю ее на замок. На тумбочке рядом с кроватью валяется смятый ком одноразовых носовых платков. Я беру его бумажным полотенцем и заталкиваю поглубже в мусорное ведро. Потом стаскиваю с кровати постельное белье и обнаруживаю под одеялом три своих лифчика. Я не знаю, как они там оказались, и не хочу знать. Завтра утром отнесу все в стирку и постараюсь забыть все это как страшный сон.

Поскольку второго комплекта постельного белья у меня нет, приходится постелить поверх матраса банные полотенца. Это даже не так неудобно, как кажется. Остается только закрыть глаза и перенестись обратно в прекрасный сад Цветочного замка с его мелодичными водопадами и увитыми гроздьями цветов арками. Ничто не может испортить для меня этот вечер – ни стычка из-за спиритического сеанса с Каролиной, ни тем более Тед, обнаружившийся в моей постели. И прежде чем заснуть, я прошу Бога простить меня за то, что солгала Адриану. Я прошу Его помочь мне найти нужные слова, чтобы рассказать ему правду. Я молюсь, чтобы Адриан смог увидеть за теми ужасными вещами, которые я натворила, ту меня, какой я стала сейчас, а не ничтожество, которым я когда-то была.

Когда на следующее утро я прихожу в большой дом, Тед с Каролиной, одетые для работы, в ледяном молчании сидят за

кухонным столом. Каролина пьет чай, а Тед мелкими глотками прихлебывает черный кофе. Я понимаю, что они ждут меня.

– Ты не могла бы подойти сюда? – просит Каролина. – Тед хочет кое-что тебе сказать.

Вид у Теда душераздирающий. Его явно мучает похмелье. Ему бы в постели лежать. Или обниматься с белым другом.

– Я хочу извиниться за свое поведение прошлой ночью. Это было абсолютно неприемлемо и...

– Ничего страшного, Тед. Я уже забыла.

Каролина качает головой:

– Нет, Мэллори, мы не будем делать вид, что ничего не было. Мы должны полностью признать все, что произошло вчера ночью.

Тед кивает и послушно продолжает, словно воспроизводя по памяти выученное наизусть публичное заявление.

– Я вел себя заносчиво и неуважительно. Мне стыдно за свое поведение, и я работаю над собой, чтобы понять, почему я решил злоупотребить своим положением.

– Извинения приняты, – говорю я им. – Давайте не будем дальше углубляться в эту тему, ладно? Мне будет комфортнее, если мы просто на этом ее закроем и будем жить дальше.

Тед смотрит на Каролину, и та пожимает плечами. Ну и прекрасно.

– Спасибо за понимание, Мэллори. Даю тебе слово, что этого больше не повторится.

Он встает и, взяв портфель, нетвердой походкой выходит в холл. Хлопает входная дверь, и через несколько секунд до меня доносится звук заведенного мотора.

– Он боится, что ты подашь на нас в суд, – поясняет Каролина. – Можешь рассказать мне, что случилось? Своими словами.

– Каролина, честное слово, ничего страшного не произошло. Вчера вечером я пошла к Адриану в гости. Его родители устраивали вечеринку. Вернулась я после полуночи и обнаружила у себя в коттедже Теда. Он был совершенно пьян. Сказал, что вы поссорились и ему нужно было побыть в одиночестве и остыть.

– Я думала, он внизу. Спит на диване.

– Как только я вошла в дом, он извинился и ушел. Это все.

– Он рассказал тебе о нашей ссоре?

– Нет, просто сказал, что вы хороший человек с добрым сердцем. И что ради семьи вы сделали бы все, что угодно.

– А еще что?

– Больше ничего. Болтал всякую ерунду. Рассказывал про какой-то остров. Ну, где он провел лето, когда учился в колледже.

– Работал на свежем воздухе и спал под звездами, – говорит Каролина, и я понимаю, что она пародирует мужа, легонько подтрунивая над ним. – Он каждый раз, когда выпьет, заводит разговор про остров Уидби.

– Ну, рассказывал и рассказывал. Я дала ему воды и детский аспирин, а потом открыла дверь, и он ушел. Вот и все.

Она вглядывается в мое лицо, как будто пытается что-то на нем прочитать.

– Мне очень неловко задавать этот вопрос, но, поскольку технически ты мой наемный сотрудник, мне придется это сделать. Он не позволил себе ничего лишнего?

– Нет. Ни намека.

Ну, то есть, наверное, я могла бы упомянуть о том, что он снял штаны, рылся в моем нижнем белье и бог знает что делал в моей постели, пока меня не было. Но только чего ради? Бедной Каролине и так несладко, а Тед передо мной извинился. Не вижу ровным счетом никакого смысла растягивать это «удовольствие». Я уж точно не намерена увольняться из-за того, что случилось.

– Каролина, клянусь вам, он даже пальцем меня не тронул.

Она протяжно выдыхает.

– Этим летом Теду исполнилось пятьдесят три. Ты наверняка слышала про кризис среднего возраста у мужчин. Они начинают подвергать сомнению все те выборы, которые сделали в жизни. А у него сейчас вдобавок еще и в бизнесе проблемы. Естественно, это бьет по его самооценке. Он надеялся осенью набрать новых людей, но пока что перспективы выглядят сомнительными.

– А у него большая компания?

Она смотрит на меня со странным выражением.

– Он хотел бы довести штат до сорока человек, но сейчас там один Тед. Он занимается всем в одиночку.

Один Тед? А я-то была уверена, что он работает где-нибудь в центре города в огромном небоскребе, полном секретарш и

навороченных компьютеров, с огромными панорамными окнами, откуда открывается вид на Риттенхаус-сквер.

– Он говорил мне, что работает с Крекер Баррел. И с «Янки кэндл». С большими компаниями.

– Он встречался с их представителями, – объясняет Каролина. – Он обращается в разные компании и предлагает вести их веб-сайты. Управлять их интернет-торговлей. Но когда ты работаешь в одиночку, сложно заполучить крупных клиентов.

– Но он упоминал своих коллег. Неких Мика и Эда. Он говорит, что они вместе ходят на ланч.

– Ну да, они работают в одном коворкинге. Ну, знаешь, это такое офисное пространство, где можно помесечно снимать рабочее место. Потому что Теду нужен почтовый адрес в городе. В его бизнесе половина дела – это уметь произвести хорошее впечатление. Казаться значительнее, чем ты есть. Этим летом у него было много стресса – и, думаю, прошлой ночью ты увидела первые трещины на фасаде.

Голос у нее срывается, и я понимаю, что она беспокоится не только за Теда, но и за свой брак, за всю свою семью. И я не знаю, что ей сказать. К счастью, в этот миг на лестнице слышатся шаги Тедди. Каролина распрямляется и промокает глаза салфеткой.

Тедди входит в кухню с айпадом в руках. Он водит пальцем по экрану, и экран реагирует на прикосновение нестройной чередой громких взрывов.

– Привет, Тедди-медведик! Что это у тебя такое?

Он не отрывается от экрана.

– Это мама мне дала вчера вечером. Раньше он был папин, а теперь мой.

Тедди берет пластмассовый стаканчик, наливает в него воды из-под крана и, ни слова не говоря, уносит вместе с айпадом в кабинет.

– Тедди нужен отдых от рисования, – поясняет Каролина. – В свете всей этой свистопляски мы решили, что ему нужны новые интересы. А в «App Store» куча образовательных ресурсов. Математические игры, обучение чтению, даже иностранные языки. – Она пересекает кухню и открывает шкафчик над холодильником, до которого Тедди не дотянуться. – Я собрала все его мелки и фломастеры и сложила наверх. Тедди так обрадовался айпаду, что, думаю, ничего даже не заметил.

Я знаю, что первое правило няни – никогда не подвергать сомнению решения матери, но все равно не могу отделаться от чувства, что это ошибка. Тедди очень нравилось рисовать, и я считаю, что неправильно лишать его этого удовольствия. Но хуже всего мысль о том, что это все из-за меня – из-за того, что я не смогла удержать при себе свои мысли относительно Энни Барретт.

От Каролины не укрывается мое огорчение.

– Это эксперимент. Всего на пару дней. Возможно, это поможет нам понять, что происходит. – Она закрывает дверцу шкафчика, как будто говорить тут больше не о чем. – А теперь расскажи мне о вечеринке у Адриана дома. Ты хорошо провела время?

– Просто отлично. – Пожалуй, я рада переменить тему, потому что думаю о предстоящем свидании в ресторане с того момента, как встала с кровати. – Мы с ним встречаемся сегодня вечером. Он хочет поехать в Принстон. В какой-то ресторан, где подают тапас.

– О-о-о, там такие романтические места!

– Он заедет за мной в пять тридцать.

– Тогда я постараюсь приехать домой пораньше. Чтобы у тебя было время подготовиться. – Она бросает взгляд на часы. – Ох, мне пора бежать. Я так рада за тебя, Мэллори! Тебя ждет потрясающий вечер!

После того как Каролина уезжает, я иду искать Тедди и обнаруживаю его в кабинете увлеченно играющим в «Злых птичек». Он пальцем оттягивает и спускает резинку гигантской рогатки и бомбардирует разноцветными птицами разнообразные деревянные и стальные сооружения, занятые зелеными свиньями. Каждая атака сопровождается какофонией скрежета, взрывов, воплей, буханья и баханья. Я усаживаюсь напротив и хлопаю в ладоши.

– Ну, чем мы с тобой займемся? Прогуляемся по Заколдованному лесу? Или устроим Битву кондитеров?

Он пожимает плечами, яростно тыча пальцем в экран.

– Мне все равно.

Одна из птичек пролетает мимо цели, и Тедди хмурится, раздосадованный неудачей. Он буквально утыкается носом в экран, как будто пытается занырнуть в него.

– Так, Тедди. Убирай игру.

– Я еще не закончил.

– Мама сказала, что это для тихого часа. Она не хочет, чтобы ты играл все утро напролет.

Он отворачивается от меня, прикрывая планшет своим телом.

– Еще всего один уровень!

– Еще один уровень – это сколько?

Как выясняется, прохождение еще одного уровня занимает добрых полчаса. Закончив, Тедди просит меня поставить айпад на зарядку, чтобы он мог поиграть еще в тихий час.

Мы отправляемся на прогулку в Заколдованный лес. Я пытаюсь придумать новую историю про приключения принца Тедди и принцессы Мэллори, но Тедди хочет обсудить стратегию игры в «Злых птичек». Желтых птиц лучше всего использовать для того, чтобы разрушать деревянные сооружения. Черные способны крушить бетонные стены. Белые птицы ускоряются, сбросив бомбы-яйца. Это нельзя назвать диалогом: он просто перечисляет факты и данные, как будто пытается уложить в голове правила.

Я замечаю в куче палой листвы что-то блестящее и приседаю на корточки, чтобы посмотреть. Это оказывается нижняя половинка стрелы: верхняя часть с оперением отсутствует, остались лишь древко и четырехгранный наконечник.

– Это волшебная стрела, – говорю я Тедди. – Для защиты от гоблинов.

– Круто, – отзывается Тедди. – А еще есть зеленые птицы, они летают бумерангом. Сначала рушат все на пути туда, а потом на пути обратно. Поэтому я люблю запускать их самыми первыми.

Я предлагаю пойти до Гигантского Бобового Стебля и добавить найденную стрелу к нашему арсеналу. Тедди соглашается, но мысли его явно заняты совсем другим. Такое впечатление, что он просто отбывает повинность, считая минуты до того момента, когда пора будет возвращаться домой.

Я предлагаю Тедди приготовить на обед что угодно по его выбору, но он отвечает, что ему все равно, так что я просто делаю ему горячий сэндвич с сыром. Пока он торопливо расправляется с едой, я напоминаю ему, что сидеть в обнимку с айпадом весь тихий час совершенно не обязательно, можно поиграть в лего или в

пластмассовых зверюшек. Он смотрит на меня с таким видом, как будто я пытаюсь его надуть, обманом лишить привилегии, которую он заслужил по праву.

– Спасибо, но я хочу играть в «Злых птичек», – говорит он.

Он уносит планшет к себе в комнату, и через несколько минут я поднимаюсь по лестнице и прикладываю ухо к двери. В комнате не слышно ни шепота, ни обрывочных реплик. Лишь смешки Тедди время от времени и звуки натягиваемой рогатки, возгласы птиц и взрывы. Тедди явно счастлив, но что-то в его радости меня печалит. Такое впечатление, как будто всего за одну ночь, точно по щелчку выключателя, исчезло какое-то волшебство.

Я спускаюсь на первый этаж, достаю телефон и набираю номер «Тихой гавани». Трубку снимает администратор, и я говорю, что хотела бы поговорить с одной из жительниц, Долорес Джин Кэмпбелл. После нескольких гудков включается автоответчик и механический женский голос предлагает мне оставить сообщение.

– Э-э... добрый день, меня зовут Мэллори Куинн. Мы с вами не знакомы, но, возможно, вы сможете мне помочь?

Я понимаю, что понятия не имею, как объяснить, что мне нужно, и что надо было хорошенько продумать это перед тем, как звонить, но теперь уже слишком поздно, так что приходится соображать на ходу.

– Скажите, пожалуйста, ваша мать, случайно, была не некая Энни Барретт из городка Спрингбрук в штате Нью-Джерси? Если это она, я очень хотела бы с вами поговорить. Не могли бы вы мне перезвонить?

Я оставляю свой номер и, вешая трубку, чувствую себя так, как будто уже уперлась в тупик. Я совершенно уверена, что она мне не перезвонит.

Перебив посуду, оставшуюся после обеда, я беру тряпку и принимаюсь протирать все горизонтальные поверхности, пытаюсь быть полезной. Сегодня я как никогда чувствую шаткость своего положения. Такое впечатление, что каждый день приносит какую-нибудь новую причину, по которой Каролине следует меня уволить. Поэтому я принимаюсь делать дела, которые не входят в перечень моих рабочих обязанностей. Я подметаю и мою полы и протираю изнутри микроволновку. Выдвигаю поддон тостера и высыпаю из него крошки. Залезаю под раковину и наполняю диспенсеры жидким

мылом, потом забираюсь на стул и протираю пыль с лопастей вентилятора под потолком.

Все эти мелкие дела несколько улучшают мое настроение, но я не уверена, что Каролина их заметит. Я решаю, что нужно сделать что-нибудь более масштабное и значительное, что-нибудь, что уж точно не сможет остаться незамеченным. Я укладываюсь на диван в кабинете и принимаюсь перебирать в уме возможные варианты, и тут вдруг мне приходит в голову превосходная идея: мы с Тедди сходим в супермаркет, купим продуктов и вместе приготовим его родителям ужин-сюрприз. Еда будет ждаться на плите, так что они смогут поужинать сразу же, как только придут домой. Я даже накрою на стол, так что им и пальцем пошевелить не придется. Они смогут просто войти в дом, сесть за стол, насладиться вкусной едой и порадоваться, что я часть их семьи.

Однако, не успев приступить к реализации этой идеи и не начав даже составлять список покупок, я проваливаюсь в сон.

Я и сама толком не понимаю, как это произошло. Я не слишком устала. Я намеревалась всего лишь пару минут полежать с закрытыми глазами. Однако в следующий миг мне уже снится место из моего детства, крошечный семейный парк развлечений под названием «Страна сказок». Он был построен в 1950-х по мотивам всех классических сказок и песен Матушки Гусыни. Там можно было взобраться на гигантский бобовый стебель, заглянуть в гости к трем пороссятам или помахать в окошко старушке, которая жила в дырявом башмаке, – скрипучей механической кукле с мертвым взглядом.

Во сне я веду Тедди мимо карусели, и он умоляет меня подержать его мелки и фломастеры, чтобы он мог прокатиться. Он вываливает все содержимое коробки мне в руки, и их оказывается так много, что я просто не могу их удержать и они падают мне под ноги. Я пытаюсь рассовать их по карманам, потому что унести все сразу у меня никак не получится. Но к тому времени, когда я подбираю все карандаши, Тедди куда-то исчез. Я потеряла его в толпе. Мой сон превратился в кошмар.

Я начинаю бегать по парку, расталкивая других родителей, зову Тедди по имени и заглядываю во все уголки. «Страна сказок» полна пятилетних детей, которые со спины выглядят совершенно одинаково, любой из них может быть Тедди. Я нигде не могу его

найти. Я бросаюсь то к одним, то к другим родителям и умоляю их помочь мне. «Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне», – прошу я. «Но это же твоя ответственность, – возмущаются они. – Почему мы должны помогать?»

У меня нет другого выбора, кроме как позвонить Максвеллам. Я не хочу рассказывать им, что произошло, но случай экстренный. Я вытаскиваю из кармана телефон и набираю Каролинин номер, как вдруг внезапно вижу Тедди! Он сидит на крыльце домика Красной Шапочки на другом конце парка. Я принимаюсь продираться сквозь толпу, пытаюсь двигаться как можно быстрее, но когда я добираюсь до домика, то вижу, что это не Тедди. Это моя сестра Бет! На ней желтая футболка, линялые джинсы и кеды «Вэнс» в черно-белую клетку.

Я подбегаю к ней, хватаю в охапку и отрываю от земли. Я не могу поверить, что она здесь, что она жива! Я так крепко стискиваю ее, что она смеется, и от брекетов у нее на зубах отражается солнце.

– Я думала, что ты умерла! Я думала, что я тебя убила!

– Не говори ерунды, – отмахивается она.

Сон настолько реалистичный, что я чувствую ее запах. От нее пахнет кокосом и ананасом, как от тех бомбочек для ванны, которые она и ее подружки покупали в «Лаше», дорогушем косметическом магазине в торговом центре «Кинг оф Пруссия».

Она объясняет, что та авария была просто одним большим недоразумением и все это время я мучилась совестью совершенно попусту.

– С тобой точно все хорошо?

– Да, Мэл, миллион раз уже тебе говорила, со мной все просто замечательно. А теперь пойдём покатаемся на карусели?

– Да, Бет, конечно! Что угодно! Что ты захочешь!

Но тут откуда-то снова появляется Тедди, он тянет меня за руку, осторожно трясет за плечо. Я открываю глаза и обнаруживаю, что лежу на диване в кабинете, а надо мной стоит Тедди с айпадом в руках.

– Он снова разрядился.

Я совершенно уверена, что он ошибается. Я отключила айпад от розетки перед самым обедом, и там было сто процентов заряда. Но, усевшись на диване, я понимаю, что в кабинете стало значительно темнее: в окна, которые выходят на север, больше не светит солнце.

Часы на каминной полке показывают 17:17, но этого не может быть, они наверняка сломаны.

Я тянусь за своим телефоном и вижу, что на нем 17:23.

Я проспала четыре часа.

И Максвеллы будут дома с минуты на минуту.

– Тедди, что случилось? Почему ты меня не разбудил?

– Я дошел до тридцатого уровня! – гордо сообщает он. – И открыл восемь новых карт!

Руки у меня испачканы. Подушечки пальцев и ладони все в чем-то черном, как будто я копалась в земле. На коленях валяется огрызок карандаша, а по полу рассыпаны мелки, маркеры и фломастеры – те самые, которые Каролина спрятала в шкафчик над холодильником.

Тедди с изумлением в глазах оглядывает кабинет.

– Мама очень рассердится.

Я прослеживаю за направлением его взгляда и вижу, что стены от пола до потолка покрыты рисунками – множеством плотно заштрихованных и тщательно проработанных рисунков.

– Тедди, зачем ты это сделал?

– Я? Я ничего не делал!

Разумеется, он этого не делал. Он не смог бы! Не дотянулся бы. И это не у него все руки в угле и графите. Я подхожу поближе, чтобы посмотреть. Это Анины рисунки, в этом у меня нет никаких сомнений. Они покрывают все свободные участки стен.

– Мэллори? Ты в порядке?

Тедди дергает меня за край футболки. Нет, малыш, со мной не все в порядке. Со мной совершенно определенно не все в порядке.

– Тедди, послушай меня. Нам нужно ликвидировать это безобразие до того, как мама с папой приедут домой. У тебя в комнате есть ластики? Такие большие розовые?

Он смотрит на разбросанные по полу карандаши.

– Тут все, что у меня есть. Но мне нельзя больше их трогать. Пока мы во всем не разберемся.

Впрочем, все равно уже слишком поздно. Я слышу звук подъезжающей к дому машины. Я выглядываю в окно и вижу не только Теда с Каролиной, но и Адриана. Он паркует свой фургон перед

домом. Сейчас я должна была бы наряжаться в одно из летних платьев Каролины, готовясь к романтическому ужину в Принстоне.

– Иди наверх, Тедди.

– Почему?

– Потому, что я не хочу, чтобы ты здесь находился.

– Почему?

– Пожалуйста, просто иди наверх. Очень тебя прошу. – На столе лежит зарядка, и я даю ее Тедди. – Пойди заряди айпад у себя в комнате.

– О, здорово!

Тедди берет айпад и зарядку и убегает из кабинета, как будто считает, что ему что-то очень удачно сошло с рук. Я слышу на лестнице топот его маленьких ног.

А потом звук открывающейся двери, шуршание дверной щетки, скользящей по кафельному полу. Голос Каролины, приглашающей Адриана войти в дом.

– Куда вы поедете ужинать?

– В одно отличное место, где подают тапас, – отвечает он. – Там делают потрясающие пататас бравас.

– Мм, а что это такое? – интересуется Тед.

– О, мистер Максвелл, это такая вкусная картошка фри, какой вы не попробуете больше нигде.

Я понимаю, что нужно перехватить их и каким-то образом подготовить к тому, что я сделала. Я направляюсь в кухню, где Каролина спрашивает у Адриана, не хочет ли он чего-нибудь выпить. Дверца шкафчика над холодильником распахнута настежь, его содержимое отсутствует, но Каролина этого пока не заметила.

И Адриан такой красивый, что больно смотреть. Такое впечатление, что он только что вышел из душа. Волосы у него все еще слегка влажные, на нем строгие темные джинсы и отутюженная белая рубашка. Никто не замечает, что я вошла в кухню, пока я не объявляю о своем присутствии.

– Кое-что произошло.

Каролина смотрит на меня во все глаза:

– Мэллори?

– Что у тебя с руками? – спрашивает Тед.

Адриан бросается ко мне:

– С тобой все в порядке?

И я понимаю, что он моя единственная надежда.

Он единственный, кто, может быть, мне поверит.

– Это прозвучит как полный бред, но клянусь, я говорю правду.

После того как Тедди ушел к себе в комнату на тихий час, я почувствовала, что очень устала и прилегла на диван отдохнуть. Я хотела всего лишь немного полежать с закрытыми глазами. А потом каким-то образом – я не понимаю, как это случилось, – дух Ани вселился в мое тело.

Каролина смотрит на меня во все глаза.

– Что?

– Я понимаю. Я понимаю, что это звучит как полный бред. Но пока я спала, она заставила меня вытащить все карандаши, мелки и фломастеры. – Я указываю на пустой шкафчик над холодильником. – А поскольку вы забрали всю бумагу, она заставила меня изрисовать все стены. Она не могла вселиться в Тедди, поэтому вселилась в меня.

Адриан обнимает меня за талию.

– Послушай, все в порядке. Тебе ничто не угрожает. Мы во всем разберемся.

Каролина протискивается мимо меня и твердым шагом направляется в кабинет. Мы все идем следом. Она останавливается на пороге и потрясенно ахает при виде стен.

– Где Тедди?

– У себя в комнате. С ним все в порядке.

Каролина бросает взгляд на мужа. Тот спешит по лестнице на второй этаж.

Я пытаюсь пересказать Каролине по порядку все события дня.

– Он ушел к себе в комнату в начале второго. На тихий час. Я разрешила ему взять с собой айпад, как вы сказали. Он спустился сюда только десять минут назад. Прямо перед тем, как вы приехали.

– Четыре часа? – Она вскидывает брови.

Я показываю Адриану ладонь правой руки, всю в графитной пыли и мозолях.

– Я левша, как и Тедди. Я не могла нарисовать это сама. Они в точности напоминают те рисунки, которые я нашла у себя в коттедже.

– Да, именно! Стиль совпадает! – Он вытаскивает телефон и обходит комнату, фотографируя различные сцены. – Первым делом

нужно сопоставить их с теми рисунками. Посмотреть, как они вписываются в последовательность.

– Нет, – произносит Каролина. – Первым делом мы сделаем анализ на наркотики. Прямо сейчас. Или я звоню в полицию.

Адриан смотрит на нее во все глаза.

– Анализ на наркотики?

– Как я могла оставлять тебя наедине с нашим сыном? Как я могла тебе доверять? Чем я только думала?

– Я не употребляю. – Я стараюсь говорить негромко, как будто возможно каким-то образом сохранить это между нами. Как будто Адриан не стоит тут же и не слушает. – Клянусь вам, Каролина, я чиста.

– Тогда тебе нечего бояться. Когда ты устраивалась к нам на работу, ты согласилась проходить тестирование каждую неделю. Ты сама это предложила. В любой день по нашему выбору. – Она берет меня за запястье и пристально разглядывает кожу в поисках следов от уколов. – Видимо, надо было начать гораздо раньше.

Тед спускается со второго этажа и взглядом дает понять Каролине, что с Тедди все в полном порядке. Адриан тем временем пытается убедить Каролину, что она неверно истолковала ситуацию.

– Миссис Максвелл, я не очень понимаю, о чем вы говорите, но Мэллори не употребляет наркотики. Думаете, она смогла бы получать спортивную стипендию, если бы сидела на героине? Да Пенсильванский университет в два счета выкинул бы ее из сборной.

В комнате воцаряется неловкая тишина, и я понимаю, что Каролина дает мне возможность объясниться самостоятельно. К глазам у меня подступают слезы, потому что я вовсе не так это планировала.

– погоди, не надо, – говорю я ему. – Потому что, ну, в общем, я была не до конца честна с тобой.

Адриан все еще обнимает меня, но уже не так крепко.

– Что все это значит?

– Я собиралась рассказать тебе правду сегодня вечером.

– О чем ты?

Я по-прежнему не могу ему признаться.

Я по-прежнему даже не представляю, с чего начать.

– Мэллори не учится в Пенсильванском университете, – объясняет Тед. – Она провела последние полтора года в реабилитационном

центре. Она употребляла рецептурные обезболивающие и героин.

– И другие наркотики, которые она даже не может вспомнить, – добавляет Каролина. – Мозгу нужно время, чтобы восстановиться, Мэллори.

Теперь Адриан больше меня не обнимает. Теперь я просто вишу на нем, как куль, как какой-то паразит. Он отстраняет меня, чтобы заглянуть в лицо.

– Это правда? – спрашивает он.

– Я не употребляю наркотики, – говорю я ему. – Клянусь тебе, Адриан, в следующий вторник будет год и восемь месяцев, как не употребляю.

Он отшатывается от меня, как будто я его ударила. Каролина сочувственно кладет руку ему на плечо.

– Тебе, должно быть, нелегко это слышать. Мы были совершенно уверены, что Мэллори была честна с тобой относительно своего прошлого. Мы думали, она рассказала тебе правду.

– Нет, это не так.

– Адриан, в ветеранском госпитале я работаю со множеством наркоманов. Они хорошие люди, и наша главная задача – вернуть их обратно в общество. Но иногда это происходит преждевременно. Иногда мы отпускаем их раньше, чем они оказываются к этому готовы.

Я в ярости вскидываю на Каролину глаза.

– Ко мне это все не имеет никакого отношения! Я не употребляю наркотики! И рисовать я вообще не умею! Клянусь вам, Каролина! С этим домом что-то не так. Призрак Энни Барретт преследует вашего сына, а теперь он преследует и меня тоже, и это то, что она пытается донести до нас. – Я обвожу жестом изрисованные стены. – Это ее история!

И, судя по всему, я произвожу ненормальное впечатление, потому что Адриан смотрит на меня с выражением какого-то замешательства на лице. Словно впервые видит.

– А все остальное правда? – спрашивает он. – Ты была в реабилитационном центре? Ты употребляла героин?

Мне так стыдно, что я не могу выдать из себя ни слова в ответ, но он сам все понимает по моему лицу. Ни слова не говоря, он разворачивается и выходит из кабинета. Я бросаюсь за ним, но Каролина преграждает мне дорогу.

– Оставь его в покое, Мэллори. Ему сейчас и так нелегко.

Я выглядываю в окно и вижу, как Адриан с искаженным от боли лицом идет по дорожке. Преодолев примерно половину расстояния до машины, он переходит на бег, как будто ему не терпится поскорее очутиться подальше от меня. Он садится в свой черный пикап и отъезжает от обочины.

Я поворачиваюсь к Каролине и вижу, что она держит в руках пластиковый стаканчик.

– Идем. Давай покончим с этим.

Она ведет меня в туалет. Я захожу внутрь и тянусь закрыть дверь, но Каролина качает головой. Такое впечатление, что она опасается, что я каким-то образом подменю образец, как будто я постоянно ношу при себе пузырек с чистой мочой – просто на всякий случай. Спасибо, что у нее хватает такта отвернуться, когда я спускаю шорты и пристраиваюсь над унитазом. Пройдя через эту процедуру не одну сотню раз, я наловчилась проделывать это, не пролив мимо стаканчика ни единой капли. Я ставлю его на край раковины, натягиваю шорты и мою руки. Вода с моих ладоней стекает черная, оставляя на стенках раковины грязные потеки. Я беру мыло и тру пальцы и ладони, но графит въелся в кожу, точно чернила, точно пятна, которые никогда не сойдут.

– Я буду ждать тебя в кабинете, – говорит Каролина. – Мы не начнем без тебя.

После моих попыток отмыть руки на белоснежном фаянсе раковины остается мерзкий серый налет. Я пытаюсь оттереть его туалетной бумагой, потом вытираю руки о шорты.

Когда я прихожу в кабинет, Тед с Каролиной сидят на диване, а стаканчик с мочой стоит на кофейном столике, накрытый поверх бумажным полотенцем. Каролина показывает мне тест-карту, запаянную в целлофан, чтобы продемонстрировать, что ее никто не трогал. Потом вскрывает обертку, освобождает пять тест-полосок и опускает их в стаканчик.

– Послушайте, я понимаю, почему вы это делаете, но результат будет отрицательный. Клянусь вам. Я не употребляю уже двадцать месяцев.

– Мы хотим тебе верить, – говорит Каролина, потом переводит взгляд на стены. – Но мы должны понять, что произошло здесь

сегодня.

– Я вам уже сказала, что произошло. Аня вселилась в мое тело. Она использовала меня как марионетку. Это не я нарисовала все эти картины. Это она!

– Если мы намерены это обсуждать, – говорит Каролина, – нам необходимо сохранять спокойствие. Мы не должны кричать друг на друга.

Я перевожу дух.

– Хорошо. Ладно.

– Так вот, прежде чем взять тебя на работу, мы очень долго говорили с Расселом о твоём прошлом. Он рассказал нам о твоих проблемах – о ложных воспоминаниях, о провалах в памяти...

– Это другое. У меня больше нет этих проблем.

– Если ты помнишь, пару дней назад у Тедди куда-то запропастилась коробка с карандашами. Он пришел ко мне в слезах, потому что нигде не мог ее найти. А вскоре после этого в твоём коттедже начали магическим образом появляться эти рисунки. Поразительное совпадение, тебе не кажется?

Я смотрю на стаканчик с мочой. Прошла всего минута. Для результата еще слишком рано.

– Каролина, я прямую линию на бумаге провести не в состоянии. В старших классах у меня один семестр было рисование. Я получила три с плюсом. Я никогда в жизни не смогла бы нарисовать такие картинки.

– Мои пациенты в один голос твердят то же самое. «Да я даже под дулом пистолета не смог бы изобразить ничего путного!» А потом они пробуют арт-терапию, и результаты оказываются просто поразительными. Они рисуют совершенно потрясающие картины, чтобы проработать свою травму. Чтобы осмыслить правду, которой они не готовы взглянуть в глаза.

– Это другое.

– Взгляни на женщину на твоих рисунках. Она молодая и высокая. У нее атлетическое телосложение. На рисунках она *бежит*, Мэллори. Она никого тебе не напоминает?

Я понимаю, к чему Каролина клонит, но она ошибается.

– Это не автопортрет.

– Это символический образ. Визуальная метафора. Ты потеряла младшую сестру. Ты расстроена, ты в панике, тебе отчаянно хочется ее вернуть – но это невозможно. Она уже скрылась в долине смерти. – Каролина обходит кабинет, привлекая мое внимание к одной картинке за другой. – А потом за ней приходит ангел – метафора вполне прозрачная, верно? Ангел ведет Бет к свету, и ты не можешь их остановить. Бет уже на той стороне и никогда не вернется назад. Ты знаешь это, Мэллори. Все это изображено здесь, на стене. Это не Анина история. Это твоя история. История Бет.

Я качаю головой. Мне не хочется впутывать в это Бет. Мне неприятно даже слышать, как Каролина произносит ее имя.

– Мы знаем, что произошло, – продолжает она между тем. – Рассел рассказал нам твою историю. Это ужасно, Мэллори. Я очень тебе сочувствую. Я знаю, что ты несешь в душе груз вины, вины и горя. Но если ты не позволишь себе прожить эти чувства, если ты просто продолжишь подавлять их... – Она обводит рукой комнату с изрисованными мною стенами. – Это все равно что пар под давлением, Мэллори. Они найдут слабое место и вырвутся наружу.

– А остальные рисунки? Тот, где эту женщину душат?

– Это буквальное выражение какой-то абстрактной концепции, – поясняет Каролина. – Возможно, горя или пристрастия к наркотикам. Пагубного пристрастия, которое тебя убивает.

– А тот, на котором ее тащат по лесу?

– Возможно, это кто-то, кто вытащил тебя из этой зависимости. Куратор или наставник. Например, Рассел?

– Почему тогда он меня закапывает?

– Он не закапывает тебя, Мэллори. Он тебя освобождает. Выкапывает из-под горы героина и возвращает обратно в общество. И ты только посмотри, каких успехов ты добилась!

Каролина показывает мне тест-карту. Все пять тест-полосок – определяющие наличие в моче следов марихуаны, опиоидов, кокаина, амфетаминов и метадона, – все они показали отрицательный результат.

– Двадцать месяцев без наркотиков, – восклицает Тед. – Молодчина!

– Мы очень тобой гордимся, – говорит Каролина. – Но очевидно, что впереди у тебя еще очень много работы, верно?

Я не знаю, что ей на это сказать.

Согласна, между Аниными рисунками и моей личной историей можно провести некоторые озадачивающие параллели.

И да, в прошлом у меня случались провалы в памяти, ложные воспоминания и прочие психологические последствия пристрастия к наркотикам.

Но в коттедже у меня лежат еще двенадцать рисунков, от которых разит смертью, и это дело не моих рук.

– Это Аня их нарисовала. Не я.

– Аня – воображаемая подружка Тедди. Он понимает, что она выдуманная. И что ее на самом деле не существует.

– Тедди напуган и сбит с толку. Он повторяет все, что вы ему говорите. Я понимаю, вы оба учились в отличных школах и считаете, что знаете о мире все. Но вы ошибаетесь относительно этих рисунков, вы ошибаетесь относительно этого дома и вы ошибаетесь относительно Тедди. У вас под носом творится какая-то очень непонятная хрень, а вы упорно не желаете этого признавать!

Я уже кричу в полный голос, я ничего не могу с собой поделаться, но Тед с Каролиной непоколебимы. Я вижу, что они меня уже даже не слушают, что они готовы идти дальше.

– Думаю, на этом следует закончить спор, – говорит Каролина. – Может, это призрак, а может, это просто чувство вины. Это не имеет никакого значения, Мэллори. Сухой осадок заключается в том, что ты оставила нашего сына без присмотра на четыре часа, и мы больше не можем доверять тебе приглядывать за ним.

Тед соглашается, что «необходимо что-то менять», и Каролина говорит, что полезно будет рассматривать этот момент как переломный, как возможность улучшить ситуацию для всех.

И оба они излучают такую доброжелательность, такую поддержку и ободрение, что до меня не сразу доходит: меня увольняют.

Через десять минут после того, как я вернулась к себе в коттедж, у меня начинает пиликать телефон.

Это Рассел. Он звонит из крошечного мотеля на шоссе 66, расположенного где-то в пустыне между Лас-Вегасом и Гранд-

Каньоном. Связь плохая, разговор то и дело прерывается треском и шипением помех.

– Куинн! Что случилось?

– Похоже, я лишилась работы.

– Ты совершенно определенно лишилась работы! Каролина прислала мне фотографии твоих художеств! Что за чертовщина у вас там происходит?

– С этим домом что-то не так, Рассел! В нем обитает какая-то потусторонняя сущность. Сперва она преследовала Тедди, а теперь переключилась на меня.

– Потусторонняя сущность? – Обыкновенно Рассел излучает энергию и энтузиазм, но сейчас в его голосе внезапно слышится усталость с легкой ноткой разочарования. – Ты имеешь в виду что-то вроде призрака?

– Я не употребляю. Каролина меня протестировала.

– Я в курсе.

– Это не совсем призрак. Это...

Нас прерывает шипение помех, и я уже начинаю думать, что связь прервалась, но тут в трубке снова слышится его голос.

– Тебе нужно сходить на собрание. Сколько там у вас сейчас времени? Шесть тридцать? Сегодня у нас пятница, да? Попробуй церковь Святого Искупителя. Кажется, они начинают в семь.

– Мне не нужно на собрание.

– У тебя есть друзья, которым ты можешь позвонить? Кто-то, у кого ты могла бы пока пожить? Я не хочу, чтобы ты сегодня ночевала одна. – Судя по всему, по моему молчанию он понимает, что помощи мне ждать не от кого. – Так, ладно, слушай меня. Я возвращаюсь домой.

– Не надо!

– Все в порядке. Мне все равно здесь не нравится. Погода кошмарная. Мне приходится тренироваться в помещении, на беговой дорожке, потому что на улице через десять минут сердце от жары останавливается.

Он объясняет, что сможет приехать за мной только через два или три дня. Сейчас он на пути в Гранд-Каньон, так что ему придется вернуться обратно в Лас-Вегас и купить себе новый билет на самолет.

– Так что при хорошем раскладе я буду в воскресенье, но более реалистичная оценка – в понедельник. Тебе просто нужно продержаться до понедельника, хорошо? Мы с Дорин приедем и заберем тебя. Поживешь несколько недель у меня, мы найдем тебе врача. А пока продумай план «Б».

– Спасибо, Рассел.

Я выпускаю телефон из руки и закрываю глаза. Я знаю, что надо бы вылезти из постели, пойти на собрание в церковь или хотя бы сообразить себе что-нибудь на ужин. Но за окном идет дождь, начавшийся, как это часто бывает летом, совершенно неожиданно. Порывы ветра сотрясают крышу, по оконным стеклам ручьями стекает вода. Я не могу никуда выйти, и мне некому даже позвонить. Меня бросает в дрожь при мысли о предстоящих выходных и перспективе в одиночестве ждать Рассела. У меня остались подруги в «Спасительной гавани», но мне стыдно рассказывать им, что я натворила.

Разумеется, у меня есть еще и дружки из времен до «Спасительной гавани». Я стерла их имена и телефоны из списка контактов, но отыскать их будет несложно. От Спрингбрука до Филадельфии всего полчаса на поезде. Если я появлюсь на Кенсингтон-авеню, то наверняка встречу там множество знакомых лиц, множество старых друзей, которые будут рады меня видеть, рады приветствовать меня дома. На счету у меня тысяча двести долларов. Я могу собраться и уехать, и никто не будет по мне скучать.

Кроме Тедди.

Тедди будет по мне скучать, это я знаю точно.

Я не могу уехать от него не попрощавшись.

Мне нужно продержаться здесь до того момента, когда я смогу с ним объясниться, донести до него, что во всем этом нет его вины.

Поэтому я остаюсь в моем маленьком идеальном домике, самом прекрасном из всех мест, где мне когда-либо доводилось жить, великолепно обставленном, напоминающем обо всем, чего я только что лишилась. Дождь все идет и идет, и звон в ушах кажется невыносимым – такое впечатление, что в голове у меня полным-полно комаров. Я с размаху бью себя по лицу подушкой и кричу, но ничто не в состоянии заглушить этот звон.

В ту ночь я сплю десять, двенадцать, четырнадцать часов. Каждый раз, просыпаясь, я вспоминаю, что произошло, и снова заматываюсь в

одеяло, чтобы уснуть.

В десять утра в субботу я встаю и заставляю себя пойти в душ. После этого становится немного получше. Я выхожу на крыльцо и вижу прижатый камнем к доскам лист бумаги.

«Боже правый, – думаю я про себя. – Я в самом деле схожу с ума».

Но это всего лишь записка от Каролины.

Дорогая Мэллори,

мы с Тедом решили отвезти Тедди на океан. Мы сказали ему, что ты уезжаешь, и он, разумеется, расстроился. Мы надеемся, что день на пляже поможет ему отвлечься. Нас не будет допоздна, так что двор и бассейн в полном твоём распоряжении.

Да, кстати: сегодня утром звонил Рассел. Он купил билет на ночной рейс на завтра и будет здесь в понедельник утром, между десятью и одиннадцатью утра.

Мы хотели бы завтра устроить праздник, чтобы поблагодарить тебя за то время, которое ты провела в нашей семье – с купанием в бассейне, обедом, десертом и так далее. Часа в три, если тебе это будет удобно. Звони, если тебе что-то понадобится или просто захочется поговорить. Я рядом, чтобы помочь тебе с переходом на новый этап твоей жизни.

С любовью, Каролина.

Я иду в большой дом, чтобы налить себе апельсинового сока, но, когда подхожу к двери и ввожу на кодовом замке код доступа, он не срабатывает. Ну разумеется. Возможно, Тед с Каролиной и не боятся оставить меня в одиночестве на заднем дворе, но вот к ним в дом – после того, как я изрисовала все стены, – мне ходу больше нет.

Я знаю, что надо бы выйти на пробежку. Я знаю, что мне полегчает, если я пробегу несколько миль. Но мне стыдно выйти за пределы двора, стыдно показаться людям на глаза. Мне кажется, что новость о моем обмане уже разлетелась по округе и теперь все в Спрингбруке знают мой секрет. Я возвращаюсь к себе в коттедж, насыпаю в тарелку кукурузных колечек и тут вспоминаю, что молоко закончилось. Я съедаю колечки всухомятку, руками, потом забираюсь в постель с планшетом и иду на канал «Холлмарк» в поисках какого-нибудь фильма, который можно было бы посмотреть, но внезапно все они кажутся мне ужасными, пошлыми и фальшивыми – полными ложных обещаний и слюнявых хеппи-эндгов.

Я минут десять смотрю какую-то белиберду под названием «Рождественские приключения любительницы обуви», когда на моем крыльце раздаются чьи-то шаги, а следом негромкий стук в дверь. Наверное, Митци пришла извиниться за свое поведение во время сеанса. Я кричу: «Я занята!» – и увеличиваю громкость.

В окне появляется лицо Адриана.

– Нам нужно поговорить.

Я выскакиваю из постели и открываю дверь.

– Да, очень нужно, потому что...

– Не здесь, – обрывает меня он. – У меня там машина. Поехали прокатимся.

Он не говорит, куда мы едем, но как только мы сворачиваем к съезду на шоссе 295, я догадываюсь сама. Мы вливаемся в плотный поток стремительно несущихся машин, доезжаем до развязки с шоссе 76 и пересекаем мост Уолта Уитмена, подвешенный на толстых стальных канатах над верфями и портами реки Делавер. Мы едем в Южную Филадельфию.

– Вовсе не обязательно это делать. Поехали обратно.

– Мы уже почти приехали, – говорит он. – Осталось пять минут.

Для футбола слишком рано, и команда, судя по всему, где-то на выезде, поскольку машин на шоссе практически нет. Адриан съезжает на Орегон-авеню. Он то и дело поглядывает на навигатор, но отсюда я смогла бы подсказывать ему дорогу даже с закрытыми глазами. Я до сих пор помню каждую улочку, каждый дорожный знак и каждый светофор. Все старые заведения по-прежнему на своем месте: ресторанчики быстрого питания и сэндвичные, азиатские супермаркеты, магазинчики, торгующие сотовыми телефонами, и спортивный бар со стрип-клубом, куда прямо со школьной скамьи отправились работать две мои одноклассницы. Моему старому району очень далеко до Спрингбрука. Улицы все в выбоинах, тротуары усыпаны осколками битых бутылок и куриными костями. Но многие дома обшиты свежим сайдингом и выглядят лучше, чем в моей памяти, как будто их обитатели прикладывают усилия к тому, чтобы поддерживать все в презентабельном виде.

Адриан останавливается на углу Восьмой улицы и Шанк-стрит. Видимо, он нашел мой адрес в Интернете, потому что мы стоим прямо

напротив приземистого строения, которое я когда-то считала своим родным домом. Швы кирпичной кладки подновлены, ставни выкрашены свежей краской, а на месте нашего бывшего «дворика», усыпанного белым гравием, зеленеет трава. Рядом с входной дверью стоит на стремянке незнакомый мужчина в рабочих рукавицах и очищает водосток от сухой листвы.

Адриан переключается в парковочный режим и включает «аварийку». Я не видела никого из соседей со школьных времен и боюсь, что меня могут заметить. Дома здесь вплотную примыкают друг к другу, и мне кажется, что сейчас все откроют двери и высыплют на улицу, чтобы поглазеть на меня.

– Пожалуйста, поехали отсюда.

– Так вот где ты выросла?

– Ты и без меня знаешь, что это так.

– Что это за мужчина на стремянке?

– Я не знаю. Поехали, пожалуйста, очень тебя прошу.

Мужчина на стремянке оборачивается и внимательно на нас смотрит. Он среднего роста, лысеющий и невысокий, одет в футболку с логотипом «Филадельфия иглз».

– Вам что-то нужно?

Я никогда прежде его не видела. Может быть, моя мать наняла ремонтника. Но скорее всего, она продала дом и этот человек – новый хозяин. Я с извиняющимся видом машу рукой и поворачиваюсь к Адриану.

– Если ты не уедешь прямо сейчас, я выйду из машины и пойду в Спрингбрук пешком.

Он нажимает на педаль, и мы едем на зеленый свет. Я подсказываю ему, как доехать до парка Рузвельта, любимого места жителей Южной Филадельфии для устройства пикников, празднования дней рождений и проведения свадебных фотосессий. В моем детстве мы все называли его Озерами, потому что в нем масса прудов и озер. Самое большое из них – Мидоу, и мы находим скамеечку, откуда открывается хороший вид на воду. Вдали на горизонте, выделяясь на фоне серого неба, виднеется поднятое на опорах шоссе 95 – шесть полос, по которым машины спешат в аэропорт и из аэропорта. Мы с Адрианом долго молчим, потому что ни один из нас не знает, с чего начать.

– Я не врала про стипендию, – говорю я ему. – В десятом классе я пробежала пять километров за пятнадцать минут двадцать три секунды. Это шестой результат среди девушек в Пенсильвании. Можешь погуглить.

– Я уже погуглил, Мэллори. В тот день, когда мы познакомились, я побежал домой и отыскал всех Мэллори Куинн в Филадельфии. Я нашел все твои школьные данные. Этого было достаточно, чтобы твоя история показалась мне достоверной. – Он издает смешок. – Но ничего в «Твиттере», ничего в социальных сетях. Я подумал, что это круто – этаким ореол таинственности. У нас в Ратгерсе все девчонки круглосуточно сидят в «Инстаграме», постят гламурные фоточки и вытягивают комплименты. А ты была другой. Ты казалась мне такой уверенной в себе. Я и представить себе не мог, что ты что-то скрываешь.

– Я по большей части была с тобой честна.

– По большей части? Что это означает?

– Я солгала тебе только про мое прошлое. И ни про что больше: ни про Анины рисунки, ни тем более про то, как я к тебе отношусь. Я собиралась рассказать тебе правду вчера вечером, во время ужина, честное слово.

Он ничего не говорит, лишь молча смотрит на озеро. Поблизости ребяташки запускают дрон; он похож на крохотный НЛО с восемью бешено вращающимся пропеллерами, и каждый раз, когда он пролетает мимо, кажется, как будто это рой пчел. Я понимаю, что Адриан ждет продолжения, что он дает мне шанс рассказать ему все начистоту. Я делаю глубокий вдох.

– Ну, в общем...

Все мои беды начались со стрессового перелома крестца – крошечной трещинки в треугольной кости в основании позвоночника. Это произошло в сентябре моего последнего школьного года, и мне было рекомендовано на восемь недель исключить все физические нагрузки – в самом начале легкоатлетического сезона. Это была плохая новость, но не полная катастрофа. Подобная травма для молодых

бегуний дело обычное, лечится она несложно, и на моем предложении от Пенсильванского университета это сказаться было не должно. В качестве обезболивающего мне прописали оксикодон – по одной таблетке в сорок миллиграммов два раза в день. Все утверждали, что к ноябрьским соревнованиям я буду как новенькая.

Я по-прежнему приходила на все тренировки, таскала оборудование и помогала подсчитывать чужие результаты, но смотреть на товарищей по команде со зрительских мест, думая о том, что я сейчас должна была бы бежать вместе с ними, было нелегко. К тому же теперь, когда у меня образовалось больше свободного времени, мать рассчитывала, что я буду больше помогать ей по дому. Готовить, делать уборку, ходить за покупками и присматривать за сестрой.

Мама растила нас в одиночку. Она была невысокая и полная и выкуривала по пачке сигарет в день – несмотря на то, что работала в больнице Милосердия администратором отдела выставления счетов, так что осознавала все риски для здоровья. Мы с Бет всегда хотели, чтобы она бросила курить, и постоянно прятали ее сигареты под диваном и в прочих местах, куда она никогда в жизни не догадалась бы заглянуть. А она просто каждый раз шла и покупала новые. Она утверждала, что курение для нее – способ снять стресс, и требовала, чтобы мы оставили ее в покое. Она никогда не упускала возможности напомнить нам, что у нас нет ни бабушек с дедушками, ни тетей с дядями, а повторное замужество ей совершенно определенно не светит, так что мы трое должны стоять друг за друга. Все наше с сестрой детство прошло под этим девизом: стоять друг за друга.

Трижды или четырежды в год больница просила маму выйти на работу в субботу, чтобы разобраться со всеми спорными счетами, в которых никто ничего не мог понять. Как-то раз в пятницу вечером маме позвонили, и она сказала нам, что ее попросили выйти завтра на работу. А мне придется отвезти сестру в «Страну сказок».

– Мне? Но почему я?

– Потому что я обещала ее туда отвезти.

– Так поезжайте в воскресенье. В воскресенье же ты выходная.

– Но Бет хочет взять с собой Чэнгуан, а Чэнгуан может только в субботу.

Чэнгуан была лучшей подругой моей сестры. Она красила волосы в розовый цвет и клеила на щеки кошачьи усы. Они с Бет состояли в

каком-то аниме-клубе.

– У меня завтра сборы! В Велли-Фордж. Я вернусь только в три.

– Ничего страшного, пропустишь, – отрезала мать. – Все равно ты не бегаешь. Обойдутся они там без тебя.

Я попыталась объяснить ей, что мое присутствие обеспечивает товарищам по команде колоссальную психологическую поддержку, но она была непреклонна.

– Ты повезешь Бет и Чэнгуан.

– Они уже слишком взрослые для «Страны сказок»! Это парк для малолеток!

– Они едут туда по приколу. – Мать открыла заднюю дверь, закурила сигарету и выпустила сквозь сетчатый экран струю дыма. – Они знают, что уже слишком взрослые, поэтому и хотят туда поехать.

Она пожала плечами, как будто это было самое логичное в мире обоснование.

На следующее утро – в субботу, седьмого октября – Чэнгуан явилась к нашему дому. На ней была желтая футболка с переливчатым белым единорогом и вытертые джинсы. Она протянула мне открытый пакетик с кислыми мармеладными спагетти и предложила угощаться. Я покачала головой и сказала, что лучше умру. Тут со второго этажа спустилась Бет в точно такой же футболке с единорогом и точно таких же джинсах. По всей видимости, они заранее договорились одеться одинаково: это была часть нашего безумного приключения.

Я настояла на том, чтобы выехать из дома ровно в девять утра. Я планировала ехать, пока мои товарищи по команде будут бежать, а потом, как только мы доберемся до «Страны сказок», позвонить и узнать результаты. Но Чэнгуан накануне укусил паука, укус страшно чесался, так что нам пришлось заехать в аптеку за бенадрилом. Из-за этого мы потеряли полчаса и на мосту Уолта Уитмена были только в девять тридцать, а на шоссе до Атлантик-Сити выехали только в девять сорок пять. Три полосы машин неслись в сторону побережья со скоростью восемьдесят миль в час. Я открыла окна и на полную громкость врубила радио, чтобы не слышно было, как Бет с Чэнгуан хихикают на заднем сиденье. Они без умолку болтали, постоянно перебивая и заглушая друг друга. Мой телефон лежал на панели между передними сиденьями. Я поставила его заряжаться от прикуривателя. Сквозь музыку тренькнуло входящее сообщение – а следом еще одно и

еще. Я знала, что это, скорее всего, моя подруга Лейси – обходиться одним сообщением там, где можно было написать пять, было не в ее правилах. Машин впереди в моей полосе не было. Я бросила взгляд на телефон, на ленту входящих уведомлений на экране.

ОФИГЕТЬ

Я В ШОКЕ

!!!!!!!!!!!!!!!

Ты не поверишь кто занял третье место.

Часы на приборной панели показывали 9:58. По-видимому, забег у девушек завершился, и Лейси, как и обещала, собиралась отправить мне результаты. Я снова бросила взгляд на дорогу, потом одной рукой взяла телефон, ввела пароль и осторожно набрала ответ: рассказывай.

Сбоку на экране появились три мигающие точки, означавшие, что Лейси набирает ответ. По радио Эд Ширан что-то пел про замок на холме. Я помню, как бросила взгляд в зеркало заднего вида. На хвосте у меня висел джип, чуть ли не упираясь мне в бампер, и я машинально прибавила газу, чтобы немного увеличить дистанцию между нами. Бет с Чэнгуан в зеркале заднего вида жевали одну спагеттину на двоих. Они ели ее с двух концов одновременно, как собаки в мультике «Леди и бродяга», и хихикали как невменяемые. Я помню, что еще подумала: ну что за дурищи? Это, что ли, нормальное поведение для подростка? И тут телефон у меня в руке завибрировал, сигнализируя, что Лейси ответила.

Следующее, что я помню, это как очнулась в среду в больнице в городке Вайнланд, в Нью-Джерси. Левая нога у меня была переломана, в трех ребрах трещины, все тело опутано проводами от полудюжины мониторов и медицинских приборов, к которым меня подключили. Рядом с моей кроватью, сжимая в руках блокнот на пружинках, сидела мать. Я попыталась сесть, но не смогла даже пошевелинуться. Я ничего не понимала. Она начала бессвязно что-то объяснять. На шоссе оказался велосипед. Какая-то семья везла спортивный инвентарь, горный велосипед упал и остался лежать на дороге, и все машины объезжали его. «Где Бет?» – спросила я, и лицо матери исказила гримаса. И тогда я все поняла.

Водитель машины, которая ехала впереди меня, получил перелом ключицы. Все пассажиры джипа сзади отделались незначительными повреждениями. На Чэнгуан не было ни единой царапины. Моя сестра

оказалась единственной погибшей, но врачи сказали, что я была на волосок от того, чтобы последовать за ней. Все в один голос твердили, что я не должна ни в чем себя винить, что я ничего плохого не сделала. Все обвиняли семью с горным велосипедом. Ко мне в больницу приходили полицейские, но никакого расследования не было. В какой-то момент, пока наша машина кувыркалась по дороге, мой телефон вылетел из окна и то ли был раздавлен в крошево, то ли затерялся в зарослях высоких лиловых цветов на обочине. Я так никогда и не узнала, кто занял третье место.

Через две недели я вышла из больницы с новым рецептом на оксикодон, который мне было предписано принимать по необходимости в случае боли, но я испытывала боль круглосуточно, каждый день, с того момента, когда утром открывала глаза, и до той минуты, когда вечером падала в постель. Таблетки немного ее притупляли, и я каждый раз упрашивала врачей выписать мне новый рецепт – чтобы пережить сначала Хеллоуин, потом День благодарения, потом Рождество, – но к февралю я уже ходила не хромя, и кран перекрыли.

Такой боли я не испытывала никогда. Это то, чего люди не понимают про оксикодон – ну или, по крайней мере, мы не до конца понимали тогда. За несколько месяцев лекарство полностью переформатировало мой мозг, завладевая все большим и большим количеством моих болевых рецепторов, так что теперь оксикодон был необходим мне просто для того, чтобы существовать. Без него я не могла ни спать, ни есть, ни сосредоточиться в школе. Никто не предупреждал меня об этом. Никто не сказал, что будет так трудно.

Тогда-то я и начала подкатывать к одноклассникам – просить их заглянуть в семейную аптечку, пошарить у родителей по тумбочкам. Вы поразитесь, как много людей держат у себя дома оксикодон. А когда и этот источник иссяк, я обзавелась подружкой, бойфренд которой знал нужного человека. Мне не пришлось долго искать оправдания тому, что я покупаю окси из-под полы. В конце концов, это же были те самые таблетки, которые прописывали мне врачи. Я покупала лекарство, а не наркотик. Но цена была космической, и за месяц я выгребла все свои сбережения. Три кошмарных дня я страдала приступами холодного пота и тошнотой, прежде чем один из

новообретенных в поисках таблеток приятелей не познакомил меня с более дешевой и практичной альтернативой.

Героин – слово громкое и пугающее, но по ощущениям он похож на окси за гораздо меньшую цену. Нужно только преодолеть страх перед иглой. К счастью, в Интернете обнаружилась масса роликов мне в помощь – обучающих видео (по всей видимости, для диабетиков), демонстрирующих, как найти вену и аккуратно вытянуть поршень шприца в нужный момент, чтобы убедиться, что игла вошла в сосуд. А как только я освоила технологию, ситуация из плохой стала катастрофической.

Я кое-как закончила выпускной класс – благодаря сочувствующим учителям, которые жалели меня. Но все тренеры поняли, что происходит, и Пенсильванский университет отозвал свое приглашение. Они сослались на аварию и мои травмы: никакая физиотерапия не вернет меня в форму к началу осени, заявили они, и я не помню, чтобы это меня расстроило. Я не помню даже, как мне сообщили эту новость. К тому времени, когда администрация университета связалась с моей матерью, я уже дневала и ночевала у моего нового приятеля Айзека, которому было тридцать восемь лет.

После школы был длительный период, когда я жила главным образом ради того, чтобы принимать наркотики и добывать деньги на покупку наркотиков – любых наркотиков. Если нельзя было раздобыть оксикодон или героин, я готова была принимать что угодно. Моя мать потратила уйму времени и денег, пытаясь вытащить меня, но я была молодая и смазливая, а она старая, толстая и без гроша за душой, так что у нее не было ни единого шанса. Однажды она ехала в автобусе, и у нее случился сердечный приступ; «скорая» едва успела довезти ее до больницы. А я узнала об этом лишь полгода спустя, когда очутилась в реабилитационном центре и попыталась позвонить матери, чтобы сообщить ей эту новость. Она решила, что мне нужны деньги, и повесила трубку.

Я перезванивала ей еще пару раз, но она больше не брала трубку, поэтому я оставила ей несколько длинных бессвязных голосовых сообщений, в которых признавалась в том, что авария произошла по моей вине, и просила за все прощения. К тому моменту я уже жила в «Спасительной гавани» и не употребляла наркотики, но она, разумеется, мне не поверила. Да я бы сама себе не поверила. Наконец

однажды трубку взял какой-то мужчина. Он сказал, что его зовут Тони, что он друг моей матери и она больше никогда не хочет меня слышать. А когда я позвонила в следующий раз, номер не обслуживался.

Я не разговаривала с матерью уже два года. Я не знаю точно, где она сейчас и как. И тем не менее у меня есть множество причин быть благодарной судьбе. Я благодарна за то, что не подцепила ВИЧ или гепатит. За то, что меня ни разу не изнасиловали. Я благодарна водительнице «Убера», которая привела меня в чувство при помощи налоксона, когда я отключилась от передоза на заднем сиденье ее «приуса». Я благодарна судьбе, который отправил меня в реабилитационный центр, а не в тюрьму. И я благодарна судьбе за то, что встретила Рассела, что он согласился стать моим куратором и подтолкнул к тому, чтобы снова начать бегать. Без его помощи я никогда не прошла бы такой путь.

Адриан не задает мне вопросов. Он просто молча слушает, а я говорю и говорю, пока наконец не подхожу к главному.

– Я всегда буду чувствовать себя виноватой в том, что случилось. Все обвиняют водителя той машины с горным велосипедом. Но если бы я следила за дорогой...

– Ты не можешь этого знать, Мэллори. Может, ты успела бы его объехать, а может, и нет.

Но я знаю, что это так.

Я всегда буду знать, что это так.

Если бы я могла вернуться в тот день и поступить по-другому, я просто перестроилась бы в другую полосу, или крутанула руль, или ударила по тормозам, и тогда все было бы хорошо.

– Я говорила тебе, что у нас с ней была одна комната на двоих? Мы спали на двухъярусной кровати и были страшно этим недовольны, вечно жаловались матери друг на друга. Ныли, что мы единственные дети во всем квартале, у которых нет отдельной комнаты, а это была неправда! Ну, в общем, после аварии, когда меня выписали из больницы и мама привезла меня домой, я поднялась наверх и...

И я не могу даже заставить себя закончить фразу. Я не могу рассказать ему о том, как тихо в комнате было без Бет, как я не могла уснуть, не слыша ее дыхания и шороха ее простыней.

– Это, наверное, тяжело, – говорит Адриан.

– Я так сильно по ней скучаю. Каждый день. Может быть, поэтому я тебе и солгала, Адриан. Я не знаю. Но я клянусь, что никогда не лгала тебе ни про что больше. Ни про мои чувства, ни про рисунки. Я не помню, чтобы я их рисовала. Но, видимо, все-таки это была я. Это единственное логичное объяснение. В понедельник я уезжаю из Спрингбрука. Поживу пару недель у куратора. Попытаюсь привести голову в порядок. Прости, что я такая ненормальная.

Мы достигли той части разговора, когда, я надеюсь, Адриан скажет что-нибудь – может, не «я тебя прощаю», я знаю, что просить этого с моей стороны было бы слишком много, но хоть как-то отреагирует на то, что я только что обнажила перед ним душу, рассказала историю, которую никогда никому не рассказывала, кроме как на собраниях «Анонимных наркоманов».

Вместо этого он поднимается и произносит:

– Нам пора ехать.

Мы идем по траве к парковке. Рядом с пикапом Адриана играют три маленьких мальчика, паля друг в друга из воображаемых пистолетов. При нашем приближении все трое бросаются бежать по парковке, вопя, улюлюкая и потрясая воображаемым оружием как сумасшедшие. Мне немедленно вспоминаются мальчишки с детской площадки в Спрингбруке. Им всем лет по пять-шесть, и они ничем не напоминают тихого и задумчивого Тедди, вечно сидящего со своими книжками и альбомами.

Адриан ничего не говорит до тех пор, пока мы не садимся в машину. Он заводит двигатель и включает кондиционер, но с места трогаться не спешит.

– Послушай, когда я вчера уехал от Максвеллов, я был вне себя от бешенства. Не потому, что ты солгала мне, хотя это само по себе было плохо. Но ты солгала моим родителям и их друзьям. Ты поставила меня в очень неловкое положение, Мэллори. Я не представляю, как обо всем им рассказать.

– Я все понимаю, Адриан. Прости меня.

– Но вот какая штука. После того как я уехал, я не мог вернуться обратно домой. Мои родители знали про наше свидание, и я не хотел с ними встречаться, не хотел говорить им, что все обломилось. Поэтому я поехал в кино. Сейчас как раз идет новый марвеловский фильм, и я подумал, что он вполне сойдет для того, чтобы убить время. Я даже

посмотрел его дважды, чтобы приехать домой уже после полуночи. А когда я поднялся на второй этаж к себе в спальню, на моем письменном столе меня ждало вот это.

Он наклоняется к бардачку и вытаскивает лист бумаги, заштрихованный темным карандашом.

– Ну и кто из нас двоих теперь более чокнутый? Наверное, теоретически ты могла прокрасться ко мне в дом, отыскать мою комнату и оставить это у меня на столе, несмотря на то что мои родители весь вечер были дома. Или это мог сделать пятилетний Тедди. Но я так не думаю, Мэллори. – Адриан качает головой. – Я думаю, самое вероятное объяснение заключается в том, что ты с самого начала была права. Эти картинки рисует Аня. И она хочет, чтобы я знал, что ты говоришь правду.

Мы возвращаемся обратно в Спрингбрук и немедленно принимаемся действовать. Я беру все рисунки, которые обнаружила у себя в домике, и еще те три, которые забрала из комнаты Тедди. Адриан захватил с собой тот рисунок, который материализовался у него на столе, плюс все фотографии со стен кабинета в доме Максвеллов. Он уже распечатал их на принтере, так что мы можем добавить их в общую кучку. До приезда Рассела остается меньше двух суток, и за это время я намерена убедить Максвеллов в том, что мы говорим правду.

Мы раскладываем все рисунки во дворике у бассейна, прижимая к земле камешками или палочками. Потом примерно полчаса перекладываем их туда-сюда, пытаюсь расположить в нужном порядке, сложить из них какую-то связную историю.

После многочисленных проб и ошибок у нас получается вот что:

– Первый по порядку – этот воздушный шар в небе, – начинаю я. – Мы находимся в каком-то парке или на лугу. Где-то, где много открытого пространства. И чистое небо.

– Значит, это точно не Спрингбрук, – замечает Адриан. – У нас тут слишком много самолетов.

– Тут у нас молодая женщина рисует воздушный шар. Будем пока считать, что это Аня. Судя по сарафану, видимо, дело происходит летом, ну или где-то в более теплом климате.

– Неподалеку от нее в траве играет маленькая девочка. Возможно, это Анина дочка. Тедди упоминал о том, что у Ани есть дочка. Судя по всему, Аня не очень следит за тем, что делает девочка.

– Потом прибегают белый кролик.

– Малышка заинтригована. Она играет с плюшевым кроликом, а тут появляется настоящий.

– Она бежит за кроликом по лугу...

– Но Аня не замечает, что малышка убегает. Она слишком поглощена рисованием. Но мы видим, как девочка скрывается за горизонтом. Бросив свои игрушки. Ну как, логично пока получается?

– Думаю, да, – говорит Адриан.

– Это хорошо, потому что дальше начинаются непонятки. Что-то идет не так. Кролик убежал, и девочка, похоже, понимает, что заблудилась. Возможно, она поранилась. Возможно, она даже погибла. Потому что на следующем рисунке...

– К ней подходит ангел.

– И этот ангел ведет ее к свету.

– Но кто-то пытается их остановить. Кто-то гонится за ними.

– Это Аня, – говорит Адриан. – Это ее белый сарафан.
– Совершенно верно. Она пытается спасти свою малышку, не дать
ее увести.

- Но Аня опоздала. Ангел не хочет отдавать ее.
- Или не может, – замечает Адриан.
- Ну да. А дальше у нас пропуск.

– Ангел и малышка исчезли. Мы их больше не видим. Зато кто-то душил Аню. Это та часть головоломки, которой у нас пока нет.

– Прошло некоторое время. Наступила ночь. Анин мольберт брошен.

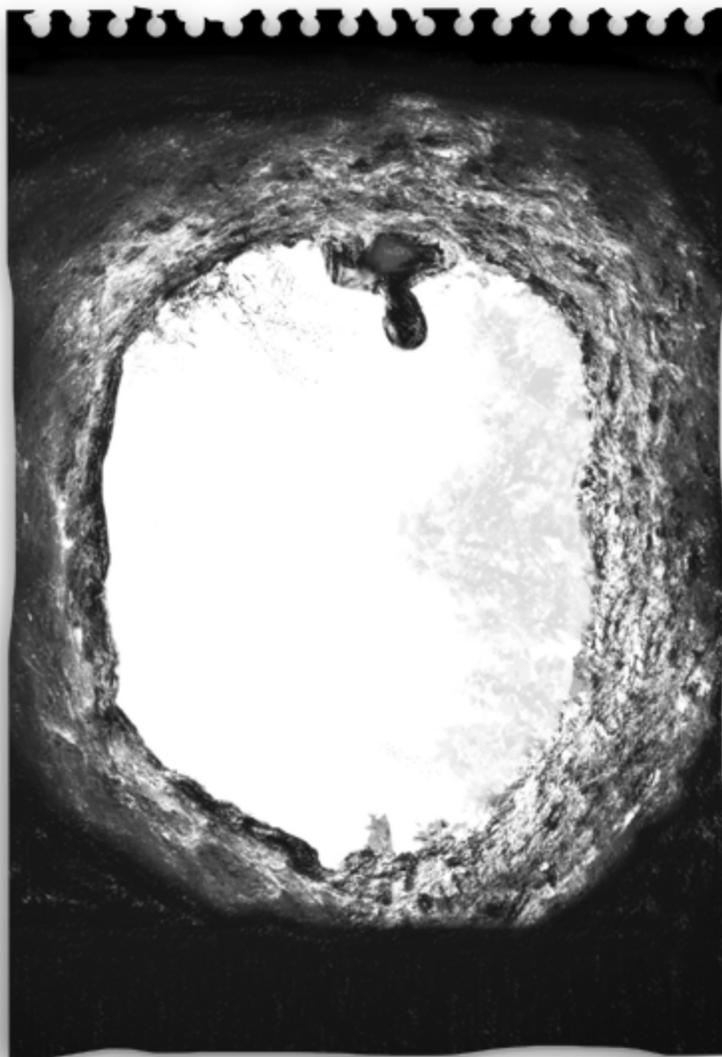
– В лесу появляется какой-то мужчина с инструментами. Судя по всему, это кирка и лопата.

– Этот мужчина тащит тело Ани в чащу леса.

– Он выкапывает в земле яму...

- А потом хоронит в ней тело.
- Значит, Аню задушил этот мужчина, – говорит Адриан.
- Не обязательно.
- Он перетаскивает тело и закапывает его в лесу.
- Но история начинается в дневное время. А мужчина появляется уже позже, после наступления темноты.

Адриан снова принимается двигать рисунки с места на место, располагая их в другой последовательности, но я уже все перепробовала, и эта – единственная, в которой прослеживается хоть какое-то подобие логики.

Если не считать того, что картина все равно неполная. Это все равно что долго-долго корпеть над пазлом, складывая всю картинку

воедино, лишь для того, чтобы обнаружить, что в коробке не хватает трех или четырех кусочков, и все они, как на грех, в самой середине.

Адриан всплескивает руками.

– Ну почему она не может просто нам написать? Использовать слова вместо дурацких картинок? «Меня зовут Румпельштильцхен. Меня убил эрцгерцог». Ну или кто там ее убил. Зачем все эти загадки?

Он просто выражает вслух досаду, но я вдруг понимаю, что никогда не задавала себе этот вопрос: *зачем* Ане все эти загадки?

Вместо того чтобы вынуждать Тедди рисовать картинки, почему нельзя было воспользоваться словами? Почему нельзя было написать письмо? Если только...

Мне вспоминаются все те односторонние разговоры, которые я подслушивала под дверьми комнаты Тедди, все те головоломки, которые ему приходилось разгадывать во время тихого часа.

– Тедди как-то обмолвился, что Аня смешно разговаривает. Что ее трудно понять. А что, если она не говорит по-английски?

Адриан явно готов отмахнуться от этой идеи, но потом тянется к библиотечной книге – «Собранию работ Анны К. Барретт».

– Ладно, давай обдумаем эту возможность. Мы знаем, что Энни приехала из Европы после Второй мировой войны. Возможно, она не говорит по-английски. Возможно, Барретт – даже не настоящая ее фамилия. Не исключено, что это англоязычная версия какой-нибудь фамилии типа Барышников или другой длинной непроизносимой фамилии из какого-нибудь восточноевропейского языка. Семья сменила ее, чтобы не выделяться на фоне местных.

– Точно, – подхватываю я; мне начинает нравиться эта теория. – Джордж пишет как человек, который много времени прожил в Соединенных Штатах. Он уже успел ассимилироваться. Он служит дьяконом в церкви и состоит в городском совете. Но тут вдруг в Спрингбрук неожиданно приезжает его кузина из Богемии. Она напоминает ему о его корнях, и он ее стыдится. Вступление написано в таком снисходительном тоне, все эти пассажи про ее скромные успехи, про ее глупость.

Адриан щелкает пальцами.

– И эта теория объясняет спиритическую доску! Ты назвала ее ответы абракадаброй. Ты сказала, что это была какая-то каша из букв. Но что, если она говорила на другом языке?

Я вспоминаю наш спиритический сеанс – ощущение, как будто меня замуровали в моем коттедже с плашкой в руках.

Я так и знала, что мы были не одни.

Я так и знала, что кто-то водил моей рукой и тщательно выбирал каждую букву.

– Митци все записала, – говорю я Адриану.

Мы идем к Митци. Я стучу костяшками пальцев в дверь, но никто не открывает. Тогда мы огибаем дом и направляемся к задней двери, которой пользуются клиенты Митци. Дверь открыта; сквозь сетчатый экран видна кухня и стол, за которым Митци поила меня кофе. Я барабаню в сетчатую дверь, и часы в виде кошки смотрят на меня в ответ, мотая хвостом-маятником. Где-то в доме включен телевизор, и до нас доносится обрывок рекламного ролика, расхваливающего достоинства золотых памятных долларовых монет:

– Эти доллары высоко ценятся коллекционерами и никогда не утратят своей ценности...

Я громко зову Митци по имени, но перекрыть рекламные децибелы нечего и надеяться.

Адриан дергает за ручку; дверь оказывается не заперта.

– Что скажешь?

– Скажу, что она чокнутая и у нее есть пистолет. Если мы войдем без приглашения, есть вероятность схлопотать пулю в лоб.

– Но есть и вероятность того, что с ней что-то случилось. Возможно, она поскользнулась в душе. Если пожилой человек не открывает на стук, неплохо бы убедиться, что с ним все в порядке.

Я снова стучу, но никто по-прежнему не отзывается.

– Давай зайдем попозже.

Но Адриан настаивает на том, чтобы открыть дверь и позвать хозяйку.

– Митци, с вами все в порядке?

Он переступает через порог, а мне что прикажете делать? Уже четвертый час; до вечера остается всего ничего. Если Митци располагает информацией, которая может нам помочь, она нужна нам как можно быстрее. Я оставляю дверь открытой и следом за Адрианом иду в дом.

В кухне воняет. Пахнет невынесенным мусором, а может, невымытой посудой, которая горой навалена в раковине. На плите киснет

сковорода с пригорелыми шкварками. На поверхности отчетливо виднеются следы чьих-то крохотных лапок, и я даже думать не хочу обо всей той живности, которая может обитать в этом доме.

Я иду следом за Адрианом в гостиную. Телевизор включен на канал «Фокс ньюс», и ведущий спорит с гостем программы о современных угрозах безопасности Соединенных Штатов. Они кричат друг на друга – вернее даже, пытаются друг друга перекричать, – так что я беру пульт и отключаю звук.

– Митци? Это Мэллори! Вы меня слышите?

И снова нет ответа.

– Может, она куда-нибудь ненадолго выскочила? – предполагает Адриан.

И оставила дверь открытой? Нет, только не Митци. Я прохожу вглубь дома и заглядываю в ванную – там никого нет. Вот я подхожу к двери спальни. Несколько раз постучав и позвав ее по имени, я наконец открываю дверь.

Внутри темно, занавески задернуты, кровать не заправлена, а на полу повсюду разбросана одежда. В спертom воздухе пахнет какой-то кислятиной, и я опасаясь случайно до чего-нибудь дотронуться. Дверь задевает за плетеную корзину для мусора и сшибает ее; на пол вываливается смятый ком бумажных носовых платков.

– Ну что? – спрашивает Адриан.

Я опускаюсь на корточки и на всякий случай заглядываю под кровать. Там тоже валяется грязное белье, но никаких следов Митци не видно.

– Ее тут нет.

Я распрямляюсь, и тут мой взгляд падает на прикроватную тумбочку. Рядом с лампой и телефоном я замечаю пригоршню ватных шариков, бутылочку медицинского спирта и резиновый жгут.

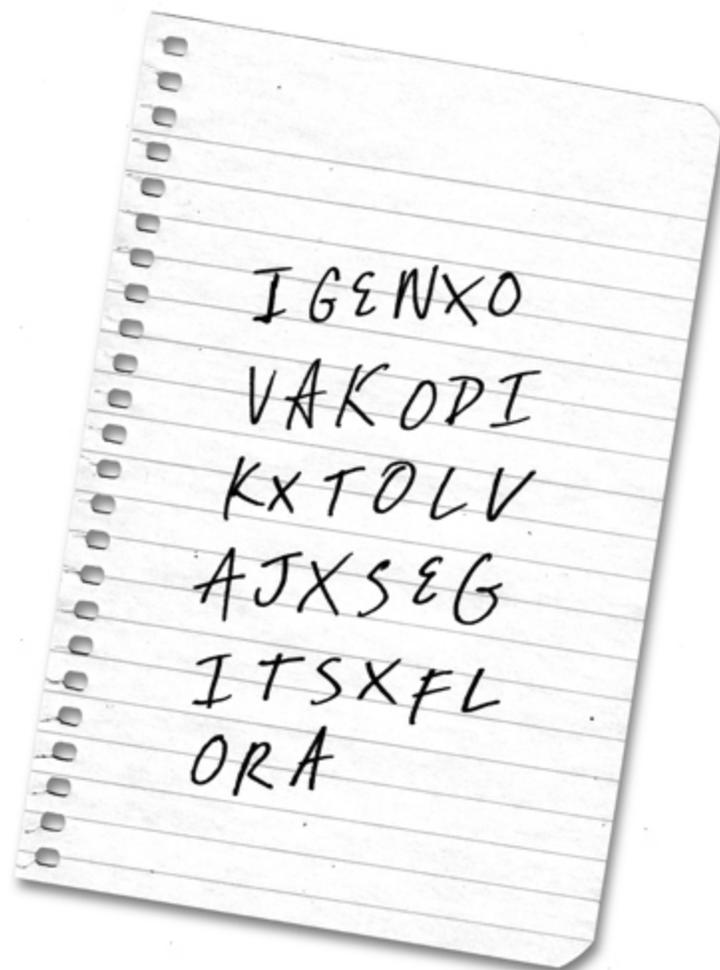
– Что бы это значило? – спрашивает Адриан.

– Не знаю. Возможно, ничего. Нам надо уходить.

Мы возвращаемся обратно в гостиную, и Адриан отыскивает блокнот – он лежит на диване, под массивной спиритической доской.

– Это он, – говорю я.

Я принимаюсь пролистывать списки покупок и неотложных дел, пока не дохожу до последней заполненной страницы – записей с нашего сеанса. Я вырываю листок и показываю его Адриану.

В старших классах я учила испанский, и у меня были друзья, которые учили французский и китайский, но эти слова не похожи ни на один известный мне язык.

– Вообще говоря, Аня – это русское имя, – замечает Адриан. – Но я совершенно уверен, что это не русский.

Я достаю телефон и на всякий случай ищу в «Гугле» IGENXO – и, пожалуй, это первый раз на моей памяти, когда поиск в «Гугле» не дает ни единого результата.

– Если даже «Гугл» его не знает, значит это точно не слово.

– Возможно, это какой-то шифр, – высказывает предположение Адриан. – Бывают же такие шифры, в которых каждая буква заменяется какой-то другой.

– Мы же с тобой только что пришли к выводу, что она не знает английского, – напоминаю я ему. – Ты в самом деле считаешь, что она придумывает для нас головоломки?

– Если знать принцип, их не так уж и сложно разгадать. Дай мне минутку.

Он берет карандаш и садится на диван, полный решимости расшифровать код.

Я принимаюсь расхаживать по гостиной, пытаюсь придумать причину, по которой Митци могла уйти из дома, оставив телевизор включенным, а дверь открытой, как вдруг под подошвой у меня что-то хрустит – как будто я наступила на жука, какое-то крошечное насекомое с твердыми и хрупкими крыльями. Я поднимаю ногу и вижу, что на самом деле это крошечная пластмассовая трубочка, оранжевая, цилиндрической формы, длиной примерно в три дюйма.

Я поднимаю ее с пола, и Адриан вскидывает на меня глаза.

– Что это?

– Колпачок от иглы для подкожных инъекций. Похоже, она что-то себе вкалывала. Надеюсь, что это был инсулин, но, поскольку речь идет о Митци, возможны варианты.

Я обхожу комнату и нахожу еще несколько таких же колпачков – на книжной полке, в корзине для мусора, на подоконнике. Учитывая резиновый жгут, думаю, диабет можно смело исключать.

– Ты еще не закончил?

Я смотрю на блокнот, который Адриан держит в руках, и вижу, что он несколько не продвинулся в расшифровке.

– Тут все оказалось не так-то просто, – признается он. – Обыкновенно нужно определить наиболее часто встречающуюся букву и заменить ее на «Е». У нас тут четыре икса, но если заменить их на «Е», это ничего не дает.

На мой взгляд, он просто попусту тратит время. Если я права относительно того, что английский – не родной для Ани язык, а я совершенно уверена, что так оно и есть, значит коммуникация на английском языке была бы для нее и без того достаточно сложной задачей. Она не стала бы пытаться придумывать шифровки. В ее интересах было бы облегчить нам задачу, а не усложнять. Она попыталась бы сделать свое сообщение более понятным.

– Дай мне еще минуту, – просит он.

И тут в заднюю дверь стучат.

– Эй? Есть кто-нибудь дома?

Голос мужской, незнакомый.

Возможно, это один из клиентов Митци, который пришел к ней для того, чтобы она прочитала его ауру?

Адриан сует листок в карман. А когда мы выходим на кухню, в дверях стоит мужчина в полицейской форме.

– Так, ребятки, давайте-ка выходите наружу.

23

Полицейский молод – не старше двадцати пяти, – коротко стриженный, в темных очках и с татуировками, сплошь покрывающими его громадные ручки. Между запястьями и краями коротких рукавов его форменной рубашки нет ни одного квадратного дюйма чистой кожи: одни только звездно-полосатые флаги, белоголовые орланы^[10] и цитаты из Конституции.

– Мы зашли проверить, все ли у Митци в порядке, – объясняет Адриан. – Дверь была открыта, но ее самой нигде нет.

– И что? Вы взяли и просто зашли внутрь? Решили, что можете обойти дом и сунуть нос во все углы? – Он произносит это таким тоном, как будто ничего более нелепого и вообразить себе нельзя, хотя на самом деле именно так все и было. – Открывайте дверь и выходите давайте, только без резких движений, вы меня поняли?

Я замечаю в конце двора еще двоих полицейских, которые натягивают между деревьями желтую ленту. Поодаль, в лесу, между деревьями, мелькают светоотражающие жилеты. Я слышу, как перекликаются мужские голоса, сообщая друг другу о находках.

– Что происходит? – спрашивает Адриан.

– Руки на стену, – приказывает полицейский.

– Вы это серьезно?

Адриан шокирован – ему явно никогда не доводилось подвергаться обыску.

– Просто делай что говорят, – прошу я его.

– Это же бред какой-то, Мэллори. На тебе спортивные шорты! Он что, считает, что ты прячешь в них пистолет?

Но одно упоминание слова «пистолет», похоже, накаляет обстановку еще больше. Теперь уже те двое полицейских с желтой лентой с озабоченным видом направляются к нам. Я решаю подчиниться и выполняю требование: кладу ладони на кирпичную стену, опускаю голову и смотрю вниз, на траву, пока полицейский ощупывает мою талию.

Адриан неохотно становится рядом со мной и тоже кладет ладони на стену.

– Нет, это просто бред какой-то.

– Заткнись, – бросает полицейский.

И если бы я не боялась заговорить, я рассказала бы Адриану, что он на самом деле еще ведет себя очень вежливо – в Филадельфии я знавала полицейских, которые скрутили бы его, надели наручники и уложили лицом в асфальт еще до того, как он успел бы открыть рот. Адриан, похоже, считает, что он не обязан им подчиняться, что он по какой-то причине находится над законом.

Из-за угла дома выходят мужчина и женщина. Мужчина белый и рослый, женщина чернокожая и невысокая, и обоим не мешало бы слегка похудеть. Они напоминают мне школьных инструкторов по профориентации. На обоих дешевые деловые костюмы, на шее болтаются полицейские жетоны.

– Дарновски, успокойся уже, – говорит мужчина. – Что тебе надо от девчонки?

– Она была в доме! Вы говорили, что жертва жила одна.

– Жертва? – переспрашивает Адриан. – С Митци что-то случилось?

Вместо того чтобы ответить на наши вопросы, нас разделяют. Мужчина уводит Адриана на другой конец двора, а женщина предлагает мне присесть за ржавый кованый столик. Она расстегивает поясную сумочку, достает оттуда коробочку мятных леденцов и закидывает один в рот. Потом протягивает открытую коробку мне, но я отказываюсь.

– Я – детектив Бриггс, а мой напарник – детектив Кор. Нашего юного коллегу в клоунских татуировках зовут офицер Дарновски. Я приношу свои извинения за его рвение. У нас тут очень давно не было трупов, так что все на нервах.

– Митци погибла?

– Боюсь, что так. Ее пару часов тому назад нашли в лесу соседские ребята. – Детектив Бриггс указывает в сторону леса. – Если бы не деревья, вы бы ее отсюда увидели.

– Что произошло?

– Давайте начнем с вашего имени. Как вас зовут, где вы живете и откуда знаете Митци?

Я называю свое имя, предъявляю ей водительские права и указываю на дом Максвеллов.

– Я работаю у соседей Митци. У Теда и Каролины Максвелл. Я их няня, живу у них в гостевом домике.

– Прошлую ночь вы ночевали у себя в коттедже?

– Я каждую ночь там ночую.

– Вы не слышали ничего необычного? Никакого шума?

– Нет, но я рано легла спать. И шел очень сильный дождь. Там так лило и грохотало, что я ничего бы не услышала. Как вы думаете, когда Митци... – Я не могу заставить себя произнести слово «умерла»; я все еще не могу поверить, что Митци в самом деле нет в живых.

– Мы пока еще ничего не знаем, – говорит детектив Бриггс. – Когда вы в последний раз ее видели?

– Вчера не видела, а вот позавчера видела. В четверг утром. Она пришла ко мне в коттедж приблизительно в одиннадцать тридцать.

– Зачем?

Я чувствую себя глупо, но все равно говорю правду.

– Митци была экстрасенсом. Она считала, что в моем коттедже живет призрак. Поэтому она принесла спиритическую доску – ну, знаете, такую, для общения с духами. И мы попытались вступить с призраком в контакт.

Детектив Бриггс, похоже, с трудом удерживается от смеха.

– И как, получилось?

– Я не уверена. Вышла какая-то абракадабра.

– Она взяла с вас за это деньги?

– Нет, она предложила свою помощь бесплатно.

– И в какое время вы закончили?

– В час дня. Я точно это знаю, потому что Адриан тоже тут был. В свой обеденный перерыв. Ему нужно было вернуться на работу к часу. После этого я больше Митци не видела.

– Вы помните, во что она была одета?

– Серые брюки, лиловый топ. С длинными рукавами. Все очень свободное и струящееся. И куча украшений – кольца, бусы, браслеты. Митци всегда носит кучу украшений.

– Это любопытно.

– Почему?

Детектив Бриггс пожимает плечами.

– Сейчас на ней нет ни одного украшения. Даже обуви нет. Только ночная сорочка. Митци была из тех женщин, которые разгуливают по округе в ночных сорочках?

– Нет, я сказала бы, что совсем наоборот. Она с большим вниманием относилась к собственной внешности. Да, стиль у нее был очень своеобразный, но это был ее стиль, если вы понимаете, о чем я.

– А у нее не могло быть деменции?

– Нет. Митци переживала из-за уймы самых разных вещей, но ум у нее был совершенно ясный.

– Почему тогда вы оказались у нее в доме именно сейчас?

– Ну, возможно, это прозвучит глупо, но у меня возник вопрос относительно сеанса. Мы подумали, что призрак, возможно, говорил на другом языке, поэтому буквы не складывались ни в какие осмысленные слова. Мы хотели спросить Митци, возможно ли такое. Задняя дверь была открыта, так что я подумала, что она должна быть дома. Адриан предположил, что ей могло стать плохо, поэтому мы зашли в дом, чтобы проверить, все ли с ней в порядке.

– Вы трогали что-нибудь внутри? Какие-нибудь ее вещи?

– Я открыла дверь в спальню. Чтобы посмотреть, не спит ли она. И кажется, отключила звук у телевизора. Он был включен на полную громкость, так что мы с Адрианом вообще ничего не слышали.

Бриггс опускает глаза, и я понимаю, что она разглядывает мои карманы.

– Вы что-нибудь взяли у нее дома?

– Нет, разумеется, нет.

– Тогда вы не будете так добры вывернуть карманы? Я верю, что вы говорите правду, но будет лучше, если я проверю.

Я молча радуюсь, что Адриан взял себе листок с записями с сеанса, так что мне не придется врать.

– У меня больше нет к вам вопросов, – говорит детектив. – Вы располагаете какой-либо информацией, которая могла бы помочь

следствию?

– Если бы. Вам уже известно, что произошло?

Она пожимает плечами.

– Никаких внешних повреждений на теле нет. Не думаю, чтобы кто-то нанес ей травму. А когда ты находишь пожилого человека мертвым на улице, да еще в ночной рубашке, обычно это следствие какой-то ошибки с лекарствами. Старики путают препараты или принимают двойную дозу. Она никогда не упоминала, что принимает какие-то лекарства?

– Нет, – отвечаю я, абсолютно не кривя душой.

Меня очень подмывает рассказать ей о колпачках от игл, жгуге и запахе жженных тряпок, облаком окутывавшем Митци. Но детектив Бриггс наверняка обнаружит все это сама, когда будет осматривать дом.

– Что ж, спасибо за уделенное мне время. Могу я просить вас позвать сюда Максвеллов? Теда и Каролину? Я хотела бы поговорить со всеми соседями.

Я объясняю, что они уехали на побережье, но даю ей их телефонные номера.

– Они не очень хорошо знали Митци, но уверена, что они помогут вам всем, чем смогут.

Она уже разворачивается, чтобы идти, но потом передумывает и останавливается.

– Возможно, мой последний вопрос покажется вам не совсем имеющим отношение к теме, и все же я хотела бы знать: что это за призрак, с которым вы пытались вступить в контакт?

– Ее звали Энни Барретт. Она предположительно жила в том домике, где сейчас живу я. В 1940-е. Говорят, что...

Бриггс кивает.

– О, я знаю про Энни Барретт все. Я тутошняя, выросла в Корригане, за лесом. Правда, мой отец всегда утверждал, что это туфта. В смысле, выдуманная история, брехня.

– Энни Барретт существовала в реальности. У меня есть альбом ее рисунков. Все в Спрингбруке про нее знают.

Детектив Бриггс, кажется, хочет что-то возразить, но прикусывает язык.

– Не стану развенчивать хорошую историю. В особенности, когда у нас тут на повестке дня еще большая загадка. – Она протягивает мне визитку. – Если вспомните еще что-нибудь, позвоните мне.

Следующий час или около того мы с Адрианом сидим возле бассейна, наблюдая за происходящим на заднем дворе у Митци светопреставлением в ожидании новых поворотов. Все это для Спрингбука дело явно неслыханное, потому что во дворе толпятся полицейские, пожарные, парамедики и человек, в котором Адриан опознает мэра. Никто ничего не делает, все просто разговаривают и слоняются по двору. Наконец из леса показываются четверо хмурых парамедиков, которые несут на носилках плотный черный мешок, и вскоре после этого толпа начинает редеть.

Звонит Каролина – узнать, как у меня дела. Она говорит, что ей уже звонила детектив Бриггс и что она совершенно «раздавлена» этой новостью.

– Ну, то есть, конечно, я не очень хорошо знала эту женщину. Но такой смерти никому не пожелаешь. Полицейские уже выяснили, что случилось?

– Они считают, что она могла напутать с лекарствами.

– А знаешь, что самое странное? В четверг вечером мы с Тедом слышали, как Митци кричала. Мы сидели у бассейна и спорили – собственно, это ты и так знаешь. А потом вдруг услышали, как Митци на кого-то кричит у себя дома. Она кого-то выгоняла, требовала, чтобы этот человек убрался вон. Мы слышали каждое слово.

– И что вы сделали?

– Я решила позвонить в полицию. И даже уже набрала номер. Но потом Митци выскочила из дома. Она была в ночной сорочке, и тон у нее совершенно изменился. Она кричала вслед этому человеку, просила его подождать ее. «Я хочу пойти с вами», – сказала она. Мне показалось, что у нее все в порядке, так что я повесила трубку и выбросила это из головы.

– А того, другого человека вы видели?

– Нет, я решила, что это кто-то из ее клиентов.

Мне это кажется маловероятным. Не думаю, что Митци принимала у себя клиентов после наступления темноты. Когда я

впервые ее увидела, было всего семь вечера, и она спросила, почему я барабаню в ее дверь в такое позднее время.

– Послушай, Мэллори, хочешь, мы вернемся пораньше? Мне не по себе при мысли, что ты там одна, без всякой моральной поддержки.

Я решаю не упоминать об Адриане, который сидит у бассейна рядом со мной, изучая записи со спиритического сеанса, по-прежнему полный решимости расшифровать их.

– Со мной все в полном порядке, – заверяю я ее.

– Ты точно в этом уверена?

– Отдыхайте сколько хотите. Тедди хорошо проводит время?

– Он огорчен, что ты уезжаешь, но океан – хорошее утешение. – Я слышу на заднем плане возбужденные вопли Тедди: он кого-то поймал ведерком. – погоди, милый, я говорю с Мэллори...

Я желаю ей хорошего времяпрепровождения и прошу не беспокоиться обо мне, после чего вешаю трубку. Потом пересказываю Адриану весь разговор – в особенности часть о загадочном ночном посетителе Митци.

По его реакции я вижу, что мы оба готовы прийти к одному и тому же выводу, но не решаемся произнести его вслух.

– Ты думаешь, это была Аня? – спрашивает он.

– Митци никогда в жизни не стала бы принимать клиента в ночной сорочке. И без украшений. Она слишком тщеславно относилась к своему виду.

Адриан бросает взгляд на полицейских и парамедиков, которые все еще бродят по лесу.

– И что же, по твоему мнению, произошло?

– Понятия не имею. Я пытаюсь убедить себя в том, что Аня безобидная, что она – нечто вроде доброго духа, но это лишь мои догадки. Все, что я знаю наверняка, это что ее злодейски убили. Кто-то протащил ее тело по лесу и сбросил в яму. Возможно, она рассержена и хочет отомстить всем, кто живет в Спрингбруке. А Митци стала первой, на кого обрушился ее гнев.

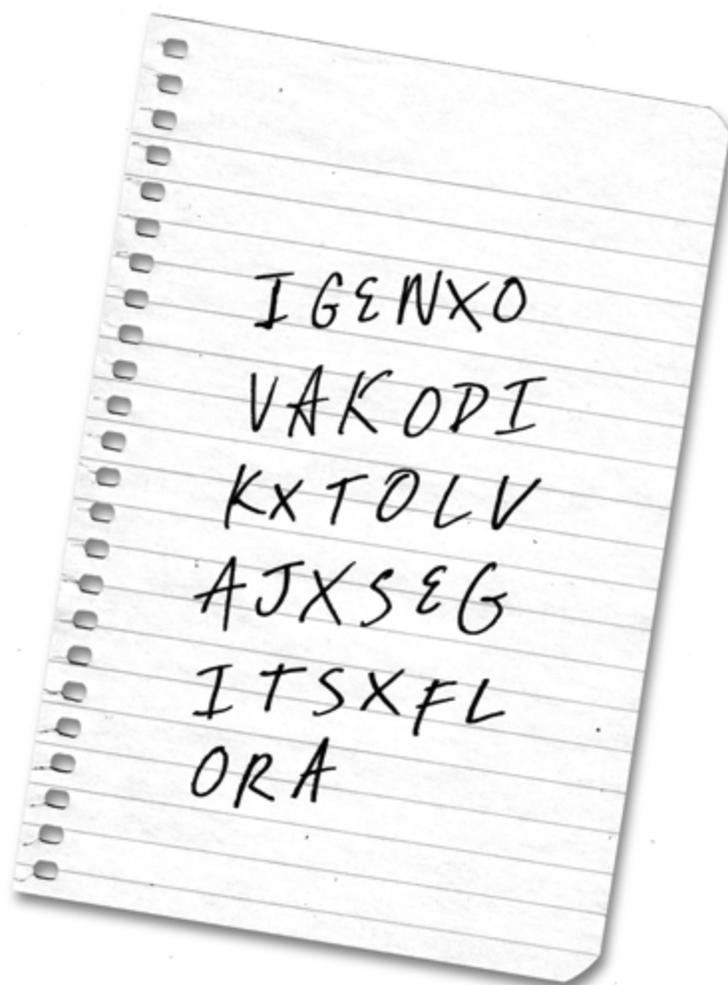
– Ладно, допустим, но почему именно сейчас? Митци прожила здесь семьдесят лет. Почему Аня столько времени ждала, чтобы начать мстить?

Это резонный вопрос. Я понятия не имею. Адриан некоторое время в задумчивости грызет колпачок ручки, потом снова

принимается вглядываться в мешанину букв, как будто они могут дать ответ на все наши вопросы. Суматоха на соседнем дворе мало-помалу начинает утихать. Пожарные уехали, соседи разошлись по домам. Осталось всего несколько полицейских, которые перед уходом крест-накрест затягивают заднюю дверь двумя длинными полосами желтой ленты с надписью: «Не пересекать». Они перекрещиваются посередине, образуя гигантскую букву «Икс», барьер, отделяющий дом от внешнего мира.

Я смотрю на записи Митци, и внезапно меня осеняет.

– «Иксы», – говорю я Адриану. – На самом деле никакие это не «иксы».

– Ты о чем?

– Аня знала, что мы не говорим на ее языке. Поэтому она вставила между словами крестики. Вместо разделителей. Это пробелы, а не буквы.

– Где?

Я забираю у него ручку и переписываю буквы, располагая каждое слово на отдельной строчке.

– Вот теперь это похоже на какой-то язык, – говорю я ему. – Видимо, один из славянских. Русский? Или, может, польский?

Адриан достает телефон и вводит первое слово в автоматический переводчик в «Гугле». Результат не заставляет себя ждать: *Igen* означает «да» на венгерском. Перевести всю остальную фразу не составляет теперь вообще никакого труда: ДА X БЕРЕГИСЬ X ВОРА X ПОМОГИ X ЦВЕТКУ

– Помоги Цветку? – переспрашивает Адриан. – Что это значит?

– Я не знаю. – Я пытаюсь вспомнить рисунки, которые вытащила из мусорной корзины – кажется, на одном из них была цветущая поляна? – Зато это объясняет, почему она использует для общения рисунки. Ее родной язык – венгерский.

Адриан фотографирует наши записи на телефон.

– Отправь это Каролине. Это доказательство, что ты ничего не придумываешь.

Хотелось бы мне иметь его уверенность.

– Да ничего это не доказывает. Это всего лишь кучка букв, которые мог написать на бумаге кто угодно. Она скажет, что я купила венгерский словарь.

Но Адриана мои слова не смущают. Он снова и снова перечитывает слова, как будто надеется найти в них какой-то потаенный смысл.

– Ты должна быть осторожной, ты должна остерегаться вора. Но кто этот вор? И что он украл?

В этой головоломке столько кусочков, что у меня голова начинает пухнуть. Такое чувство, будто мы пытаемся впихнуть квадратную затычку в круглую дырку – или натянуть очень простое решение на очень сложную проблему. Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться и что-то придумать и, когда у меня неожиданно звонит телефон, нарушая мою концентрацию, раздраженно скидываюсь.

А потом вижу на определителе номера название.

«Тихая гавань», Экрон, Огайо.

– Это Мэллори?

– Да, я слушаю.

– Здравствуйте, это Джалисса Белл из «Тихой гавани». Вы вчера звонили миссис Кэмпбелл?

– Да, я могу с ней поговорить?

– Ну, с этим будут сложности. Я могу дать трубку миссис Кэмпбелл, но, боюсь, разговора у вас не выйдет. У нее тяжелая деменция. Я состою при ней сиделкой уже пять лет, и редко когда

выдается такое утро, чтобы она меня узнала. Очень сомневаюсь, чтобы она смогла ответить на ваши вопросы.

– На самом деле мне нужна самая базовая информация. Возможно, вам известно, как звали ее мать?

– Простите, милая, чего не знаю, того не знаю. Но если бы и знала, то не имела бы права вам сказать.

– А она никогда не упоминала о наследстве? О том, что получила крупную сумму от тети Джин?

Женщина смеется.

– А вот это я совершенно точно не имела бы никакого права вам рассказывать. Разглашать подобные сведения запрещено законом! Я лишилась бы работы.

– Разумеется. Прошу прощения.

Видимо, она улавливает в моем голосе отчаяние, потому что предлагает компромисс.

– Завтра у нас день посещений, с полудня до четырех часов. Если вам в самом деле необходимо поговорить с миссис Кэмпбелл, вы можете заехать, и я вас представлю. Посещения идут нашим пациентам на пользу. Они помогают поддерживать активность мозга, приводить в движение нейроны. Только не рассчитывайте на слишком многое, ладно?

Я благодарю ее и вешаю трубку. До Экрона добрых шесть часов езды, а на то, чтобы убедить Максвеллов, что я говорю правду, у меня остались только сегодняшний вечер и завтра. Я объясняю ситуацию Адриану, и он соглашается со мной в том, что не стоит тратить время на дело, которое то ли выгорит, то ли нет.

Если у моей проблемы есть решение, мне придется найти его здесь, в Спрингбруке.

Вечером мы пешком идем в город, в «Бистро», маленький ресторанчик, в котором подают такую же еду, как в приличной джерсийской закусочной, но тут к ней прилагается и уютный интерьер, и настоящий бар, и джазовое трио, так что все стоит вдвое дороже, чем можно было бы ожидать. После ужина мы бесцельно бродим по улицам, потому что ни один из нас не готов прощаться. Адриан обещает, что будет навещать ко мне в гости в Норристаун, и зовет приезжать к ним в Спрингбрук когда и на сколько захочу. Но я знаю,

что без работы все будет по-другому: я буду чувствовать себя здесь чужой, как будто у меня нет больше права здесь находиться. Жаль, что не получилось убедить Максвеллов, что я говорила правду.

Адриан берет мою руку и сжимает ее.

– Возможно, когда мы вернемся в коттедж, там будут новые рисунки, – говорит он. – Новые подсказки, которые помогут нам разрешить эту загадку.

Но Тедди с самого утра увезли на пляж, так что, думаю, это маловероятно.

– Аня не может рисовать свои картинки сама, – напоминаю я ему. – Ей нужны руки. Медиум.

– Тогда, возможно, тебе стоит предложить ей свою помощь. Дать ей возможность закончить последовательность.

– И как ты это себе видишь?

– Мы вернемся к тебе в коттедж, ты закроешь глаза и предложишь ей воспользоваться тобой. Вчера же это сработало, так ведь?

При одном воспоминании о вчерашнем меня бросает в дрожь.

– Я совершенно не горю желанием повторять этот опыт.

– Я буду сидеть рядом и не допущу, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

– Ты хочешь смотреть, как я буду спать?

Он смеется.

– В такой формулировке это звучит жутковато. Я предлагаю остаться у тебя и проследить за тем, чтобы с тобой ничего не случилось.

Мне эта идея не слишком нравится, но уже поздно, а вариантов у меня осталось не то чтобы много. Адриан, похоже, убежден, что в последовательности недостает еще одного или нескольких рисунков, а в отсутствие Тедди кто-то должен предложить Ане возможность быть ее руками, чтобы она могла дорассказать свою историю до конца.

– А вдруг я просто усну и ничего не произойдет?

– Я могу часик подождать и тихонько уйти. Или, если хочешь, могу... – Он пожимает плечами. – Могу остаться до утра.

– Я не хочу спать с тобой сегодня ночью. Это слишком быстро.

– Я понимаю, Мэллори. Я просто хочу помочь. Я лягу на полу.

– К тому же мне нельзя никого оставлять у себя на ночь. Это одно из Правил дома.

– Но тебя ведь уже уволили, – напоминает мне Адриан. – Так что ты можешь с чистой совестью перестать играть по их правилам.

Мы заходим в аптеку купить Адриану зубную щетку. Там среди прочего имеется и крохотный отдельчик с канцелярскими товарами, так что мы заодно покупаем альбом, коробку карандашей и толстый перманентный маркер. Возможно, Аня предпочитает что-то другое, но придется уж ей удовольствоваться тем, что есть.

Когда мы заходим в коттедж, я чувствую себя обязанной провести для Адриана экскурсию. Занимает она ровным счетом три секунды.

– У тебя тут миленько, – говорит он.

– Угу. Я буду скучать по всему этому.

– Не отчаивайся раньше времени. Я думаю, у нашего плана есть хороший шанс сработать.

Я включаю музыку, и мы примерно с час болтаем, потому что испытываем неловкость при мысли о том, что собираемся делать. Если бы я привела Адриана домой ради того, чтобы переспать с ним, я бы точно знала, как себя вести. Но мы готовимся к чему-то такому, что кажется намного более личным и интимным.

К полуночи я наконец-то набираюсь храбрости лечь в постель. Я иду в ванную и передеваю в трикотажные спортивные шорты и старую футболку с эмблемой моей школы. Потом тщательно чищу зубы, умываюсь и намазываю лицо увлажняющим кремом. Прежде чем выйти, я в нерешительности застываю перед дверью, чувствуя себя немного глупо, как будто собираюсь показаться Адриану в нижнем белье. Эх, жаль, у меня не нашлось пижамы посимпатичнее, нежели растянутая школьная футболка, от старости расползшаяся вокруг шеи.

Когда я все же выхожу из ванной, то вижу, что Адриан уже разобрал для меня постель. Весь свет, кроме маленького ночника у кровати, погашен. Альбом и карандаши лежат на тумбочке – чтобы легко было дотянуться, если на меня найдет вдохновение, ну или нечто иное.

Адриан стоит на кухне спиной ко мне и, открыв дверцу холодильника, тянется за бутылкой минералки. Он не замечает меня до тех пор, пока я не подхожу к нему сзади практически вплотную.

– Думаю, я готова.

Он с улыбкой оборачивается.

– Судя по твоему виду – вполне.

– Надеюсь, тебе не будет слишком скучно.

Он показывает мне телефон.

– У меня тут стоит «Колл оф дьюти», мобильная версия. Я буду спасать заложников в Узбекистане.

Я поднимаюсь на цыпочки и целую его.

– Спокойной ночи.

– Удачи, – говорит он.

Я ложусь в постель и укрываюсь одеялом, а Адриан устраивается в кресле в дальнем углу. Под потолком перемешивает воздух вентилятор, за окнами шумно стрекочут цикады, так что я едва осознаю присутствие Адриана. Я поворачиваюсь на бок лицом к стене. После двух долгих утомительных дней с тем, чтобы уснуть, сложностей у меня, похоже, не возникнет.

Едва я касаюсь щекой подушки, как напряжение начинает покидать меня; я чувствую, как мышцы одна за другой расслабляются, а мое тело отпускает. И несмотря даже на то, что Адриан сидит всего в нескольких шагах, впервые за долгое время у меня нет ощущения, что за мной наблюдают.

Я запоминаю лишь один из моих снов. Я в Заколдованном лесу, лежу на утоптанной тропинке и смотрю вверх, в черное ночное небо. Мои ноги висят в воздухе. Кто-то тянет меня за лодыжки, волоча по усыпанному сухими листьями лесному ковру. Руки у меня закинута за голову. Я чувствую, как камни и корни царапают пальцы, но не могу за них ухватиться: кажется, я парализована и не в силах остановить то, что происходит.

В следующее мгновение я уже смотрю в небо со дна глубокой ямы; кажется, я упала на дно колодца. Мое тело изогнуто и изломано. Левая рука зажата под спиной, ноги широко раскинуты. Я понимаю, что мне должно быть гораздо больнее, чем есть, но я каким-то образом одновременно нахожусь в своем теле и вне его. Высоко надо мной на краю ямы стоит мужчина и смотрит вниз. На грудь мне падает что-то маленькое и мягкое, потом отлетает в сторону, и я вижу, что это детская игрушка, плюшевый кролик. Следом в яму летят плюшевый медведь и маленький пластмассовый мячик.

– Мне очень жаль, – произносит мужчина, и его голос звучит глухо, как будто доносится сквозь толщу воды. – Мне очень, очень жаль.

Потом мне на лицо падает ком земли. Я слышу негромкий шорох лезвия лопаты, врезающегося в рыхлую землю, – а потом земля и камни начинают сыпаться безостановочно. Мужчина кряхтит; я чувствую, как нарастает тяжесть, навалившаяся мне на грудь, как земля давит на мое тело со всех сторон, а потом я не вижу больше ничего. Вокруг только чернота.

Я пытаюсь открыть глаза и снова оказываюсь в своем коттедже. Свет выключен, миниатюрные электронные часы на прикроватной тумбочке показывают 3:03. Я лежу в постели, сжимая в руке карандаш со сломанным грифелем. Даже в темноте я вижу, что все стулья на кухне пусты: видимо, Адриану надоело ждать, когда что-то случится, и он ушел домой.

Надо проверить, заперта ли дверь. Откинув одеяло, я свешиваю ноги с края постели и лишь тогда обнаруживаю голого по пояс Адриана, который спит на полу, параллельно кровати, подложив под голову согнутую руку и скомканную футболку.

Я наклоняюсь и легонько трясу его за плечо.

– Эй!

Он мгновенно усаживается на полу.

– Что такое?

– Получилось? Я что-нибудь нарисовала?

– Ну... и да, и нет.

Он включает ночник, потом открывает альбом и показывает мне первую страницу. Она практически полностью зачиркана: поверхность бумаги покрыта графитом. Остались лишь два крохотных белых пятка – два места, в которых острое карандаша прорвало бумагу, обнажив внизу чистый лист.

– Это было в самом начале второго, – объясняет Адриан. – Ты проспала примерно около часа. Я уже готов был сдать и тоже лечь спать. Поэтому выключил свет и улегся на полу. А потом услышал, как ты перевернулась на другой бок и потянулась за альбомом. Ты даже не села. Так и рисовала, лежа в темноте.

– Это не очень-то похоже на картину.

– Возможно, Аня говорит нам, что она закончила. Больше рисунков не будет. У нас есть все, что нам нужно.

Но это не может быть так. Чего-то еще недостает, я совершенно в этом уверена.

– Мне приснилось, что я лежу на дне ямы. А какой-то мужчина засыпает меня землей. Возможно, на этом рисунке изображена земля.

– Возможно, но чем это нам поможет? Что может нам рассказать рисунок, на котором изображена земля?

Я поднимаюсь, чтобы взять остальные рисунки. Я хочу разложить их на полу и посмотреть, в какое место нашей последовательности можно вставить эти черные каракули. Адриан умоляет меня немного поспать.

– Тебе нужно отдохнуть, Мэллори. Завтрашний день – наш последний шанс все это разгадать. Ложись в постель.

Он снова складывает свою футболку в самое жалкое подобие подушки в мире и, устроившись на полу, закрывает глаза. Я прекращаю думать об Ане ровно на то время, чтобы обратить внимание на его торс. Он загорелый и мускулистый – не зря же Адриан все лето занимался физическим трудом на свежем воздухе. Пресс у него такой твердый, что, кажется, кинь четвертак – отскочит. Он добрый и надежный, и ко всему прочему у него лучшее телосложение, которое я когда-либо видела у мужчины, а я, как дура, заставила его спать на полу.

Адриан открывает глаза и понимает, что я все еще таращусь на него.

– Ты можешь выключить свет?

Я опускаю руку, провожу пальцами по его груди и беру его за руку.

– Хорошо, – говорю я ему. – Только сперва я хочу, чтобы ты перебрался ко мне в кровать.

Просыпаюсь я от запаха сливочного масла и корицы. Адриан, уже одетый, хлопчет на кухне. Он нашел в шкафчике яблоки и, стоя у плиты, жарит оладьи. Я бросаю взгляд на часы. Они показывают чуть больше семи тридцати.

– Ты чего не спишь?

– Я еду в Экрон. Чтобы встретиться с Долорес Кэмпбелл. «Гугл» утверждает, что, если я выеду прямо сейчас, к двум буду там.

– Это пустая трата времени. Ты собираешься ехать за четыреста миль ради того, чтобы встретиться с женщиной, которая даже

собственную сиделку не узнает.

– Это наша последняя зацепка. Я прихватчу с собой рисунки и альбом. Покажу ей, может, это вызовет у нее какую-то реакцию.

– Не вызовет.

– Возможно, ты и права. Но я все равно попробую.

Он настроен так решительно, что я чувствую себя обязанной поехать с ним, но я уже пообещала провести день с Тедди.

– Мне придется остаться здесь. Они хотят устроить для меня прощальную вечеринку.

– Я и один управлюсь. Я как раз скачал себе новую аудиокнигу, «Наследник джедая». До Экрона и обратно хватит. – Он ставит на прикроватную тумбочку кружку с чаем и тарелку яблочных оладий с корицей, и я послушно усаживаюсь в постели. – Вот, попробуй. Это рецепт моего отца.

Я отправляю в рот кусочек оладьи, и они в самом деле оказываются изумительными: сладкие, пряные, маслянистые и нежные. Вкуснее даже, чем чуррос.

– Потрясающе вкусно.

Адриан наклоняется и целует меня.

– Там на плите еще. Я позвоню тебе с дороги, расскажу, что удастся разузнать.

Мне немного грустно, что он уезжает. Прощальная вечеринка начнется только в три часа, а до этого мне нужно будет как-то убить время. Но я вижу, что отговаривать Адриана от поездки бесполезно, что он готов ухватиться за любую самую крошечную зацепку, лишь бы мне не пришлось уезжать из Спрингбрука.

Утро я провожу за сбором вещей. Времени это занимает немного. Полтора месяца назад я приехала в Спрингбрук с чужим чемоданом, в котором и вещей-то почти не было. Теперь благодаря Каролининой щедрости у меня куда более обширный гардероб, который мне некуда складывать. Поэтому я очень аккуратно сворачиваю ее пятисотдолларовые платья и укладываю их в объемистый мусорный пакет – мои подружки по «Спасительной гавани» в шутку называли это чемоданом для жизни без наркотиков.

После этого я натягиваю кроссовки и отправляюсь на последнюю пробежку по окрестностям. Я стараюсь не думать о том, как сильно

буду скучать по Спрингбруку – по всем этим магазинчикам и ресторанчикам, по нарядным домам, по ухоженным лужайкам и садикам. Мне доводилось бывать в квартире Рассела в Норристауне. Его район не идет со Спрингбруком ни в какое сравнение. Рассел живет на одиннадцатом этаже многоэтажки, расположенной по соседству с офисным парком и центром выполнения заказов «Амазон». Квартал со всех сторон окружен скоростными автомагистралями – милями и милями дымящегося бетона и асфальта. Не самое приятное местечко, как ни посмотри, но деваться мне некуда.

Наверное, прощальная вечеринка у бассейна – милый жест. Каролина развешивает во дворе бумажные гирлянды, потом они вдвоем с Тедди натягивают самодельный баннер с надписью: «Спасибо, Мэллори!» Тед с Каролиной изо всех сил стараются делать вид, что меня никто не увольнял. Мы все ведем себя так, как будто я ухожу по собственному желанию, и это помогает уменьшить ощущение неловкости. Каролина хлопчет на кухне, готовя еду, а мы с Тедом и Тедди плещемся в бассейне. Мы устраиваем шуточные заплывы наперегонки, в которых Тедди неизменно ухитряется выиграть. Я задаю вслух вопрос, не нужна ли Каролине помощь на кухне – может, она тоже хотела бы поплавать, – а потом понимаю, что ни разу не видела ее в бассейне.

– Она чешется от воды, – поясняет Тедди.

– Реакция на хлорку, – говорит Тед-старший. – Я пытался регулировать кислотно-щелочной баланс, но ничего не получается. У нее суперчувствительная кожа.

Времени уже четыре часа, а Адриан все не звонит и не звонит. Я уже начинаю подумывать о том, чтобы отправить ему эсэмэску, но тут Каролина зовет нас из патио и сообщает, что ужин готов. Она расставила на столе кувшины с водой со льдом и свежавыжатым лимонадом, а также прорву здоровой еды: от шашлычков из креветок и салата из апельсинов с морепродуктами до отваренного на пару шпината, тыквы и початков кукурузы. Она явно очень старалась, и я вижу, что она чувствует себя виноватой в том, что увольняет меня. Может, она готова передумать и разрешить мне остаться? Тедди захлеб рассказывает о вчерашней поездке к океану. Про комнату смеха и катание на машинках, про океанского краба, который цапнул его за ногу. Его родители тоже вставляют реплики, так что, кажется,

мы все ведем оживленный семейный разговор, как будто ничего и не было.

На десерт Каролина выносит шоколадные вулканы – миниатюрные бисквитные кексики, наполненные теплым ганашем и увенчанные шариками ванильного мороженого. Они выглядят как настоящие произведения искусства, и, откусив кусочек, я в буквальном смысле ахаю.

Моя реакция вызывает у всех смех.

– Простите, – говорю я. – Просто я никогда в жизни не ела ничего вкуснее.

– Как приятно это слышать, – отзывается Каролина. – Я рада, что мы можем закончить лето на позитивной ноте.

И тогда я понимаю, что ничего не изменилось.

Я предлагаю помочь убрать со стола, но Тед с Каролиной настаивают, что справятся с уборкой сами. Они напоминают мне, что я сегодня почетная гостя, и говорят, что лучше бы я поиграла с Тедди. Так что мы с ним возвращаемся в бассейн и в последний раз по кругу играем во все наши любимые игры. Мы играем в «Изгоя», «Титаник» и «Волшебника из страны Оз». А потом долго-долго лежим рядышком на надувном матрасе, который покачивается на воде.

– А Норристаун далеко? – спрашивает Тедди.

– Не очень. Меньше чем в часе езды.

– Значит, ты иногда сможешь приезжать к нам в гости?

– Надеюсь, – говорю я ему. – Но точно не уверена.

По правде говоря, сомневаюсь, что мы с ним когда-нибудь еще увидимся снова. Тед с Каролиной без труда найдут новую няню, и она, разумеется, будет умной, симпатичной и очаровательной, и они с Тедди будут играть и развлекаться. А я останусь в их семейной истории случайным пятном – няня, которая продержалась всего семь недель.

И это именно то, что ранит меня сильнее всего: я знаю, что много лет спустя, когда Тедди приведет свою университетскую подружку в гости на семейный обед, обо мне будут рассказывать семейные анекдоты. Меня будут вспоминать как чокнутую няньку, которая изрисовала в доме все стены и которая верила в то, что воображаемая подружка Тедди существовала в реальности.

Мы с ним лежим на матрасе и любимся великолепным закатом. Облака отливают розовым и пурпурным; небо выглядит как картина, из тех, что выставляют в музеях.

– Мы с тобой точно сможем переписываться, – обещаю я ему. – Ты будешь присылать мне свои рисунки, а я писать тебе письма.

– Было бы здорово.

Он указывает на самолет в вышине, за которым тянется белая полоса.

– А до Норристауна можно долететь на самолете?

– Нет, дружок, там нет аэропорта.

Тедди явно разочарован.

– Когда-нибудь я полечу на самолете далеко-далеко, – говорит он. – Папа говорит, большие самолеты летают со скоростью пятьсот миль в час.

Я со смехом напоминаю ему, что он уже летал на самолете.

– Когда вы с мамой и папой возвращались из Барселоны.

Он качает головой.

– Мы приехали из Барселоны на машине.

– Нет, на машине вы ехали до аэропорта. А потом летели на самолете. Из Барселоны до Нью-Джерси на машине не доедешь.

– Мы доехали. Целую ночь пришлось ехать.

– Барселона на другом континенте. За большим-большим океаном.

– Они построили подводный туннель! – говорит Тедди. – С толстыми-претолстыми стенами, чтобы защититься от морских чудищ!

– Ты говоришь глупости!

– Спроси папу, Мэллори! Это правда!

Тут начинает звонить телефон, который я оставила на бортике бассейна. Я включила звук на полную громкость, чтобы не пропустить звонок Адриана.

– Я сейчас вернусь, – говорю я Тедди и, плюхнувшись в воду, плыву к краю бассейна.

Однако я оказываюсь недостаточно проворной, и к тому времени, когда я хватаю телефон, он уже успевает переключиться на голосовую почту.

Я вижу, что Адриан прислал мне какую-то фотографию. Пожилая чернокожая женщина в тонкой красной кофте сидит в инвалидной

коляске. Взгляд у нее отсутствующий, но волосы аккуратно подстрижены. Выглядит она аккуратной и ухоженной.

Следом приходит еще одно фото: та же самая женщина снята рядом с мужчиной лет пятидесяти. Он обнимает женщину за плечи и указывает в направлении камеры, пытаясь побудить ее смотреть в объектив.

Адриан перезванивает.

– Ты получила мои фотографии?

– Что это за люди?

– Это Долорес Джин Кэмпбелл и ее сын Кертис. Дочь и внук Энни Барретт. Я только что провел в их обществе два часа. Кертис навещает маму каждое воскресенье. И мы с тобой все совершенно не так поняли.

Это кажется невозможным.

– Энни Барретт была чернокожей?

– Нет, но она определенно была не венгеркой. Она родилась в Англии.

– Она англичанка?

– Ее внук, Кертис, сейчас стоит рядом со мной. Я передам ему трубку, пусть он сам тебе все расскажет, хорошо?

Тедди смотрит на меня из воды. Он уже явно заскучал и ждет, когда я вернусь к нему и мы снова будем играть. Я одними губами шепчу ему: «Пять минут»; он забирается на матрас и принимается бить по воде ногами, направляя матрас туда-сюда.

– Здравствуйте, Мэллори, это Кертис. Вы в самом деле живете в домике бабушки Энни?

– Н-наверное.

– Спрингбрук, штат Нью-Джерси. За Хайденс-глен, да? Ваш друг Адриан показал мне рисунки. Но вы можете не беспокоиться, дух моей бабушки вас не преследует.

Я окончательно перестаю что-либо понимать.

– Откуда вы знаете?

– Сейчас я все вам расскажу. Она приехала в Спрингбрук из Англии после Второй мировой войны и поселилась у своего кузена Джорджа. Они жили на восточной окраине Хайденс-глен. В те времена это был очень белый и очень зажиточный район. А мой дедушка Вилли жил на западной окраине Хайденс-глен. В районе под названием

Корриган. Для цветных. Он работал на бензоколонке «Тексако», а после работы шел рыбачить на ручей, чтобы поймать что-нибудь себе на ужин. Дедушка любил ловить рыбу. Он каждый день ел форель и окуней, если был клев. И вот однажды рыбачит он и видит красивую белую девушку, которая гуляет босиком с альбомом в руках. Она говорит ему: «Привет!» Дедушка рассказывал, что ему даже глаза на нее поднять было страшно. Это же был сорок восьмой год, понимаете? Если ты чернокожий мужчина, а тебе вдруг улыбается белая женщина, ты отводишь глаза. Но бабушка Энни родом из Англии, из Кресскомба. Это приморский городок, где полным-полно карибских эмигрантов. Она не боится чернокожих. Она каждый день здоровается с дедом. Постепенно они становятся друзьями, а потом и не только друзьями. Дедушка начинает по ночам прокрадываться через лес, чтобы навестить бабушку в вашем домике. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Думаю, да. – Я бросаю взгляд в сторону бассейна, чтобы проверить, как там Тедди. Он по-прежнему кружит на матрасе, и мне становится стыдно, что я в свой последний день игнорирую его, но мне нужно дослушать до конца. – И что было дальше?

– А дальше в один прекрасный день Энни приходит к своему кузену Джорджу и сообщает, что беременна. Только в те времена она не стала бы употреблять это слово. Скорее всего, она сказала, что «в положении». Она говорит Джорджу, что Вилли – отец ребенка и что она намерена с ним сбежать. Они поедут на запад, в Огайо, и будут жить у родни Вилли на ферме, где до них никому не будет никакого дела. А Энни страшная упрямецка, так что Джордж понимает, что помешать ей у него не выйдет.

– И что Джордж?

– Ну, Джордж, разумеется, приходит в ярость. Он называет ее будущего ребенка выродком и говорит, что их брак не будет ничего значить в глазах Господа. Что Энни будет для него мертва и что для всей семьи она перестанет существовать. Она в ответ пожимает плечами и говорит, что они все равно никогда ничего для нее не значили. А потом собирает вещи и исчезает. Все это ставит Джорджа в крайне неловкое положение. Он – столп местного общества. Дьякон в церкви. Он не может сказать людям, что его кузина сбежала с цветным. Он скорее умрет, чем позволит, чтобы правда всплыла наружу. Поэтому он придумывает историю. Он идет к мяснику и покупает два

ведра свиной крови. В те времена никакой судмедэкспертизы не было, кровь и кровь. Он разливает ее по всему домику, переворачивает мебель, чтобы создать впечатление, что кто-то устроил разгром. А потом вызывает полицию. Полицейские обыскали весь город, даже ручей с сетями прочесали, но тела так и не нашли, потому что никакого тела не было. Бабушка называла эту историю Большим Побегом. Последующие шестьдесят лет она прожила на ферме под Экроном. В сорок девятом году она родила мою мать, Долорес, а в пятидесятом – моего дядю Тайлера. На момент смерти у нее было четверо внуков и три правнука. Она дожила до восьмидесяти одного года.

Кертис рассказывает эту историю очень гладко и уверенно, но я все равно не могу ему поверить.

– И никто так и не узнал правды? В Спрингбруке до сих пор считают, что ее убили. Она героиня местных страшилок. Дети говорят, что ее призрак бродит по лесу.

– Думаю, Спрингбрук не сильно изменился с сороковых. Тогда его называли зажиточным, а сейчас, думаю, просто «благополучным». Слова разные, а суть одна. Но если вы поедете в Корриган, то найдете там массу людей, которые знают правду.

Мне вспоминается разговор с детективом Бриггс.

– Думаю, я уже встречала одного такого человека. Просто я ей не поверила.

– Ну, надеюсь, я вас успокоил, – говорит Кертис. – Простите, меня жена ждет в машине, так что я возвращаю трубку вашему другу.

Я благодарю Кертиса за рассказ, и он передает телефон обратно Адриану.

– С ума сойти, да?

– Значит, мы с самого начала были не правы?

– Энни Барретт никто не убивал. Наш призрак – не она, Мэллори. Все эти рисунки нарисовал кто-то другой.

– Тедди? – Я вскидываю глаза на голос и вижу, что на краю бассейна стоит Каролина Максвелл. – Уже поздно, малыш. Пора вылезать.

– Ну можно еще пять минуточек? – просит он.

Я машу Каролине рукой, давая понять, что займусь Тедди.

– Мне надо идти, – говорю я Адриану. – Ты не заглянешь ко мне, когда вернешься? Раз уж сегодня моя последняя ночь здесь.

– А не слишком поздно будет? Навигатор говорит, что я приеду в лучшем случае к полуночи.

– Я буду ждать. Аккуратней на дороге.

Голова у меня идет кругом. Такое ощущение, как будто я с разбегу налетела на каменную стену. Последние несколько недель я шла по ложному следу, и теперь нужно пересматривать все, что я знаю об Ане.

Но сначала нужно вытащить Тедди из бассейна.

– Вылезай, Тедди-медведик. Пойдем, я тебя ополосну.

Мы берем полотенца и идем через двор к кабинке летнего душа. Перед ней установлена маленькая скамеечка, и Каролина уже заботливо выложила на нее любимую пижаму Тедди с пожарными машинами и чистое белье. Я ныряю в кабинку, чтобы включить воду и отрегулировать температуру, после чего уступаю место Тедди. Он запирается изнутри, а я жду снаружи с полотенцем. Он спускает длинные плавательные шорты, и они влажно плюхаются на бетонный пол. Он ногой просовывает их мне под дверцей. Я подбираю их и отжимаю. Потом бросаю взгляд на дом Митци. В кухне горит свет, и я замечаю во дворе детектива Бриггс. Она ходит вокруг дома с чем-то с виду похожим на металлический прут и тычет им в землю, производя какие-то измерения. Я приветственно машу ей рукой, и она подходит ко мне.

– Мэллори Куинн, – произносит она. – Я слышала, вы завтра утром уезжаете?

– Так сложились обстоятельства.

– Каролина тоже так сказала. Но должна признаться, я несколько удивлена, что вы в разговоре со мной ни разу об этом не упомянули.

– К слову не пришлось.

Она ждет, что я объясню, но что я могу ей сказать? Я не слишком-то горжусь тем, что меня уволили. Я пытаюсь переменить тему.

– Мне только что звонил внук Энни Барретт. Некий Кертис Кэмпбелл. Он живет в Экроне, в Огайо. Утверждает, что его бабушка Энни дожила до восьмидесяти одного года.

Детектив Бриггс ухмыляется.

– Я же говорила вам, что вся эта история – туфта. Мой дед рос с Вилли. Они вместе рыбачили.

Тут из-за дверей душевой кабинки доносится голос Тедди:

– Мэллори?

– Я тут, малыш.

В его голосе звучит неприкрытый страх:

– На мыле сидит жук!

– Что за жук?

– Большой. Многоножка.

– Так смой его водой.

– Не могу! Смой ты!

Он отпирает дверь и забивается в дальний угол кабинки, чтобы я могла войти. Я тянусь к мыльнице, ожидая увидеть какую-нибудь гадкую мокрицу, но на мыле никого нет.

– Где он?

Тедди мотает головой, и я понимаю, что жук – выдумка, предлог, чтобы заставить меня открыть дверцу.

– Нас арестуют? – шепчет он.

– Кто?

– Та тетенька из полиции. Она на нас сердится?

Я в полном замешательстве смотрю на Тедди. Все это бред какой-то.

– Нет, малыш, все в порядке. Никто нас с тобой не арестует. Давай заканчивай уже, ладно?

Я закрываю дверцу кабинки, и он снова запирается изнутри.

Детектив Бриггс все это время терпеливо ждет.

– Все в порядке?

– Да, с Тедди все нормально.

– Я имею в виду вас, Мэллори. У вас такое выражение лица, как будто вы только что увидели призрака.

Я плюхаюсь в кресло, чтобы собраться с мыслями, и говорю, что все еще не могу прийти в себя после телефонного разговора.

– Я убедила себя в том, что Энни Барретт убили. У меня просто в голове не укладывается, что люди семьдесят лет распространяли эту историю.

– Ну, правда пришло бы Спрингбруку не по вкусу. Будь у тутошних жителей чуть больше терпимости, возможно, Вилли с Энни остались бы здесь. Возможно, Джордж не посчитал бы необходимым инсценировать убийство. – Детектив Бриггс смеется. – Представляете,

у нас в отделе до сих пор есть ребята, которые считают, что Энни Барретт в самом деле убили! Я говорю им правду, но они ведут себя так, как будто это я все выдумываю. Чернокожая женщина-детектив пытается разыграть расовую карту. – Она пожимает плечами. – Ладно, не буду вас долго задерживать. У меня возник один маленький вопрос. Мы нашли на кухне у Митци ее мобильный телефон. Он разрядился, но мы нашли зарядку и привели его в чувство. Похоже, она как раз набирала вам сообщение. На мой взгляд, там полная бессмыслица, но, возможно, вам оно что-то скажет. – Она смотрит в блокнот, щурясь поверх очков. Вот что там было: «Нам надо поговорить. Я была не права. Аня – это не имя, а...» – Бриггс останавливается и вскидывает на меня глаза. – На этом сообщение обрывается. Эти слова что-то вам говорят?

– Нет.

– А «Аня»? Может, это опечатка?

Я киваю в сторону душевой кабинки:

– Аня – имя невидимой подружки Тедди.

– Невидимой подружки?

– Ему пять лет. У него живое воображение.

– Я знаю, что ее на самом деле не существует! – кричит он из-за двери. – Она выдуманная!

Бриггс хмурится, озадаченная этим загадочным высказыванием. Потом перелистывает свой блокнот на несколько страниц вперед.

– Вчера я говорила с Каролиной Максвелл, и она утверждает, что слышала, как Митци в четверг вечером с кем-то спорила, и видела, как Митци в половине одиннадцатого вечера вышла из дома в одной ночной рубашке. Вы, случайно, ничего такого не слышали?

– Нет, но меня не было дома. Я была у Адриана. В трех кварталах отсюда. У его родителей была вечеринка. – В четверг в половине одиннадцатого я сидела в саду Цветочного замка и попусту тратила время на «Собрание работ Анны К. Барретт». – Вы уже установили причину смерти Митци?

Бриггс понижает голос, чтобы не услышал Тедди.

– К сожалению, судя по всему, там не обошлось без наркотиков. Отек легких, вызванный передозировкой. По времени – предположительно ночь четверга или раннее утро пятницы. Только не

надо бросаться писать об этом в «Фейсбуке». Повремените несколько дней.

– Это был героин?

Бриггс явно удивлена.

– Откуда вы знаете?

– Это просто моя догадка. Я успела кое-что увидеть у нее в доме. У нее по всей гостиной валялись колпачки от шприцов.

– Что ж, ваша догадка верна, – кивает Бриггс. – Считается, что пожилые люди не употребляют тяжелые наркотики, но в больницы Филадельфии таких привозят каждую неделю. Это куда более распространенная проблема, чем кажется. Возможно, ее вечерний гость был торговец наркотиками. Возможно, они поссорились. У нас пока еще нет окончательной версии. – Она протягивает мне еще одну визитку, но я говорю, что у меня уже есть. – Если вам придет в голову еще какая-нибудь мысль, позвоните мне, ладно?

После того как Бриггс уходит, Тедди открывает дверцу и выходит из душевой кабинки, вымытый и одетый в пижаму с пожарными машинками. Я обнимаю его и обещаю зайти к нему утром, чтобы попрощаться. Потом довожу его до входа в дом.

Я держу себя в руках до тех пор, пока не захожу к себе в коттедж и не запираю дверь. Потом падаю на кровать и зарываюсь лицом в подушку. За последние тридцать минут на меня обрушилось такое количество ошеломляющих открытий, что они не умещаются в голове. Это просто невероятно. Словно кто-то взял и разметал все кусочки головоломки, которые я так тщательно прилаживала друг к другу.

Но одну вещь я знаю точно.

Максвеллы все это время мне лгали.

Я дожидаюсь, когда стемнеет, чтобы Тедди уже точно уснул, а потом иду в большой дом, поговорить с Тедом и Каролиной. Они сидят в кабинете, в противоположных концах дивана, окруженные со всех сторон моими безумными рисунками с лесной чащей, заблудившимися детьми и крылатыми ангелами. В углу свалена защитная полиэтиленовая пленка и малярные принадлежности: валики, сухая

штукатурка и две банки белой краски. Судя по всему, они собрались перекрашивать стены – завтра же прямо с утра, как только Рассел меня увезет.

Каролина то и дело прикладывает к бокалу с вином, неподалеку от нее стоит початая бутылка мерло. Тед держит в руках кружку с горячим чаем и осторожно дует на него. Умная колонка транслирует какую-то яхт-роковую радиостанцию. Судя по всему, Максвеллы рады меня видеть.

– Мы надеялись, что ты зайдешь, – говорит Каролина. – Все вещи уже собрала?

– Почти.

Тед протягивает мне свою кружку, предлагая понюхать.

– Я только что заварил чай из гинкго билоба. Налить тебе?

– Нет, спасибо, не нужно.

– Думаю, он тебе понравится, Мэллори. Он отлично снимает воспаление. После тренировки. Давай я тебе налью.

Кажется, выбора у меня нет. Тед спешит на кухню, и я готова поклясться, что во взгляде Каролины мелькает раздражение.

Однако она спрашивает лишь:

– Надеюсь, тебе понравился ужин?

– Да. Это было очень мило с вашей стороны. Спасибо.

– Я рада, что мы смогли устроить тебе настоящие проводы. И думаю, Тедди это тоже было полезно. Теперь у него будет ощущение завершенности. Для детей это важно.

Повисает неловкая пауза. Я знаю, какие вопросы необходимо задать, но хочу дождаться возвращения Теда, чтобы увидеть реакцию обоих. Я обвожу взглядом стены и натыкаюсь на два рисунка, которые каким-то образом ускользнули от моего внимания: они маленькие и расположены почти у самого пола. Ничего удивительного, что мы с Адрианом их не заметили. Они находятся рядом с электрической розеткой – вернее, один из них нарисован прямо вокруг нее, как будто электрический разряд изливается прямо из розетки в картину. Ангел держит в руке что-то вроде волшебной палочки, прижимая ее к Аниной груди, окружая ее энергетическим полем, парализуя ее.

– Это что, электрошокер?

Каролина улыбается мне поверх бокала.

– Прощу прощения?

– На этих рисунках. В пятницу я их не заметила. Вам не кажется, что волшебная палочка, которую она держит в руке, выглядит в точности как ваш вайпер?

Каролина протягивает руку к бутылке и доликает себе вина.

– Если мы будем пытаться интерпретировать все символы на этих картинках, нам целой ночи не хватит.

Но я знаю, что эти рисунки – не символы. Они – часть последовательности, недостающие кусочки головоломки. Адриан был прав относительно загадочных черных каракуль. «Аня говорит нам,

что она закончила. Больше рисунков не будет. У нас есть все, что нам нужно».

Тед возвращается меньше чем через минуту с кружкой дымящейся серой жидкости в руках. Выглядит она как вода, в которой кто-то прополоскал грязную половую тряпку, и пахнет зоомагазином. Я беру картонную подставку и ставлю кружку на стол.

– Он уже настоялся, – говорит Тед. – Как только остынет, можно сразу пить.

Он плюхается на диван рядом с женой и, взяв ноутбук, включает вместо Марвина Гайе Джони Митчелл, песню про пряди ангельских волос и воздушные замки из мороженого.

– Я тут узнала кое-что любопытное про Митци, – говорю я им. – Прямо перед смертью она пыталась отправить мне сообщение. Она хотела, чтобы я знала, что Аня – это не имя. Это что-то другое. Детектив Бриггс не смогла понять, что именно.

– Ну, это совершенно точно имя, – возражает Тед. – Это русское уменьшительное от Анны. Оно популярно во всей Восточной Европе.

– Ну, в общем, я попробовала загнать его в гугловский онлайн-переводчик. И по всей видимости, это венгерское слово. Оно означает «мамочка». Не «мама», а «мамочка». Так мог бы сказать маленький ребенок. Вам это не кажется странным?

– Не знаю, – пожимает плечами Каролина. – А должно?

– Выпей лучше чаю, пока не остыл, – говорит Тед. – Он разжижает слизь в носовых пазухах.

– А знаете, что еще странно? Тедди утверждает, что никогда в жизни не летал на самолете. Хотя всего три месяца назад вы все вместе прилетели из Барселоны. И если верить сайту «Американ эйрлайнс», это восемь часов лёта. Я проверяла. Как может маленький мальчик забыть о самом большом авиапутешествии в жизни?

Каролина открывает рот, чтобы ответить, но Тед торопливо перебивает ее.

– На самом деле с полетом вышла забавная история. Тедди очень нервничал, поэтому я решил дать ему бенадрил. Говорят, дети от него засыпают. Но я не знал, что Каролина уже дала ему бенадрил. Так что он получил двойную дозу и вырубился на целый день. Проснулся уже только в машине, которую мы сняли, по пути домой из аэропорта.

– Вы это серьезно, Тед? Это ваше объяснение?

- Это правда.
- Двойная доза бенадрила?
- На что ты намекаешь, Мэллори?

Он выдавливая из себя улыбку и взглядом умоляет меня прекратить задавать вопросы.

Но я уже не могу остановиться.

Я должна задать самый главный вопрос.

Вопрос, который расставит все по своим местам.

– Почему вы не сказали мне, что Тедди – девочка?

Я очень внимательно наблюдаю за реакцией Каролины – и если на ее лице что-то и отражается, то это праведное негодование.

– Ну, для начала мы находим формулировку твоего вопроса оскорбительной. Ты понимаешь почему?

– Я видела его в душе. После плавания. Вы думали, что я никогда об этом не узнаю?

– Ну до сегодняшнего дня не узнала же, – печально замечает Тед.

– Это не секрет, – говорит Каролина. – Мы ничуть не стыдимся этого факта. Мы просто не знали, как ты к этому отнесешься. Да, Тедди родился девочкой. И три года мы растили его как девочку. Но потом нам стало ясно, что он ощущает себя мальчиком. Так что да, Мэллори, мы позволили ему выразить свою гендерную идентичность через соответствующую одежду и стрижку. И разумеется, мы позволили ему выбрать себе более мужское имя. Он захотел взять имя своего отца.

– Существует масса очень любопытных исследований по трансгендерным детям, – вклинивается Тед, но его взгляд по-прежнему умоляет меня заткнуться. – У меня есть кое-какие книги по этой теме, если тебе интересно.

И что самое безумное во всем происходящем, по-моему, они искренне ожидают от меня, что я буду делать вид, будто все это совершенно нормально.

– Вы хотите мне сказать, что ваш пятилетний ребенок – трансгендер, но это каким-то образом ни разу не выплыло наружу?

– Мы знали, что ты так и отреагируешь, – говорит Каролина. – Мы знали, что твои религиозные убеждения...

– Я не имею ровным счетом ничего против трансгендерных людей...

– Почему ты тогда поднимаешь вокруг этого такой шум?

Я ее больше не слушаю. Мой мозг лихорадочно работает. Все странности в поведении Тедди внезапно встают на свои места: и его нежелание играть с мальчишками на детской площадке, и возмущенные вопли каждый раз, когда Тед тащил его к парикмахеру, и заикливость на одной и той же футболке в фиолетовую полоску. Полоски очень светлые, почти сиреневые – самого близкого к девчачьему цвета в его гардеробе.

И все эти раздражающие звонки из школы про запись в детский сад...

– У вас нет прививочного сертификата, – осеняет меня. – Свидетельство о рождении, возможно, есть – наверняка существуют какие-то способы купить липовое, если есть деньги. Но школы в Спрингбруке к прививкам относятся очень серьезно. Прививочный сертификат должен прислать в школу непосредственно лечащий врач. А вы не смогли это организовать. Вот почему из школы без конца названивают.

Тед качает головой.

– Это неправда. У нас в Барселоне был отличный педиатр...

– Прекратите уже врать про Барселону, Тед. Вы там никогда не были. Ваш испанский ужасен. Вы не опознали даже слово «картошка» на испанском. Я не знаю, где вы скрывались последние три года, но точно не в Барселоне.

Не будь я так взбуродражена, я, возможно, заметила бы, что Каролина внезапно притихла. Она ничего не говорит и молча наблюдает за всем происходящим.

– Вы украли у кого-то маленькую девочку. Вы одевали ее как мальчика. Вы растили ее так, чтобы она считала себя мальчиком. И это сходило вам с рук, потому что ей всего пять лет. Потому что весь ее крохотный мирок – это вы. Но что будет, когда она пойдет в школу? Когда у нее появятся друзья? Когда она станет старше и в игру вступят гормоны? Как вообще два взрослых человека с высшим образованием себе все это представляли? Нужно быть совершенно...

Я не заканчиваю фразу, потому что единственное слово, которое у меня напрашивается, это «ненормальными».

Я понимаю, что надо заткнуться, что я делюсь своими умозаключениями не с теми людьми. Я что, в самом деле

рассчитывала, что Максвеллы со мной согласятся? Раскаются и признаются во всем, что совершили? Надо уходить прямо сейчас, надо идти к детективу Бриггс и все ей рассказать.

– Мне надо собирать вещи, – говорю я им, как ни глупо это звучит.

– Тед, – спокойным голосом произносит Каролина.

Я на полпути к двери, когда бутылка разбивается о мою голову. Я падаю ничком, выронив из рук телефон. По лицу и шее что-то течет. Я поднимаю руку, чтобы утереть кровь, и на пальцах остаются красные пятна. По моей щеке стекает мерло.

За спиной у меня переругиваются Максвеллы.

– Он на кухне.

– Я там смотрел.

– В большом ящике. Где я держу марки!

По дороге из кабинета на кухню Тед аккуратно перешагивает через меня, чтобы не наступить, хотя он только что разбил о мою голову бутылку. Он ставит ногу прямо рядом с моим смартфоном, который экраном вниз лежит на ковре. На заставку выведена тревожная кнопка – иконка, одно прикосновение к которой передаст адрес Максвеллов в службу спасения. Но телефон слишком далеко, мне не дотянуться, а сил подняться у меня нет. Самое большее, на что я сейчас способна, это упереться носками кроссовок в пол и, отталкиваясь, попытаться поползти до него на животе.

– Она ползет, – говорит Каролина. – Ну или пытается ползти.

– Одну секунду! – отзывается Тед.

Я тянусь к телефону и внезапно обнаруживаю, что мое пространственное восприятие искажено. Телефон больше не находится в нескольких дюймах от кончиков моих пальцев – внезапно он оказывается где-то посреди холла, на расстоянии длины футбольного поля от меня. Я слышу, как Каролина подходит ко мне сзади, слышу, как хрустит под ее подошвами битое стекло. Я ее не узнаю. Она больше не та добрая, заботливая мать, которая открыла для меня двери своего дома и убеждала поверить в себя. Она превратилась в... в нечто иное. Взгляд у нее холодный и расчетливый. Она смотрит на меня как на пятно на полу, как на загрязнение, которое необходимо оттереть.

– Каролина, пожалуйста, – прошу я, но слова звучат не так, как должны; язык у меня заплетается. Я повышаю голос и пытаюсь снова, но губы отказываются повиноваться. Я тяну слова как игрушка, у которой садится батарейка.

– Ч-ш-ш, – прижимает она палец к губам. – Мы ведь не хотим разбудить Тедди?

Я перекатываюсь на бок и чувствую, как в бедро впиваются острые осколки. Каролина пытается обойти меня, не подходя слишком близко, но я растянулась поперек коридора, преграждая ей дорогу. Я сгибаю правое колено и благодарю Бога за то, что оно двигается как полагается. Я подтягиваю правое бедро к животу и, когда Каролина наконец собирается с духом, чтобы перешагнуть через меня, что было силы бью ее пяткой в голень. Раздается громкий треск, и она с размаху летит вперед и приземляется прямо на меня.

Я знаю, что могу ее одолеть. Я сильнее их с Тедом, вместе взятых. Я готовилась к этому моменту все последние двадцать месяцев. Я бегала, плавала и правильно питалась. Я отжималась по пятьдесят раз в день, пока Тед с Каролиной сидели и пили вино. Я не сдамся. Каролинин локоть оказывается поблизости от моего лица, и я изо всех сил впиваюсь в него зубами. Она вскрикивает от неожиданности, отдергивает руку и тянется к моему телефону. Я хватаю ее за шиворот платья и тяну. Мягкий хлопок рвется, как бумага, обнажая ее шею и плечи. И тут моему взгляду наконец открывается та самая злополучная татуировка, сделанная во время учебы в колледже, когда она была одержима Джоном Мильтоном и «Потерянным раем».

Это пара больших крыльев, вытатуированных у нее между лопатками.

Ангельские крылья.

Из кухни на выручку ей уже спешит Тед. В руке у него вайпер, и он кричит Каролине, чтобы отодвинулась. Я снова замахиваюсь ногой – я знаю: это моя единственная надежда – если я собью его с ног, возможно, он выронит электрошокер и я смогу...

Я несколько раз моргаю и прихожу в себя уже в темноте.

В полумраке смутно виднеются знакомые очертания: кровать, тумбочка, неподвижный вентилятор под потолком, массивные деревянные балки.

Я у себя в коттедже.

Я сижу на стуле с жесткой спинкой. Пазухи носа щиплет, как будто их промыли хлоркой.

Я пытаюсь подняться, но тут же обнаруживаю, что не могу пошевелить руками: мои скрещенные запястья заведены за спину, вывернуты под болезненным углом и накрепко привязаны к стулу.

Я шевелю губами, пытаюсь позвать на помощь, но голова опутана какими-то туго натянутыми веревками. Рот заткнут кляпом, мокрой скомканной тряпкой размером с яблоко. Челюсти разламываются от боли.

Все мои мышцы напрягаются, а сердце колотится от осознания всего того, что я не могу сделать: я не могу пошевелиться, не могу произнести ни слова, не могу закричать, не могу даже отвести с лица волосы. Когда нет возможности ни бить, ни бежать, остается лишь одно – паниковать. Мне так страшно, что кажется, меня сейчас вырвет, но, на мое счастье, этого не происходит, потому что я, скорее всего, попросту захлебнулась бы.

Я закрываю глаза и произношу про себя коротенькую молитву. «Господи, пожалуйста, помоги мне. Помоги мне найти выход». Потом делаю медленный глубокий вдох через нос, до максимума наполняя легкие воздухом, прежде чем выдохнуть его. Этому упражнению меня научили в реабилитационном центре; оно помогает расслабиться и снять тревожность. Сердцебиение замедляется, нервы приходят в порядок.

Я повторяю это упражнение трижды.

А потом заставляю себя напрячь мозг.

У меня еще остались варианты. Ноги у меня не связаны. Возможно, мне удастся встать, но в таком случае стул останется привязанным к моей спине, как черепаший панцирь. Передвигаться в таком виде медленно и неудобно, но не невозможно.

Я могу повернуть голову вправо и влево. Могу разглядеть красные светодиодные цифры, горящие на часах на микроволновке: они показывают 23:07. Адриан должен вернуться примерно в полночь. Он

обещал заехать ко мне. Но что, если он постучится в дверь, а ему никто не ответит? Будет он пытаться проникнуть внутрь?

Думаю, вряд ли.

Только если я смогу подать ему знак.

До карманов мне не дотянуться, но я совершенно уверена, что в них ничего нет. Ни мобильного телефона. Ни ключей. Ни электрошокера. Но зато в ящике на кухне полно ножей. Если я каким-то образом смогу до них добраться и перерезать мои путы, я избавлюсь от стула и буду вооружена.

Я ставлю ноги на пол и наклоняюсь вперед, пытаюсь подняться, но стул за спиной перевешивает и тянет назад. Единственная моя надежда – попробовать вздернуть себя на ноги резким рывком. Главное – правильно рассчитать усилие, чтобы не потерять равновесие и не полететь носом в пол.

Я все еще собираюсь с духом перед попыткой, когда снаружи слышатся чьи-то шаги и скрип истертых деревянных ступенек. Потом дверь открывается внутрь, и Каролина включает свет.

На ней все то же платье с глубоким круглым вырезом, но теперь к нему прибавились еще и синие латексные перчатки. В руках она держит симпатичную холщовую сумку, с какими ходят в супермаркете, кого беспокоит загрязнение океанов пластиковым мусором. Похоже, то, что я в сознании, ее удивляет. Она ставит сумку на тумбу в кухне и принимается выкладывать на столешницу содержимое: зажигалку для гриля, металлическую чайную ложку, крохотный шприц и иголку с оранжевым пластмассовым колпачком.

Все это время я умоляю ее, но вместо слов выходят одни только звуки. Каролина старательно игнорирует меня и пытается сосредоточиться на том, что делает, но я вижу, что мое мычание ее раздражает. В конце концов она протягивает руку и ослабляет веревки у меня на затылке. Я закашливаюсь, промокший кляп выпадает изо рта и, скатившись с моих колен, плюхается на пол.

– Не вздумай кричать, – предупреждает Каролина. – Говори тихо.

– За что вы со мной так?

– Я пыталась расстаться с тобой по-хорошему, Мэллори. Устроила прощальный праздник. Приготовила мой фирменный салат. Гирлянды развесила. Мы с Тедом даже выходное пособие тебе приготовили. Твой

месячный заработок. Собирались завтра с утра сюрпризом выдать тебе чек.

Она печально качает головой, потом достает из холщовой сумки маленький пакетик с белым порошком.

– Что это?

– Это героин, который ты украли из дома Митци. Вчера вечером, когда обшаривала ее спальню.

– Это неправда!

– Разумеется, правда, Мэллори. В твоей душе скопилось много подавляемого горя. Ты все это время выдавала себя за студентку колледжа, звезду легкой атлетики, отсюда повышенная тревожность. А потом еще на все это наложился стресс от потери работы – не только заработка, но и жилья, – и в результате ты не выдержала и сорвалась.

Я понимаю, что Каролина на самом деле в это не верит – она просто репетирует свой рассказ. Она продолжает:

– Тебе была отчаянно необходима доза. Ты знала, что Митци употребляет наркотики, поэтому пробралась к ней в дом и нашла ее заначку. Но ты не подозревала о том, что она мешала героин с фентанилом. Две тысячи микрограммов, доза, способная уложить лошадь. Твои опиоидные рецепторы закоротило, и у тебя произошла остановка дыхания.

– Это та история, которую вы собираетесь рассказать полиции?

– Это тот вывод, к которому они придут. На основании твоего прошлого. И результатов вскрытия. Завтра утром я постучусь к тебе, чтобы спросить, не нужно ли помочь собрать вещи. Когда на мой стук никто не ответит, я открою дверь своим ключом и войду внутрь. И обнаружу тебя в постели с иглой, торчащей из руки. Я закричу и позову Теда. Он попытается сделать тебе искусственное дыхание. Мы вызовем «скорую», но медики скажут, что ты уже несколько часов как мертва. И что мы ничего не могли сделать. А мы по доброте душевной похороним тебя по-человечески и даже поставим тебе памятник. Рядом с могилой твоей сестры. Иначе Расселу придется заплатить за все из своего кармана, а это будет несправедливо.

Каролина вскрывает пакетик и принимается осторожно пересыпать белый порошок в ложку, сосредоточенно склонившись над столешницей. Моим глазам снова открывается татуировка в виде ангельских крыльев у нее между лопатками.

– Это вы тот ангел на рисунках. Вы оглушили Аню разрядом электрошокера, а потом задушили.

– Это была самозащита.

– Из самозащиты людей не душат. Вы убили ее. И украли ее маленькую дочку. Сколько ей тогда было? Два? Два с половиной?

Ложка выскальзывает у Каролины из пальцев и с грохотом падает на столешницу. Белый порошок рассыпается, и она раздраженно качает головой.

– Не делай вид, будто понимаешь ситуацию. Ты представления не имеешь о том, что мне пришлось пережить.

Она берет пластмассовую лопаточку и медленно ведет ею по столешнице, собирая весь порошок в кучку.

– Я знаю, что Тед помогал вам, – говорю я. – Тот мужчина на рисунках – это он. Вы убили Аню и забрали ее дочку. А потом отправили Теда закопать ее труп. Когда это произошло, Каролина? Где вы тогда жили?

Она со смехом качает головой.

– Я вижу, в какую игру ты пытаешься играть. В психотерапии мы постоянно используем этот прием. Тебе не удастся заговорить мне зубы.

– У вас с Тедом были проблемы. Он сказал, вы много лет не могли забеременеть. Это была ваша последняя надежда, да? Похищение ребенка?

– Я спасла этого ребенка!

– Это как?

– Не важно. Что сделано, то сделано. Нужно жить дальше. Только, увы, без тебя.

Каролина аккуратно сыпает порошок обратно в ложку и тянется за зажигалкой. Ей приходится несколько раз нажать на кнопку, прежде чем вспыхивает крохотный голубой огонек. Руки у нее дрожат.

– Тедди что-нибудь помнит?

– А ты сама-то как думаешь, Мэллори? На твой взгляд, он выглядит травмированным? Он выглядит грустным или несчастным? Нет, не выглядит. Он ничего не помнит. Он счастливый и довольный жизнью ребенок, и это стоило мне больших усилий. Он никогда не узнает, скольким я ради него пожертвовала. И это хорошо.

Пока Каролина все это мне рассказывает, белый порошок в ложке начинает дымиться, потом чернеет и наконец плавится. На Восточном побережье героин практически не пахнет, но тут я улавливаю нотку какого-то химического запаха – возможно, это и есть фентанил, возможно, какая-то другая смертоносная примесь. Мне как-то рассказывали про одного торговца наркотиками из Камдена, который якобы разбавлял свой товар чистящим порошком. Каролина откладывает в сторону зажигалку и берет шприц. Она погружает иглу в чашечку ложки и медленно оттягивает поршень, набирая в шприц вязкую коричневую жижу.

– Он помнит кролика, – говорю я.

– Прошу прощения?

– На Аниных рисунках маленькая девочка пытается поймать кролика. Она бежит за белым кроликом по лугу. А теперь вспомните мое собеседование, Каролина. Когда я приехала к вам в первый раз, у вас на холодильнике висел один из рисунков Тедди. С белым кроликом. Возможно, он помнит больше, чем вам кажется.

– В этих рисунках нет ни капли правды. Им нельзя верить.

– Я не сразу смогла расшифровать их смысл. Но, думаю, в конце концов я все-таки расположила их в верном порядке. Они там, в папке, у меня на прикроватной тумбочке. По ним можно в точности воссоздать картину того, что произошло.

Каролина достает из сумки резиновый жгут и растягивает его, как будто готовится перетянуть мою руку. Но потом любопытство берет верх. Она подходит к прикроватной тумбочке, открывает папку и начинает перебирать рисунки.

– Нет, нет, ты не понимаешь, эти картинки абсолютно необъективны! Это *ее* версия того, что произошло. Но если бы ты могла это увидеть моими глазами, всю картину целиком, ты бы поняла!

– И как же выглядит вся картина целиком?

– Я не говорю, что не чувствую за собой вины. Я ее чувствую. Я испытываю угрызения совести. Я не горжусь тем, что произошло. Но она не оставила мне выбора.

– Покажите мне, что вы имеете в виду?

– Прошу прощения?

– В ящике тумбочки лежат альбом и карандаш. Нарисуйте, что произошло. Покажите мне вашу версию этой истории.

Мне нужно выиграть время.

Время, за которое Адриан успеет приехать, постучать в дверь и понять: случилось что-то очень-очень плохое.

И похоже, что Каролина не терпит рассказать мне свою версию этой истории. Но она достаточно умна, чтобы понять, что ею манипулируют.

– Ты пытаешься заставить меня изобличить себя. Ты хочешь, чтобы я во всем призналась, нарисовав картинки, а полицейские потом нашли их и арестовали меня. В этом смысл, да?

– Нет, Каролина, я просто пытаюсь понять, что произошло. Почему Тедди понадобилось спасать?

Она берет жгут и подходит ко мне со спины, но у нее не получается перетянуть мою руку. Ее собственные руки слишком сильно трясутся.

– Иногда она проникает ко мне в голову и у меня начинается что-то вроде панической атаки. Через минуту-другую пройдет. – Она опускается на край кровати и закрывает лицо руками, потом делает несколько глубоких вдохов. – Я не ожидаю от тебя сочувствия, но все это далось мне очень нелегко. Это кошмар, который не заканчивается.

Я слышу ее судорожное дыхание. Она обхватывает руками колени и стискивает их изо всех сил, как будто пытается усилием воли заставить себя успокоиться.

– Мы с Тедом раньше жили на Манхэттене, в Верхнем Вест-Сайде. Я работала в больнице Маунт-Синай и к тридцати пяти годам успела уже полностью выгореть. У моих пациентов было слишком много проблем. В мире вообще невообразимое количество боли и горя. А Тед работал на какой-то скучной работе, которую ненавидел.

Наверное, мы с ним просто были двумя несчастными людьми, пытающимися завести ребенка, но у нас ничего не получалось, и каждая неудача делала нас еще более несчастными. Мы перепробовали все что можно: ЭКО, ИКСИ, несколько курсов кломида. Слышала что-нибудь про такие вещи? – Каролина качает головой. – Не важно. Ничего не помогало. Мы оба вкалывали как проклятые, хотя нам и деньги-то были не нужны, мой отец оставил мне огромное состояние. Так что мы наконец решили: а, пошло все к черту, давай бросим работу и годик отдохнем. Мы купили дом на озере Сенека с мыслью, что,

может быть, в более расслабленном состоянии духа у нас получится зачать ребенка.

Только вот беда, у нас нет там друзей. Мы не знаем в округе ни одной живой души. Мы целыми днями сидим в доме и смотрим друг на друга. Потом Тед увлекается виноделием и начинает ходить на мастер-классы к местному виноделу. А я сижу в одиночестве и скучаю, я так скучаю, Мэллори. Я не знаю, куда себя деть. Я пробую писать, фотографировать, заниматься садоводством, печь хлеб, но все мимо. И тогда я понимаю, что, как это ни печально, я просто не слишком творческая личность. Разве не ужасно понять про себя такое?

Я пытаюсь сделать сочувственное лицо и побуждаю ее продолжать. Со стороны можно подумать, что это мать с дочерью болтают за чашкой кофе в кофейне, хотя на самом деле я привязана к стулу, а Каролина держит в руках наполненный шприц, нервозно крутя его в пальцах.

– Единственное, что доставляет мне хоть какое-то удовольствие, это прогулки. По соседству с озером Сенека есть парк с чудесными тенистыми дорожками. Там я впервые и увидела Маргит. Так Аню звали на самом деле – Маргит Барот. Она сидела в тени дерева и рисовала пейзажи. Она была по-настоящему талантлива, и, пожалуй, я ей немного завидовала. А еще она всегда брала с собой свою маленькую дочку. Двухлетнюю девочку по имени Флора. Маргит просто сажала ее на покрывало и предоставляла самой себе. На два или три часа кряду. Она совала ей в руки смартфон и забывала про ее существование. И это было не раз и не два, Мэллори. Я видела их там каждые выходные! Для них это было делом совершенно обыкновенным. Я страшно злилась каждый раз, когда проходила мимо. Сама посудите – такая чудесная девочка, замечательная малышка, жаждущая внимания, а мать пичкает ее видеороликами из Интернета! Как будто она обуза! Я очень много читала о том, как на детях сказываются гаджеты. Они губительны для детского воображения!

В общем, после пары раз я решила вмешаться. Я подошла к ним и попыталась представиться, но Маргит явно не могла взять в толк, что я говорю. Я поняла, что она не говорит по-английски. Поэтому я попыталась объяснить с ней жестами – донести до нее, какая она ужасная мать. Но видимо, она неправильно меня поняла. Она разозлилась, я тоже разозлилась, и вскоре мы уже орали друг на друга,

я на английском, а она на венгерском, пока к нам наконец не подошли какие-то люди. Им в самом буквальном смысле едва не пришлось нас разнимать.

После этого я стала ходить гулять в другие парки. Но та маленькая девочка никак не выходила у меня из головы. У меня было такое чувство, что я предала ее, что у меня была возможность вмешаться, а я ее упустила. Так что как-то раз, месяца, наверное, через два после той стычки, я снова вернулась на озеро. Было утро субботы, и на озере проходил фестиваль воздушных шаров. Его проводят каждый сентябрь, съезжаются тысячи людей, в небе висят яркие разноцветные шары. Для развития детского воображения ничего лучше и придумать нельзя, понимаешь? И Маргит рисует один из этих шаров, а малышка Флора все так же сидит, уткнувшись в телефон. Одна, на покрывале, зарабатывая солнечные ожоги.

Ну и вот, я стою там, чувствуя, что меня все больше и больше разбирает злость, и тут замечаю, как из-под земли вылезает кролик. Видимо, у него где-то там была нора. Он выскочил из травы и отряхнулся, и Флора его увидела. Она закричала: «Аня, аня!» – и со смехом показала на кролика, но Маргит даже не обернулась. Она была слишком увлечена рисованием. Она даже не заметила, как малышка встала и побежала за кроликом, через весь луг. В сторону ручья, Мэллори. Я же должна была что-то сделать, правда? Не могла же я просто стоять и смотреть, как она убегает. Я пошла следом за Флорой, и к тому моменту, когда я нагнала ее, она успела заблудиться. Она громко плакала. Я опустилась перед ней на корточки и сказала, что все хорошо. Я сказала, что знаю, как найти ее маму, и предложила отвести ее обратно. И я действительно собиралась это сделать, Мэллори. Я действительно собиралась отвести Флору обратно.

Я почти утрачиваю нить повествования, потому что вспоминаю спиритическую доску с ее загадочным сообщением и понимаю, что слишком доверилась онлайн-переводчику. В сообщении говорилось не «ПОМОГИ ЦВЕТКУ» – в нем говорилось «ПОМОГИ ФЛОРЕ», ее дочери.

– Я просто хотела провести с ней немного времени, – продолжает между тем Каролина. – Прогуляться с ней, уделить ей внимание. Я подумала, что ее мать не станет возражать. Она ее даже не хватится. Неподалеку проходила тропинка, которая вела в лес, по ней мы и

пошли. В чащу. Только Маргит заметила, что Флора пропала, и побежала ее искать. И каким-то образом нашла нас. Она бросилась за нами в лес. И когда она узнала меня, то пришла в ярость. Она завопила и принялась размахивать руками, как будто намеревалась меня ударить. А я всегда беру с собой на прогулки вайпер – на всякий случай, для самообороны – вот я и пустила его в ход, чтобы защититься. Я дала всего один разряд, только ради того, чтобы отогнать ее. Но видимо, у нее было какое-то неврологическое расстройство, потому что она упала и не смогла встать. У нее начались судороги. Она обмочилась, мышцы у нее подергивались. Бедная Флора была в ужасе. Я знала, что надо вызвать «скорую», но понимала, как это будет выглядеть. Я знала, что, если Маргит расскажет свою версию произошедшего, люди неправильно все поймут.

Поэтому я взяла Флору и отвела ее за дерево. Я велела ей сесть и закрыть глаза, чтобы она не увидела того, что будет дальше. Все остальное, если честно, я плохо помню. Но в этом-то и прелесть человеческого сознания. Оно блокирует все плохое. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю, правда?

Она ждет моего ответа, но я молчу, и она продолжает:

– Ну, в общем, я закидала ее тело листьями и привезла Флору домой в своей машине. Я рассказала Теду о том, что произошло, и он хотел позвонить в полицию, но я убедила его, что все будет в порядке. Мы были в глуши, где нас никто не знал. А та женщина была иммигранткой, которая даже по-английски не говорила. Я решила, что она, наверное, работала у кого-нибудь уборщицей. И что, если мы спрячем ее тело и оставим ребенка у себя, ее никто не хватится. Или просто решат, что она взяла дочку и сбежала. Женщины все время так делают. Я отправила Теда в парк. Он забрал мольберт, покрывало и Флорины игрушки и закопал все это в лесу. Ну, вместе с телом. Его не было всю ночь. Он очень долго возился. Вернулся уже только под утро.

Тут бы и делу конец, но оказалось, что брат Маргит – фигура на озере Сенека заметная. Ему принадлежит дурацкая козья ферма, которую так любят отдыхающие, и он спонсировал визы Маргит и ее мужу Йожефу, чтобы они могли переехать в Соединенные Штаты из Венгрии и работать на него. Хуже того, мне никогда не приходило в голову, что Маргит могла добраться до озера только на машине – это оказался «шеви тахо» с детским креслицем. Полицейские нашли его на

парковке и пустили по следу служебную собаку. Через два часа тело было найдено.

И тут внезапно оказывается, что вся округа ищет пропавшую двухлетнюю девочку, которая безостановочно рыдает у меня дома. Так что я еду в магазин и покупаю ворох мальчишеской одежды. Спортивные костюмы. Футболки с грузовиками. Потом я покупаю машинку и стригу Флору под ежика. И клянусь тебе, это сработало просто магическим образом – я всего лишь сделала ей короткую стрижку, и она стала вылитым мальчиком!

Дыхание Каролины перестало быть судорожным, и руки тоже больше не трясутся. Чем больше она говорит, тем лучше выглядит, как будто снимает со своей совести какой-то чудовищный груз.

– Потом мы сели в машину и уехали. Никакого плана у нас не было. Нам просто нужно было уехать, чем дальше, тем лучше. Мы ехали без остановки до Западной Виргинии, до городка под названием Гилберт. Четыреста человек населения, все до единого пенсионеры в инвалидных колясках. Я написала нашим друзьям, что мы переехали в Барселону, потому что Теду подвернулась возможность, которую нельзя было упускать. Потом мы сняли там дом с участком площадью в десять акров – никаких соседей, тихое место, где мы могли сосредоточиться на нашем малыше.

И клянусь тебе, Мэллори, это был самый тяжелый год в моей жизни. Шесть месяцев Тедди наотрез отказывался разговаривать. Он был так напуган! Но я запаслась терпением. Я занималась с ним каждый день. Я демонстрировала ему любовь, внимание и привязанность. Я наполнила наш дом книгами, игрушками и здоровой едой, и постепенно положение дел стало улучшаться. Он начал выходить из своей раковины. Он научился принимать нас и доверять нам. Он любит нас, Мэллори. Когда он впервые назвал меня мамой, я разрыдалась.

К концу нашего первого года мы добились поразительного прогресса. Мы начали выводить Тедди на люди. Ходить и ездить с ним в магазины. Обычные семейные выходы. Все было просто образцово. Тот, кто не знал нас раньше, ни за что не догадался бы, через что мы прошли.

Ее голос пресекается, как будто на нее накатывает ностальгия по тем временам, когда у нее еще была надежда.

– И что произошло?

– Я никогда не думала, что Маргит найдет нас. Я всегда была материалисткой и никогда не верила ни в какой загробный мир. Но через год жизни в Западной Виргинии у Тедди начались видения. К нему стала являться женщина в белом сарафане. Она поджидала его в спальне во время тихого часа.

– Вы ее видели?

– Нет, никогда. Она показывается только Тедди. Но я чувствовала ее, ощущала ее присутствие, отвратительный запах разложения, который ее сопровождал. Мы сказали Тедди, что это воображаемая подружка. Мы сказали, что на самом деле ее не существует, но он может делать вид, что она настоящая. Он был совсем маленький, поэтому поверил нам.

– А она не пыталась каким-то образом отомстить вам?

– О, она бы с радостью. Она убила бы меня, если бы могла. Но ее возможности очень ограничены. Думаю, спиритическая доска и способность орудовать карандашом – это ее предел.

Я пытаюсь представить себе однообразную жизнь в уединенном доме на десяти акрах земли в сельской глуши Западной Виргинии – в обществе только мужа, похищенного ребенка и мстительного призрака. Не уверена, что продержалась бы хоть сколько-нибудь долго, прежде чем сойти с ума.

– Я понимала, что мы не сможем оставаться «в Барселоне» вечно. Нам всем нужно было продолжать жить нормальной жизнью. Мне хотелось поселиться в приличном месте с хорошими школами, чтобы у Тедди было нормальное детство. Так что в апреле мы переехали сюда, а ко Дню матери^[11] Аня уже снова обосновалась в комнате Тедди, распевая венгерские колыбельные.

– Она последовала за вами?

– Да. Я не знаю, каким образом. Знаю лишь, что пытаться убежать от нее не имеет смысла. Куда бы мы ни уехали, Аня последует за нами. И тогда мне пришла в голову одна мысль: надо попробовать привлечь третье лицо. Нового товарища по играм, который мог бы конкурировать с Аней за внимание Тедди. Ты казалась идеальным кандидатом, Мэллори. Молодая, спортивная, энергичная. Умная, но не чрезмерно. И твое прошлое тоже было в нашей ситуации очень большим плюсом. Я знала, что ты не уверена в себе. И знала, что если

ты увидишь какие-то странные вещи, то усомнишься в собственном рассудке. Во всяком случае, на какое-то время. Но я не могла предвидеть эти дурацкие рисунки. Я не подозревала, что она найдет способ коммуницировать.

Каролина выглядит обессиленной, как будто за последние минуты заново прожила последние три года своей жизни. Я украдкой бросаю взгляд на часы. Всего 23:37. Надо, чтобы она и дальше продолжала говорить.

– А Митци? Что случилось с ней?

– То же, что сейчас случится с тобой. В прошлый четверг через пару часов после вашего сеанса Митци в панике прибежала к нам. Она сказала, что ее спиритическая доска не отключается. Она утверждала, что плашка вращается без остановки и снова и снова показывает одно и то же слово: *ovakodik, ovakodik, ovakodik*. Митци привела нас к себе и показала нам доску. Она выяснила, что это означает: «Берегитесь». И сказала, что ты с самого начала была права, Мэллори: в нашем доме живет призрак и нам нужна помощь. Мы с Тедом вернулись домой и поспорили, как лучше поступить, но в конце концов я все же убедила его поддержать Митци, пока я буду вкалывать ей героин. Потом он оттащил ее тело в лес, а я разбросала по всей гостиной колпачки от иголок и оставила на прикроватной тумбочке жгут. Этого полиции должно было хватить, чтобы прийти к нужному выводу. Потом мы сочинили историю о ночном госте Митци, чтобы вся картина не выглядела слишком уж гладко.

Я снова кошусь на часы – прошла всего минута! – но на этот раз Каролина перехватывает мой взгляд.

– Что ты делаешь? Почему ты смотришь на время?

– Просто так.

– Ты врешь. Но это не важно. – Она поднимается и тянется за жгутом. Руки у нее больше не дрожат. А движения, когда она оборачивает жгут вокруг моей руки и туго его затягивает, уверенные и точные. Мышцы у меня мгновенно немеют.

– Пожалуйста, не надо.

– Прости, Мэллори. Мне жаль, что так вышло.

Ее мягкие пальцы в латексных перчатках постукивают по сгибу моего локтя, чтобы вены набухли и легче было в них попасть. Я

понимаю, что она настроена вполне серьезно и намерена идти до конца.

– Вы до конца своих дней будете мучиться угрызениями совести, – говорю я ей. Мне так страшно, что изо рта у меня брызжет слюна. – Вы будете себя ненавидеть. Вы не сможете с этим жить.

Не знаю, с чего я взяла, что смогу заставить ее передумать. Мои слова, похоже, только еще больше ее злят. Болезненный укол – и игла, пронзив кожу, входит в вену.

– Ищи в ситуации плюсы, – говорит она мне. – Может быть, ты снова увидишь свою сестру.

Она нажимает на поршень, вкалывая мне две тысячи микрограммов героина с фентанилом – дозу, способную свалить с ног лошадь. Все мое тело конвульсивно содрогается, и я чувствую, как по коже начинает разливаться знакомый холодок, как будто кто-то приложил к месту укола кубик льда. Последнее, что я вижу, это как Каролина выключает свет и поспешно скрывается за дверь. Она не хочет даже задержаться, чтобы посмотреть, как я буду умирать. Я закрываю глаза и молю Бога – прости меня, пожалуйста, пожалуйста, прости. Мне кажется, что я опрокидываюсь и лечу куда-то вместе со стулом, что стул и мое тело провалились сквозь пол и парят в невесомости, застыв в пространстве. Введенный в вену героин действует мгновенно, и я не понимаю, почему я все еще в сознании. Почему я все еще дышу? Но потом я открываю глаза и вижу ждущую меня среди теней Маргит – и понимаю, что я уже мертва.

Она плывет в какой-то дымке – женщина с длинными черными волосами, разделенными на прямой пробор. К белому платью пристали кусочки листьев и земля. Лицо неразлично во мраке, но голова склонена набок, как будто она не может удержать ее прямо. Но мне больше не страшно. Если я что-то и испытываю, то это облегчение.

Я пытаюсь встать и подойти к ней, но по-прежнему сижу на стуле. Мои руки по-прежнему связаны за спиной.

И тут на меня обрушивается ужасающая мысль:

«Неужели это моя загробная жизнь?»

Неужели это наказание за то время, что я провела на земле? Вечное заточение в пустом коттедже – одна, привязанная к твердому деревянному стулу?»

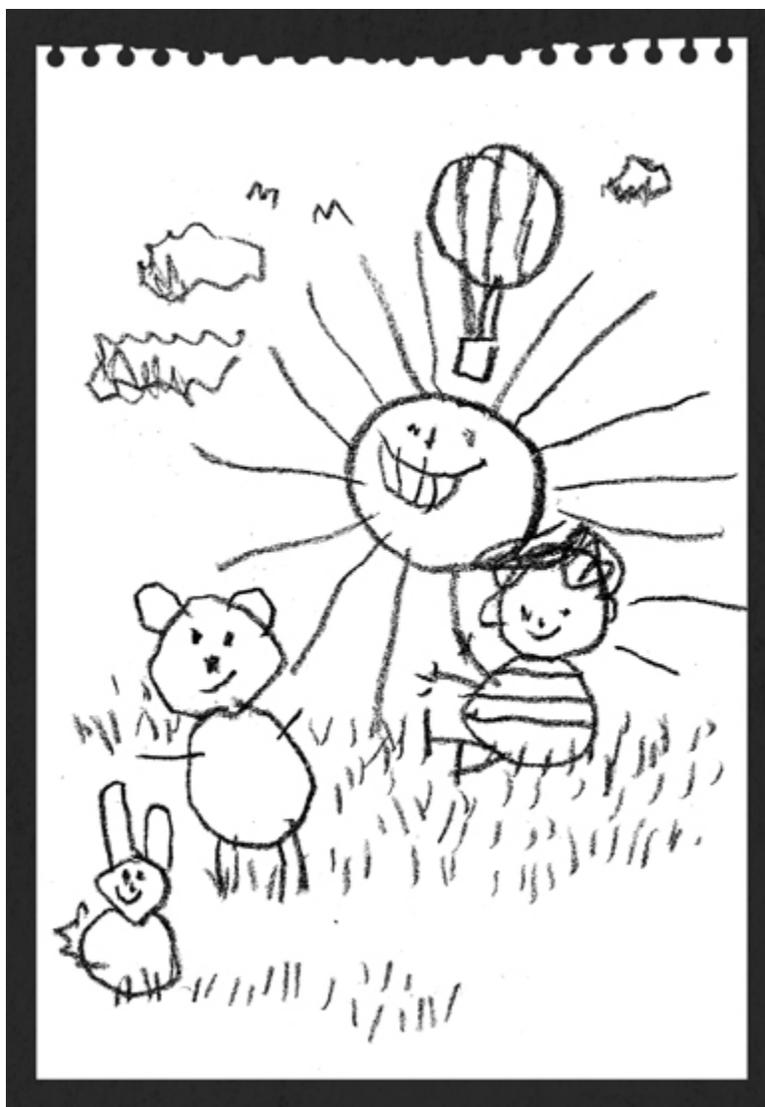
– Я не знаю, что я должна сделать, – шепчу я. – Пожалуйста, помоги мне.

Маргит приближается ко мне по воздуху, не перебирая ногами. Я чувствую исходящий от нее запах, зловонную смесь серы и аммиака, но он больше меня не тревожит. Я так благодарна ей за ее присутствие, что запах кажется почти успокаивающим. Когда Маргит проплывает мимо окна, лунный свет озаряет ее лицо и тело. И я вижу, что за всеми этими царапинами, багровыми синяками и сломанной шеей, за всеми затяжками и прорехами на платье она поразительно красива.

– Ты должна помочь мне, Маргит. Ты единственная, кто может мне помочь. Пожалуйста.

Маргит силится поднять голову – как будто пытается лучше меня расслышать, – но она снова повисает, словно цветок на сломанном стебле. Она кладет руку мне на плечо, но я не чувствую ни прикосновения, ни внешнего давления. Вместо этого меня накрывает ошеломляющее чувство горя и вины. В моем сознании возникает место, в котором я никогда не бывала, – луг на берегу озера, холст на мольберте, маленькая девочка на покрывале. Я понимаю, что это место знакомо мне по рисункам – тем самым рисункам, которые Маргит оставила у меня на крыльце, и той стопке картинок, нарисованных Тедди, которые Каролина хранит в кабинете. Я извлекаю оба рисунка из памяти – одну и ту же сцену, изображенную двумя разными художниками.

Я смотрю на молодую женщину и ребенка и чувствую горе Маргит так остро, как если бы оно было моим собственным: *мне следовало быть внимательнее, я не должна была отвлекаться. Если бы я была осторожнее, все было бы в порядке.* А может, это и в самом деле мое горе, потому что я слышу голос Маргит, которая говорит мне: ты не виновата, примиришься с прошлым, прости себя. Я не понимаю: это я утешаю ее или она утешает меня, я не могу различить, где кончается моя вина и начинается ее. Возможно, это горе такого масштаба, которое не утихает никогда, даже после того, как мы умрем.

Тут открывается дверь, и Тед зажигает свет.

Он видит слезы, струящиеся по моим щекам, и меняется в лице.

– О господи, – выдыхает он. – Прости, Мэллори. Сейчас, подожди немного.

Я оглядываюсь по сторонам в поисках Маргит, но она исчезла.

Я по-прежнему у себя в коттедже.

Это никакая не призрачная загробная жизнь, я по-прежнему нахожусь в Спрингбруке, штат Нью-Джерси, привязанная к деревянному стулу, который стоит на полу, а часы на микроволновке показывают 23:52.

Я все еще ощущаю ледяные мурашки, разбегающиеся по коже на сгибе локтя, в том месте, куда Каролина сделала укол, но я вполне жива и ни капельки не под кайфом.

– Она вколола мне наркотик. Ваша жена...

– Это детская присыпка, – говорит Тед. – Я подменил героин детской присыпкой. Тебе ничто не угрожает. – Он заходит ко мне за спину и принимается тереть полосы ткани, которыми мои запястья примотаны к стулу. – Господи, вот она узлов-то навязала. Мне нужен нож.

Он идет на кухню и принимается рыться в ящике для столовых приборов.

– Что вы делаете?

– Защищаю тебя, Мэллори. Я всегда тебя защищал. Помнишь собеседование? Все мои грубые и колкие вопросы относительно твоей квалификации? Я пытался отпугнуть тебя. Я пытался отпугнуть всех кандидаток. Но ты проявила настойчивость. Ты очень хотела получить эту работу. А Каролина посчитала, что ты будешь решением всех наших проблем.

Он возвращается ко мне с зазубренным ножом и быстро перерезает мои путы. Наконец-то я снова могу шевелить руками. Я медленно и осторожно подношу ладонь к пульсирующей шишке на лбу и ощущаю под пальцами мелкие осколки стекла, прилипшие к коже.

– Прости, что пришлось тебя ударить. Мы заедем на заправку за льдом. – Тед открывает дверцу шкафа и радуется при виде пустых вешалок. – Ты уже собрала вещи! Отлично. Моя сумка в багажнике, так что мы можем выезжать. Придется гнать всю ночь без остановки. Потом найдем какой-нибудь отель и передохнем. Потом поедем дальше на запад. Я снял нам отличный дом на Пьюджет-Саунд. На

первое время, чтобы мы могли притереться друг к другу. Тебе там понравится, Мэллори. Там роскошные виды.

– Тед, притормозите немного. Вы о чем?

Он смеется:

– Ну да, ну да, я так долго все это планировал, что совсем забыл, что мы не до конца все обсудили. Но я знаю, какие чувства ты ко мне испытываешь, Мэллори. Я чувствую то же самое и готов действовать соответствующим образом.

– В самом деле?

– Я снял свои пенсионные накопления и переложил на счет, к которому у Каролины нет доступа. У меня там восемьдесят тысяч. На эти деньги мы с тобой сможем начать новую жизнь. В штате Вашингтон, на острове Уидби. Только уезжать надо прямо сейчас. Пока она не вернулась замести следы.

– Почему вы так ее боитесь?

– Да она же просто ненормальная! Неужели ты до сих пор этого не поняла? Она только что попыталась тебя убить. Она и меня убьет, не задумываясь. А если я заявлю в полицию, то сяду в тюрьму. Так что нам с тобой нужно бежать. Прямо сейчас. Если мы оставим ей ребенка, она не станет нас преследовать.

– Вы готовы бросить Тедди?

– Прости, Мэллори. Я знаю, что ты его любишь. Я тоже его люблю. Он милый малыш. Но мы не можем взять его с собой. Не хватало мне только, чтобы Каролина с Маргит гнались за нами по всей стране. Ребенок останется со своими мамочками. Пусть эти двое хоть поубивают друг друга, мне плевать. Я сыт всем этим по горло. Сегодня весь этот кошмар закончится, ты это понимаешь?

Снаружи доносится негромкий хруст веток. Тед подходит к окну и выглядывает наружу, потом качает головой, давая мне понять, что тревога ложная.

– А теперь, пожалуйста, попробуй встать на ноги. Помощь нужна? – Он протягивает мне руку, но я отмахиваюсь и кое-как поднимаюсь самостоятельно. – Молодчина, Мэллори. Отлично. Тебе не нужно в туалет? Потому что после полуночи почти все везде будет закрыто.

В туалет мне нужно – но исключительно ради того, чтобы в тишине спокойно собраться с мыслями.

– Я на минутку.

– Постарайся побыстрее, ладно?

Я закрываюсь в ванной, поворачиваюсь к раковине и умываюсь холодной водой. Что же мне делать? Я ощупываю карманы, но в них, разумеется, пусто. Потом заглядываю в аптечку и в душевую кабинку, но ни там, ни там нет ничего такого, чем можно было бы воспользоваться для самозащиты. Самая близкая к оружию вещь – это пинцет.

В ванной имеется затянутое сеткой окошечко размером в несколько дюймов, расположенное практически под самым потолком – для вентиляции. Я опускаю крышку унитаза и становлюсь на нее. Окошко выходит на юг, в направлении Хайденс-глен. За ним смутно темнеют заросли кустов. Приложив некоторые усилия, я выдавливаю сетку наружу, и она падает на землю. Но даже если бы у меня хватило сил подтянуться, нечего даже и рассчитывать, что удалось бы протиснуться сквозь такое маленькое отверстие.

– Мэллори? – стучит в дверь Тед. – Ты там скоро?

– Да-да, сейчас!

Мне придется поехать с ним. Выбора нет. Я сяду в его «приус», буду улыбаться в ответ на его рассказы о штате Вашингтон и острове Уидби и делать вид, что перспектива совместной жизни с ним меня очень воодушевляет.

Но как только мы остановимся где-нибудь, чтобы заправиться или купить еды или воды, я отыщу полицейского и подниму крик.

Я выключаю воду и вытираю руки полотенцем.

И открываю дверь.

Тед стоит и ждет.

– Ну что, готова?

– Думаю, да.

– «Думаю, да»?

Он поверх моего плеча заглядывает в туалет. Интересно, что он там видит? Может, на крышке унитаза остались следы моих ног? Или он заметил, что на окошке нет сетки?

Я обхватываю его за шею, прижимаюсь щекой к его груди и стискиваю его изо всех сил.

– Спасибо вам, Тед! Спасибо, что спасли меня! Вы себе не представляете, как мне этого хотелось!

Это пылкое проявление чувств с моей стороны вызывает у него оторопь. Он притягивает меня еще ближе, потом наклоняет голову и целует меня в лоб.

– Даю тебе слово, Мэллори, я никогда тебя не подведу. Я каждый день буду стараться сделать тебя счастливой.

– Тогда давайте выбираться отсюда.

Я собираюсь взять чемодан и мусорный мешок с одеждой, но Тед перехватывает их.

– Ты уверена, что здесь все, что может тебе понадобиться?

– Тед, здесь все, что у меня есть.

Он снова улыбается мне с неподдельной нежностью и любовью во взгляде и, кажется, собирается сказать что-то очень ласковое, как вдруг слышится громкий хлопок и левое плечо Теда прошивает пуля, сшибив его с ног и забрызгав стену кровью. Я кричу, раздаются еще три хлопка, и я снова кричу, а Тед валится на чемодан, хватаясь за грудь и заливая его кровью, которая сочится у него между пальцами.

За открытым окном стоит Каролина, наставив на меня пистолет Митци. Она приказывает мне заткнуться, но слова доходят до меня только с четвертого или пятого раза. Каролина открывает дверь и, чуть поведя дулом пистолета в сторону, делает мне знак сесть обратно на стул.

– Ты это серьезно? – спрашивает она. – Ты в самом деле собиралась уехать с ним?

Я даже не слышу вопроса. Я потрясенно смотрю на Теда, распростертого на полу и силящегося что-то сказать. Губы у него дрожат, как будто он пытается выговорить сложное слово, преодолевая заикание, изо рта по подбородку течет кровь, пятная рубашку.

– Знаешь, я думаю, что ты ему врала, – продолжает Каролина. – Думаю, ты сказала бы что угодно, чтобы выбраться отсюда. Но могу тебя заверить, что Тед-то говорил на полном серьезе. Он на тебя с самого начала глаз положил. – Она кивает на плоский белый цилиндр детектора дыма, вмонтированный в стену кухни. – Ты никогда не задумывалась о том, почему у тебя ни разу не сработала пожарная сигнализация? Даже когда у тебя на плите что-то горело?

Я ничего не отвечаю, и она трижды стучит рукояткой пистолета о столешницу.

– Мэллори, я задала тебе вопрос. Ты не замечала, что у тебя не работает пожарная сигнализация?

Я не понимаю, что она хочет от меня услышать. Она тычет пистолетом мне в лицо, и я слишком напугана, чтобы отвечать; я боюсь, что первое же неверное слово с моей стороны заставит ее спустить курок.

– Тед сказал, что в домике старая проводка. Что все держится буквально на соплях.

– Это веб-камера, глупенькая. Тед установил ее сразу же после собеседования. Вместе с усилителем сигнала, чтобы он доходил до нашего домашнего Wi-Fi. Он сказал, что хочет держать тебя под надзором, чтобы быть уверенным, что ты не принимаешь наркотики. В качестве меры предосторожности, так сказать. Ха-ха три раза. Я же не дура. Иногда он засиживался у себя в кабинете до поздней ночи, надеясь увидеть, как ты пойдешь в душ. Я всегда задавалась вопросом, знаешь ли ты об этом, есть ли у тебя чувство, что за тобой кто-то наблюдает.

– Я думала, что это Аня.

– Нет, мамочка по ночам охраняет свое дитя. Это был мистер примерный семьянин. Мистер образцовый отец.

Тед качает головой, как будто хочет возразить, как будто отчаянно силится донести до меня правду. Но когда он открывает рот, из него лишь выливается еще больше крови, которая стекает по подбородку и груди.

Я поворачиваюсь к Каролине. Она по-прежнему держит меня на мушке.

Мне хочется упасть на пол, съежиться и умолять о пощаде.

– Пожалуйста, – прошу я, поднимая руки. – Я ничего никому не скажу.

– Конечно не скажешь. Ты убила Теда из пистолета, который украли из дома Митци. Потом мы стали драться, но мне удалось вырвать пистолет у тебя из рук. Тогда ты выхватила из ящика для столовых приборов кухонный нож, так что мне пришлось тебя застрелить. Это была самооборона. – Она обводит коттедж взглядом, как будто пытается продумать все подробности своей инсценировки. – Знаешь, тебе придется переместиться поближе к холодильнику.

Вплотную к ящику для столовых приборов. – Она тычет в меня пистолетом. – Давай, не заставляй меня просить дважды.

Она приближается ко мне – и пистолет тоже, – и я пачусь и оказываюсь в кухне.

– Так-то лучше. А теперь протяни руку и открой ящик. Выдвигай его до конца. Вот так. – Она подходит к кухонному островку с противоположной стороны и перегибается через столешницу, чтобы взглянуть на подставку для ножей. – Думаю, тебе стоит взять поварской. Такой большой, в самом конце. Протяни руку и возьми за рукоятку. Давай, держи крепко.

Мне так страшно, что я не могу даже заставить себя сдвинуться с места.

– Каролина, пожалуйста...

Она качает головой:

– Давай, Мэллори. Мы уже почти все сделали. Бери нож.

Краем глаза, прямо поверх ее плеча, я по-прежнему вижу кровь, стекающую по стене. Но Теда там больше нет. Он исчез.

Я протягиваю руку. Кладу ладонь на нож. Обхватываю рукоятку пальцами. Невероятно сложно сделать что-то, когда тебе сказали, что это будет самое последнее действие в твоей жизни.

– Вот так, – говорит Каролина. – А теперь подними его.

И тут она с криком падает – Тед метнулся ей под ноги, – и я понимаю, что момент настал. Я бестолково выпускаю из рук нож, потому что не хочу тратить ни секунды на то, чтобы вытащить его из ящика.

И бросаюсь бежать.

Я распахиваю дверь и слышу за спиной взрыв – звук выстрела, эхом отраженный от стен коттеджа. Я спрыгиваю с крыльца и мчусь по траве. На протяжении трех ужасных секунд я абсолютно уязвима, видимая как на ладони на открытой лужайке. Я сжимаюсь в ожидании следующего выстрела.

Но его не случается. Я ныряю в тень стены большого дома и проскальзываю мимо мусорных бачков. Потом перебегаю через парадную лужайку и останавливаюсь перед подъездной дорожкой. В соседских домах не светится ни одно окно. Все в округе крепко спят. После полуночи на Эджвуд-стрит нет ни души. И я не решаюсь постучаться в соседскую дверь – неизвестно, сколько времени пройдет,

прежде чем кто-то спустится вниз. Сейчас мой главный актив – скорость. Чем больше я увеличу расстояние между мной и Каролиной, тем лучше. Если я напрягусь, то через три минуты буду у Цветочного замка, а там можно забарабанить в дверь и попросить помощи у родителей Адриана.

Но потом я оглядываюсь на дом Максвеллов и понимаю, что Тедди по-прежнему крепко спит на втором этаже. Ничего не зная о том, что творится на заднем дворе.

Что будет, когда Каролина поймет, что я ускользнула?

Она заберет Тедди, бросит его в машину и сбежит с ним в Западную Виргинию? Или в Калифорнию? Или в Мексику?

На что она пойдет, чтобы сохранить свою тайну?

Из коттеджа доносится еще один выстрел. Мне очень хочется надеяться на лучшее. Мне хочется верить, что Теду каким-то образом удалось отобрать у жены пистолет. Возможно, в свои последние минуты он дал нам с Тедди шанс сбежать.

Но даже если и нет – что ж, у меня еще есть время все исправить. Я быстро бегаю. Когда-то я была шестой среди юниорок во всей Пенсильвании. Держась поближе к стене дома, я возвращаюсь на задний двор, и – слава тебе, Господи! – стеклянная раздвижная дверь кухни оказывается не заперта.

Я вхожу в дом и запираю за собой дверь. Свет на первом этаже не горит. Я торопливо пересекаю столовую, по задней лестнице поднимаюсь на второй этаж и вламываюсь в комнату Тедди, не зажигая света. Я стягиваю с него одеяло и тормошу его.

– Вставай, Тедди, нам надо уходить.

Он отпихивает меня и утыкается носом в подушку, но у меня нет сейчас времени с ним нянчиться. Я вытаскиваю его из кровати, и он недовольно ворчит, все еще не проснувшись до конца.

– Мэллори!

Каролина уже в доме. Я слышу, как она зовет меня из холла, потом начинает подниматься на второй этаж. Я бегу в другую сторону и по задней лестнице спускаюсь обратно в кухню. Тедди не может весить больше сорока фунтов, но я все равно едва его не роняю; я пристраиваю его на плече, крепко обхватив рукой, и выбегаю из дома на задний дворик.

Снаружи царит абсолютная тишина. Кроме негромкого плеска воды в бассейне, стрекота случайной цикады время от времени и моего тяжелого дыхания, не слышно ни звука. Но я знаю, что Каролина совсем рядом. Она или идет через дом, или приближается из-за какого-то из углов. Самый надежный маршрут сейчас – вперед, в направлении Заколдованного леса. Придется бежать через двор, но я не думаю, что Каролина станет стрелять в меня, когда у меня на руках Тедди. А как только мы доберемся до опушки леса, у нас появится шанс спастись.

Мы с Тедди за лето исходили весь лес вдоль и поперек. Мы знаем все дорожки, все потайные тропки, все тупики как свои пять пальцев, и света луны нам вполне хватит, чтобы ориентироваться. Я крепче перехватываю Тедди и, нырнув в кусты, принимаюсь продираюсь сквозь густые заросли, пока мы не оказываемся на хорошо знакомой территории – Дороге, Вымощенной Желтым Кирпичом. Она тянется с востока на запад параллельно всем задним дворам на Эджвуд-стрит. Мы доходим до большого серого валуна – Драконьего яйца, – после чего я сворачиваю на Драконью стежку. Позади слышатся шаги, но в темноте я утратила всякое ощущение масштаба и перспективы и не могу понять, то ли Каролина дышит мне в затылок, то ли отстает на сотню ярдов. В отдалении воют полицейские сирены, но уже слишком поздно. Если бы я побежала к Цветочному замку, то уже была бы в безопасности.

Зато сейчас со мной Тедди, я держу его на руках, и это единственное, что имеет значение. Я не допущу, чтобы с ним что-то случилось.

В темноте журчание Королевской реки кажется громче, и я радуюсь этому шуму, скрадывающему звук моих шагов. Но потом мы подходим к Мшистому мосту, и я понимаю, что мне его не преодолеть. Бревно слишком узкое и осклизлое, с Тедди на руках мне через него не перебраться.

– Тедди-медведик, послушай меня. Мне сейчас придется спустить тебя с рук.

Он отрицательно мотает головой и лишь крепче прижимается ко мне. Он не понимает, что происходит, но страшно напуган. Я пытаюсь поставить его на землю, но он вцепляется в меня мертвой хваткой. Вдалеке воют все новые и новые полицейские сирены; видимо, они уже добрались до дома Максвеллов. Скорее всего, кто-то из соседей

услышал выстрелы и вызвал полицию. Но они слишком далеко, чтобы помочь мне.

Темноту леса прорезает узкий луч белого света. Фонарик на электрошокере Каролины. Возможно, она меня и не заметила, но все равно нужно идти дальше. Я крепче обхватываю Тедди и ставлю на бревно одну ногу, потом другую. В темноте я могу различить очертания бревна, но не всю поверхность. Мне не видно, в каких местах оно прогнило или покрыто осклизлым мхом. Под нами стремительным потоком несется вода глубиной в два или три фута. Я уверена, что вот-вот поскользнусь и упаду, но каким-то образом шаг за шагом удерживаю равновесие. Я выбираюсь на тропу у основания Гигантского Бобового Стебля и понимаю, что у меня отваливаются руки и дальше нести Тедди я не могу.

– Дружище, дальше тебе придется потрудиться самому. – Я показываю ему на наше убежище в ветвях дерева. – Давай, забирайся.

Он так напуган, что не может даже пошевелиться. Я собираю остатки сил и подсаживаю его на дерево; к счастью, он хватается за ветку и держится за нее. Я подталкиваю его под попу, и, пусть медленно и нерешительно, но он начинает забираться выше.

Луч фонарика скользит по корням дерева – Каролина уже у реки, она почти догнала нас. Я хватаюсь за нижний сук и, подтянувшись, следом за Тедди перебираюсь с ветки на ветку, пока мы с ним не оказываемся на суку, который называем Облачным краем. Лучше, конечно, было бы забраться повыше, но у нас нет времени, и я боюсь выдать себя шумом.

– Все, хватит, – шепчу я и, обняв его, прижимаю к себе и подношу губы к самому его уху. – А теперь нужно будет сидеть тихо-тихо, как мышки, хорошо? С тобой все в порядке?

Тедди ничего не отвечает. Его бьет дрожь; все его тело напряжено, как пружина. Кажется, он понимает, что все совсем не в порядке, очень-очень не в порядке. Я смотрю вниз и жалею, что мы не смогли забраться повыше. Мы сидим всего в восьми или десяти футах над землей, и, если Каролина не свернет с тропы, она пройдет прямо под нами. И если Тедди хотя бы пикнет...

Я сую руку в дупло и роюсь в нашем арсенале булыжников и теннисных мячиков до тех пор, пока не нащупываю сломанную стрелу, короткое расщепленное древко с четырехгранным наконечником. В

качестве оружия оно совершенно бесполезно, но ощущение того, что в руке у тебя что-то есть – все равно, что именно, – немного успокаивает.

А вот теперь я ее вижу. Каролина перешла ручей по замшелому бревну и приближается к нам, светя перед собой фонариком. Я шепчу Тедди, что нам нужно сидеть очень-очень тихо. Говорю, что сейчас он увидит маму, но должен пообещать, что не будет ничего говорить. К счастью, он не задает никаких вопросов, потому что Каролина подходит к дереву и останавливается прямо под нами. Вдалеке слышны мужские голоса. Они что-то кричат. Лает собака. Каролина оглядывается на шум. Похоже, она понимает, что у нее почти не осталось времени. Мне так страшно, что я боюсь дышать. И так крепко прижимаю к себе Тедди, что он против воли негромко вскрикивает.

Каролина вскидывает глаза и светит фонариком на ветки. Свет такой яркий, что я инстинктивно прикрываю глаза ладонью.

– Тедди! Какое счастье! Вот ты где! Мамочка тебя уже обыскала! Что ты там делаешь?

В другой руке она по-прежнему держит пистолет – так небрежно, как будто это телефон или бутылка с водой.

– Сиди тут, – говорю я Тедди.

– Нет, Тедди, пожалуйста, на дереве опасно, – говорит Каролина. – Мэллори ошибается. Спускайся скорее вниз, я отведу тебя домой. Ты должен быть в постели!

– Не двигайся, – говорю я ему. – Ты здесь в безопасности.

Но я вижу, что он тянется к ней, инстинктивно откликаясь на ее голос. Я еще крепче прижимаю его к себе и потрясенно отмечаю, какой он горячий. Он весь пылает, как будто у него температура.

– Тедди, послушай меня, – не сдастся Каролина. – Ты должен отодвинуться от Мэллори. Она очень больна. У нее острый психоз. Поэтому она изрисовала все стены. Она украла у Митци пистолет и ранила папу, а теперь пытается забрать тебя себе. Полицейские уже нас ищут. Так что давай, спускайся скорее. Пойдем расскажем им, что произошло. Пусть Мэллори сидит на дереве, а мы с тобой пойдем домой.

Но я не сомневаюсь, что Каролина не оставит меня на дереве. Она уже слишком много мне рассказала. Она назвала мне имя настоящей

матери Тедди. Ее зовут Маргит Барот, и она была убита на озере Сенека. Если полицейские хотя бы бегло проверят мой рассказ, они поймут, что я говорю правду. У Каролины нет другого выбора, кроме как убить меня. Как только она уговорит Тедди спуститься с дерева. А потом попытается представить все это как самозащиту. А я никогда не узнаю, удастся ли ей выйти сухой из воды, потому что буду мертва.

– Давай, малыш. Нам надо идти. Скажи пока-пока и спускайся.

Он выворачивается из-под моей руки и карабкается по ветке.

– Тедди, стой!

Он оглядывается, и я вижу в темноте белки его глаз. Зрачки у него закатились. Он протягивает руку, выхватывает у меня стрелу и спрыгивает с дерева. Каролина вскидывает руки, как будто думает, что сможет поймать его. Вместо этого она падает на землю под его тяжестью и заваливается назад. Пистолет и фонарик вылетают у нее из рук и оказываются где-то в кустах. Она с глухим стуком опрокидывается на спину, прижимая Тедди к груди, чтобы он не ушибся.

– Ты не ударился? Тедди, малыш, с тобой все в порядке?

Он садится, оказавшись верхом на животе у Каролины. Она все еще продолжает обеспокоенно спрашивать, все ли с ним в порядке, когда он с размаху всаживает стрелу ей в шею. По-моему, она даже не понимает, что ранена, пока он не вытаскивает древко и не вонзает его в ее шею снова, еще три раза. К тому времени, когда она начинает кричать, у нее уже нет голоса; из горла у нее вырывается лишь влажный булькающий всхлип.

Я кричу: «Нет!» – но Тедди не останавливается – или, вернее, Маргит не останавливается. Она не может контролировать все тело своего сына целиком, только правую руку, но эффект неожиданности дал ей преимущество. Каролина захлебывается собственной кровью. Собаки лают громче, привлеченные шумом борьбы. Мужские голоса приближаются. Они говорят, что спешат на помощь, кричат, чтобы мы не переставали шуметь. Я кувыркком слетаю с дерева и оттаскиваю Тедди от Каролининого тела. Кожа у него горячая на ощупь, как кипящий чайник. Каролина бьется в конвульсиях на земле, зажимая разорванное горло; Тедди весь с ног до головы покрыт кровью. Она у него на волосах, на лице, ею насквозь пропитана вся пижама. Мне каким-то образом удается сохранить хладнокровие и ясность рассудка.

Я понимаю, что Маргит только что спасла мне жизнь. И если я хоть немного промедлю, Тедди проведет остаток жизни в исправительном заведении.

Он все еще сжимает в правой руке стрелу. Я поднимаю его и прижимаю к себе изо всех сил, чтобы моя одежда тоже испачкалась кровью. Потом на руках несу его по тропинке на берег Королевской реки. Я захожу в воду, и мои ступни тут же погружаются в топкий ил. Я делаю еще один шаг и еще, заходя все глубже и глубже, пока мы не оказываемся по пояс в воде. Холод приводит Тедди в себя. Его зрачки возвращаются на место, маленькое тельце обмякает у меня в руках. Он выпускает из руки стрелу, но я успеваю подхватить ее, прежде чем она упадет в воду и окажется унесена течением.

– Мэллори? Где мы?

Тедди в ужасе. Представьте, что вы очнулись от транса и обнаружили себя в темном лесу, по горло в ледяном ручье.

– Все в порядке, Тедди-медведик. – Я умываю его водой, пытаюсь оттереть со щек кровавые разводы. – Нам ничего не угрожает. Все будет хорошо.

– Это нам снится?

– Нет, малыш, прости. Это все по-настоящему.

Тедди показывает на берег.

– Почему там собака?

Большущая собака, черный ретривер, яростно принюхивается и заливается исступленным лаем. Из леса выбегают несколько мужчин, одетых в светоотражающие жилеты и с фонариками в руках.

– Нашел! – кричит один. – Женщина и ребенок, чуть ниже по течению ручья!

– Мисс, вы ранены? У вас кровь?

– Ребенок в порядке?

– Вы в безопасности, мисс.

– Позвольте вам помочь.

– Ну, малыш, давай руку!

Но Тедди лишь еще крепче вцепляется в меня обеими руками. Со стороны реки приближаются еще полицейские с собаками, окружая нас со всех направлений.

Потом чуть издалека слышится женский голос:

– Тут у меня еще одна! Взрослая женщина, пульс отсутствует, дыхание отсутствует, множественные ножевые ранения.

Нас уже окружили со всех сторон, везде мелькают лучи фонариков. Невозможно понять, кто главный, потому что все говорят разом: все в порядке, вы в безопасности, вам ничто не угрожает, – но они видят на нашей одежде кровь, и я чувствую, что они напряжены. Тедди тоже напряжен.

– Все в порядке, Тедди-медведик, – шепчу я ему на ухо. – Они пришли нам помочь.

Я подношу его к берегу и осторожно опускаю на землю.

– Она что-то держит в кулаке.

– Мисс, что это у вас в руке?

– Будьте так добры, покажите нам, пожалуйста.

Один из полицейских хватает Тедди за локоть и оттаскивает в сторону, на безопасное расстояние, и они все снова начинают кричать. Все хотят, чтобы я медленно вышла из воды и положила стрелу на землю – и да, кстати, есть ли у меня при себе еще какое-либо оружие? Но я больше их не слушаю, потому что замечаю в отдалении, за кольцом полицейских, еще один силуэт. В свете луны ее белое платье кажется серебряным, а голова безжизненно клонится набок. Я поднимаю левую руку, демонстрируя всем сломанную стрелу.

– Это была я, – говорю я им. – Это я сделала.

Я протягиваю руку и роняю стрелу на землю. А когда снова скидываю глаза, Маргит уже нет.

Год спустя

Изложить эту историю на бумаге было нелегко, но я уверена, что читать ее тебе было еще труднее. Много раз я была готова бросить эту затею, но твой отец умолял меня продолжать писать, пока еще все подробности свежи в моей памяти. Он был уверен, что когда-нибудь в будущем, лет через десять или даже через двадцать, ты захочешь узнать правду о том, что на самом деле произошло в то лето в Спрингбруке. И он хотел, чтобы ты услышала эту историю от меня, а не из какого-нибудь дурацкого криминального подкаста.

Видит бог, таких подкастов было великое множество. Как и сенсационных репортажей в новостях, кричащих заголовков в газетах и вечерних ток-шоу, разошедшихся на многочисленные шутки и мемы. За несколько недель, следовавших за твоим спасением, на меня обрушился шквал телефонных звонков от представителей самых разнообразных средств массовой информации. Понятия не имею, каким образом они раздобыли мой телефон, но все обещали одно и то же: дать мне возможность рассказать мою часть истории, защитить мои действия собственными словами, с минимальным вмешательством. А еще они обещали мне большие деньги, если я соглашусь дать им эксклюзивное интервью.

Но после долгого обсуждения с твоим отцом мы оба решили не появляться в средствах массовой информации. Мы выпустили совместное официальное заявление, в котором сообщили, что ты воссоединилась со своей семьей и что тебе необходимо время, чтобы излечиться от психологических травм, и попросили нас не беспокоить. После этого мы сменили номера телефонов и адреса электронной почты в надежде, что люди рано или поздно про нас забудут. Для этого понадобилось несколько недель, но это произошло. В конце концов нас оттеснили на второй план новые, более громкие события. Какой-то псих открыл стрельбу в продуктовом магазине в Сан-Антонио. Мусорщики из Филадельфии бастовали на протяжении восьми недель. В Канаде женщина родила восьмерняшек. И мир забыл про нас.

Первые мои несколько попыток рассказать эту историю закончились ничем. Я помню, как сидела над пустой тетрадью в состоянии полнейшего ступора. До сих пор самым длинным, что мне удалось написать, было школьное сочинение на пять страниц по «Ромео и Джульетте». Так что мысль о том, чтобы написать книгу – настоящую полноценную книгу, вроде «Гарри Поттера», – казалась чем-то фантастическим. Но я обмолвилась о своих сомнениях в разговоре с матерью Адриана, и она дала мне хороший совет. Она сказала, чтобы я не пыталась написать книгу, а просто села за компьютер и начала *рассказывать историю*, предложение за предложением, тем же языком, каким рассказывала бы ее подруге за чашкой кофе. Она сказала, что вовсе не обязательно претендовать на лавры Джоан Роулинг. Вполне достаточно быть Мэллори Куинн из

Филадельфии. И как только я приняла эту идею, слова полились сами собой. Мне просто не верится, что их в моем файле уже 85 000!

Но я забегаю вперед.

Пожалуй, стоит вернуться назад и кое-что пояснить.

Тед Максвелл умер от огнестрельных ранений на полу моего коттеджа. Его жена, Каролина, умерла полчасом позже у основания Гигантского Бобового Стебля. Я призналась, что убила ее, защищая свою жизнь при помощи сломанной стрелы (на самом деле это был болт для стрельбы из арбалета), которую мы нашли в лесу несколькими неделями ранее. И она даже могла бы выжить, если бы наконечник стрелы не повредил сонную артерию, так что к тому времени, когда приехала «скорая», было уже слишком поздно.

Нас с тобой отвезли в полицейский участок. Тебя в обществе заспанной социальной работницы и корзины с мягкими игрушками отправили в столовую, а меня завели в каморку без окон с видеокамерой, микрофонами и чередой все более враждебно настроенных следователей. Чтобы обезопасить тебя, я рассказала им урезанный вариант моей истории. Я не стала ни упоминать о рисунках твоей матери, ни описывать, как она давала мне подсказки, которые помогли понять, что произошло. Я вообще не упоминала о твоей матери. Я сделала вид, что раскрыла секреты Максвеллов самостоятельно.

Детектив Бриггс и ее напарники восприняли мой рассказ скептически. Они видели, что я что-то недоговариваю, но я упорно придерживалась своей версии событий. Их голоса становились все громче и громче, а вопросы – все более и более недружелюбными, но я давала им одни и те же невозможные ответы. Были несколько часов, когда я была совершенно уверена, что меня обвинят в убийстве двух человек и остаток жизни я проведу в тюрьме.

Однако к рассвету стало понятно, что в моем рассказе содержится как минимум несколько крупиц правды.

Социальная работница подтвердила, что Тедди Максвелл действительно обладает анатомией пятилетней девочки.

Девочка по имени Флора Барот действительно была внесена в федеральный список пропавших без вести детей, и приметы Тедди Максвелла полностью совпали с ее приметами.

Поиск в онлайн-реестре недвижимого имущества подтвердил, что Максвеллы купили летний домик на озере Сенека всего за полгода до исчезновения Флоры.

Беглая проверка паспортов Теда и Каролины, обнаруженных в ящике комода в их спальне, показала, что они никогда не бывали в Испании.

А когда Йожефу, твоему отцу, позвонили, он подтвердил несколько ключевых моментов моей истории, в том числе марку и модель машины его жены – эта информация не была известна широкой публике.

На следующее утро в семь тридцать детектив Бриггс отправилась в «Старбакс», чтобы купить мне травяной чай и сэндвич с яйцом и сыром. Кроме того, она пригласила Адриана присоединиться к нам в комнате для допросов. Он всю ночь просидел в вестибюле на неудобной металлической скамье. Он так крепко меня обнял, что даже оторвал от пола. И после того, как мы оба перестали плакать, мне пришлось рассказать ему всю историю с самого начала.

– Прости, что не успел приехать раньше, – сказал он.

Оказалось, что это Адриан вызвал полицию, когда приехал ко мне и обнаружил в моем домике на полу мертвого Теда Максвелла.

– Зря я поехал в Огайо, – сказал он. – Если бы я остался с тобой в Спрингбруке, ничего этого не случилось бы.

– А может, мы сейчас оба были бы мертвы. Без толку изводить себя этими мыслями. Не вини себя.

От озера Сенека до Спрингбрука пять часов езды, но в то утро твой отец преодолел этот путь за три с половиной. Я могу только вообразить, какие чувства он испытывал, мчась в машине по шоссе. Мы с Адрианом все еще находились в полицейском участке, без конца поглощая сладости, чтобы не уснуть, когда появился твой отец. Я до сих пор помню тот момент, когда детектив Бриггс ввела его в комнату. Он был высокий и худой, с всклокоченными волосами, косматой бородой и с глубоко запавшими слезящимися глазами. Сначала я приняла его за арестанта из соседней камеры. Но он был одет как фермер, в грубые рабочие ботинки, джинсовый комбинезон и фланелевую рубашу. Он упал передо мной на колени, взял за руку и заплакал.

Я могла бы написать целую книгу про то, что было дальше, но постараюсь быть краткой. Ты уехала вместе с отцом на озеро Сенека, а Адриан вернулся в Нью-Брунсуик, чтобы доучиться на последнем курсе Ратгерского университета. Он предложил мне поехать с ним, пожить в его квартире, пока я обдумываю, что мне делать со своей жизнью дальше. Но весь мой мир перевернулся с ног на голову, и я побоялась брать на себя серьезные обязательства в момент слабости. Поэтому я поселилась в гостевой комнате у моего куратора.

Возможно, шестидесятивосьмилетний мужчина не покажется тебе идеальным соседом, но Рассел – человек спокойный и чистоплотный, к тому же он исправно забивал кладовку самыми разнообразными видами протеинового порошка. Я устроилась на работу в магазин беговых кроссовок, чтобы как-то перекантоваться. У тамошних сотрудников сложился маленький неформальный беговой кружок, и я начала тренироваться с ними по утрам два-три раза в неделю. Я нашла хорошую церковь, где было много двадцати- и тридцатилетних прихожан. Я снова стала ходить на собрания «Анонимных наркоманов», где делилась своей историей, чтобы помочь другим.

Я хотела навестить тебя в октябре, в твой шестой день рождения, но врачи, которые курировали тебя, посоветовали не делать этого. Они сказали, что ты все еще слишком хрупка и уязвима, что ты до сих пор воссоздаешь свою подлинную личность. Они разрешили нам разговаривать по телефону, но только при условии, что инициатива будет исходить от тебя, а ты никогда не проявляла никакого желания со мной поговорить.

Но твой отец все равно звонил мне пару раз в месяц, чтобы рассказать о твоих успехах; кроме того, мы с ним часто переписывались по электронной почте. Я узнала, что вы с отцом живете в большом фермерском доме вместе с твоими тетей, дядей и двоюродными сестрами и что вместо детского сада ты ходишь на кучу занятий: арт-терапию, разговорную терапию, музыкотерапию, куклотерапию, игротерапию и все такое прочее. Твои врачи были поражены тем обстоятельством, что у тебя не осталось совершенно никаких воспоминаний о том, как тебя посреди ночи вытащили из постели, унесли в лес и посадили на дерево. Они пришли к выводу, что твой мозг отреагировал на травму, вытеснив эти воспоминания.

Твой отец был единственным, кто знал, что произошло в ту ночь в лесу на самом деле. Я рассказала ему всю историю целиком, и, разумеется, это кажется полным бредом, но когда я послала ему фотографии рисунков твоей матери в ее неподражаемом стиле, у него не осталось никаких сомнений в том, что я говорю правду.

Твои врачи рассказали тебе очень усеченную версию событий. Ты узнала, что родилась девочкой по имени Флора и что твоими настоящими родителями были Йозеф и Маргит. Что Тед с Каролиной были психически нездоровыми людьми, которые совершили множество ошибок, и самой главной из них было то, что они забрали тебя у родителей. Второй огромной ошибкой было то, что они стали одевать тебя в мальчишескую одежду и вместо Флоры называть Тедди. Забегая вперед, скажу, что, по словам врачей, ты могла выбрать, чтобы тебя называли Флорой, Тедди или каким-то совсем другим именем и одеваться как мальчик, как девочка или и так и этак. Никто на тебя не давил и не принуждал ни к каким поспешным решениям. Врачи рекомендовали дать тебе время и позволить вести себя так, как тебе самой кажется правильным. Они считали, что у тебя могут уйти годы на то, чтобы определиться со своей гендерной идентичностью, однако они ошибались. Через восемь недель ты уже одалживала у двоюродных сестер платья, заплетала волосы в косички и отзывалась на имя Флора, так что с этим особых проблем не возникло. Думаю, в глубине души ты всегда знала, что на самом деле ты девочка.

За несколько дней до Хеллоуина мне позвонили с незнакомого номера. Я взяла трубку и была потрясена, услышав голос моей матери. Она назвала меня по имени и разрыдалась. По всей видимости, она увидела нашу историю в новостях и несколько недель пыталась со мной связаться – но я приложила столько усилий, чтобы скрыться от внимания средств массовой информации, что разыскать меня оказалось делом почти невозможным. Она сказала, что гордится мною за то, что я смогла бросить наркотики, и что скучает по мне, и спросила, не хочу ли я приехать в гости. Моего самообладания хватило лишь на то, чтобы спросить: «Когда?» – и она ответила: «А что ты делаешь прямо сейчас?»

Мама наконец-то бросила курить и стала выглядеть просто прекрасно. Я с удивлением узнала, что она снова вышла замуж. Ее муж

Тони – тот самый мужчина, которого мы с Адрианом тогда видели у дома: он прочищал водосток, стоя на стремянке, – оказался настоящим сокровищем. Они познакомились в группе психологической поддержки для родителей, потерявших детей, – сын Тони умер от передозировки метамфетаминами. Он работал управляющим в сетевом строительном магазине и всю свою лишнюю энергию аккумулировал, ремонтируя дом. Он перекрасил все комнаты и подновил кирпичную кладку на фасаде. Ванную он полностью отремонтировал, поменяв всю сантехнику и душевую кабину, а мою бывшую комнату переоборудовал в спортзал с велотренажером и беговой дорожкой. Самым большим сюрпризом для меня было узнать, что мама начала бегать! Мы с Бет никогда не могли заставить ее встать с дивана, а теперь она пробежала милю за девять минут! Она обзавелась лайкровыми шортами, фитнес-браслетом и прочими прибабасами.

Мы с мамой засели на кухне и проговорили весь вечер до поздней ночи. Я была готова рассказать ей всю историю, но она уже и так знала большую часть подробностей. У нее была пухлая папка, набитая распечатками материалов, которые она читала в Интернете. Она вырезала все статьи из «Инквайрера» и складывала их в свою подборку. Она сказала, что стала звездой местного масштаба и что все мои бывшие соседи страшно мною гордились. Она вела список всех, кто звонил нам домой в надежде, что удастся со мной связаться, – старые школьные друзья, бывшие товарищи по сборной и тренеры, мои соседки по «Спасительной гавани». Их номера и телефоны она аккуратно заносила в тетрадку.

– Ты должна позвонить всем этим людям, Мэллори. Рассказать о том, как ты живешь. А, да, кстати! Я чуть не забыла самое странное! – Она подошла к холодильнику и сняла с дверцы прижатую магнитиком визитку, на которой значилось: «Доктор Сьюзен Левенталь, Медицинский факультет Пенсильванского университета». – Эта женщина в самом буквальном смысле явилась к нам домой. Она сказала, что познакомилась с тобой на каком-то исследовательском проекте и несколько лет пыталась тебя отыскать. Что это еще за история?

Я сказала ей, что не очень понимаю, о чем речь, сунула визитку в кошелек и переменяла тему. У меня до сих пор так и не хватило мужества позвонить по телефонному номеру на визитке. Не уверена,

что я хочу слышать то, что доктор Левенталь желает мне сказать. И совершенно точно не хочу больше никакого общественного внимания или известности.

Я просто хочу нормальной жизни.

К концу июля – ровно год спустя после того, как мы с тобой уехали из Спрингбрука, – я готовилась переехать в общежитие Дрексельского университета. Я два с половиной года не употребляла наркотики и чувствовала себя окрыленной. За этот год я приняла решение пойти в колледж учиться на педагога. Мне хотелось работать в дошкольном образовании. Я в сотый раз связалась с твоим отцом и спросила, нельзя ли тебя навестить. И на этот раз, о чудо, врачи дали добро. Они сочли, что ты хорошо адаптируешься к новой жизни, и согласились, что мой визит может оказать на нас обоих благотворный эффект.

Адриан предложил превратить этот визит в мини-отпуск – нашу первую большую совместную поездку. Весь этот год, пока он доучивался, мы с ним не теряли связи. В мае он получил диплом и нашел работу в «Комкасте», в одном из небоскребов в центре Филадельфии. Адриан предложил навестить тебя на озере Сенека, а потом поехать дальше на север, на Ниагару и в Торонто. Он набил портативный мини-холодильник закусками и составил музыкальный плейлист, чтобы нам не скучно было в пути, а я заготовила для тебя целый мешок подарков.

Ты жила к западу от озера Сенека в городке под названием Дир-Ран, который ничем не напоминал Спрингбрук. Там не было ни «Старбакса», ни торговых центров, ни гипермаркетов, вокруг – лишь бескрайние леса и поля, где редко-редко можно было увидеть какой-нибудь случайный домишко. Последнюю милю мы ехали по усыпанной гравием извилистой дороге, которая привела нас к воротам фермы Баротов. Твой отец и дядя выращивали коз и кур, а тетя продавала молоко, яйца и сыр состоятельным туристам, приехавшим отдохнуть на озера. Твой новый дом представлял собой длинное двухэтажное бревенчатое строение с крышей из зеленой драйки. Неподалеку щипали травку в загоне козы, а из курятника доносилось кудахтанье. Это место показалось мне странно знакомым, хотя я была совершенно уверена, что никогда тут не была.

– Ну что, готова? – спросил Адриан.

Я была слишком взволнована, чтобы ответить. Я молча взяла мешок с подарками, поднялась по лестнице на крыльцо и позвонила в дверь. Потом сделала глубокий вдох, собираясь с духом перед тем, как впервые увидеть тебя в облике маленькой девочки. Я боялась, что могу странно отреагировать и тем самым смутить тебя, или себя, или нас обеих.

Но дверь открыл твой отец. Он вышел на крыльцо и вместо приветствия просто обнял меня. Я с радостью отметила, что он слегка поправился. Фунтов на пятнадцать-двадцать. На нем были отглаженные синие джинсы, мягкая фланелевая рубашка и черные ботинки. Он протянул было Адриану руку, но потом обнял и его тоже.

– Проходите, проходите, – со смехом произнес он. – Хорошо, что вы приехали.

Внутри дом был отделан деревом и обставлен грубовато сработанной, но добротной мебелью. Большие окна выходили на ярко-зеленые пастбища. Твой отец отвел нас в большую комнату – помещение, служившее одновременно кухней, гостиной и столовой, с массивным каменным камином и винтовой лестницей, ведущей на второй этаж. На всех горизонтальных поверхностях были разбросаны игральные карты и кусочки пазлов. Твой отец извинился за беспорядок; по его словам, твоим тете и дяде пришлось отлучиться по неотложному делу, и они оставили на него всех детей. Сверху доносились топот, беготня, взрывы смеха и веселые детские голоса, перебивающие друг друга. Твой отец, кажется, был недоволен, но я заверила его, что все в порядке и я рада, что у тебя появились друзья.

– Я скоро позову Флору, – сказал он. – А вы пока немного переведите дух. – Он принес Адриану кофе, а мне – кружку травяного чая и поставил на стол тарелку с крошечными ватрушками с абрикосовой начинкой. – Это колачки. Угощайтесь, пожалуйста.

За этот год его английский очень улучшился. В его речи по-прежнему присутствовал отчетливый акцент, но я подумала, что для человека, который прожил в стране всего несколько лет, говорит он просто прекрасно. Я заметила над камином большую картину, на которой было изображено безмятежное озеро в солнечный день. Я спросила, не твоя ли мама нарисовала эту картину, и он сказал – да, а потом устроил нам экскурсию по большой комнате и показал другие ее

картины. Они висели в кухне, в столовой, на лестнице – да по всему дому. Твоя мама была очень талантливой, и твой отец очень гордится ею.

Я спросила, продолжаешь ли ты рисовать, нравится ли тебе это, и твой отец сказал – нет.

– Врачи говорят про мир Тедди и мир Флоры, и пересечений между ними не так много. В мире Тедди были бассейны. В мире Флоры есть озера. В мире Тедди было много рисования. В мире Флоры есть много общения с двоюродными сестрами, которые помогают выращивать животных.

Мне было немного страшно задавать следующий вопрос, но я знала, что буду жалеть, если не задам его.

– А Аня? Она присутствует в мире Флоры?

Твой отец покачал головой.

– Нет, Флора больше не видит свою *аню*. – На мгновение у меня возникло ощущение, что это его огорчает. – Но так оно, разумеется, и лучше. Так и должно быть.

Я не смогла придумать, что на это сказать, поэтому устремила взгляд наружу, на коз, которые щипали травку за окном. Наверху по-прежнему шумели твои сестры, и я неожиданно уловила в общем гвалте знакомые нотки твоего голоса. Он остался в точности таким, каким я его помнила. Вы разыгрывали сцены из «Волшебника из страны Оз». Ты была Дороти, а одна из твоих сестер – мэром столицы Жевунов. Предварительно подышав гелием из воздушного шарика, чтобы ее голос звучал смешнее, она прохрипела:

– Идите к Волшебнику! – и вы все залились смехом.

Потом вы все впятером двинулись по лестнице вниз, распевая «Мы все идем к Волшебнику». Самой старшей твоей сестре было двенадцать или тринадцать, а младшая только недавно научилась ходить. И хотя волосы у тебя отросли и на тебе было ярко-голубое платье, я сразу тебя узнала. Твое лицо ничуть не изменилось. Все, что его окружало, было другим – но твои милые мягкие черты остались все теми же самыми. В руке ты сжимала оркестровый жезл, который держала высоко над головой.

– Флора, Флора, погоди, – окликнул тебя твой отец. – У нас гости. Мэллори и Адриан. Из Нью-Джерси, помнишь?

Остальные дети остановились и уставились на нас, ты же упорно не желала поднимать глаз.

– Мы идем на улицу! – пояснила старшая девочка. – Мы направляемся в Изумрудный город, а она – Дороти.

– Флора может остаться, – сказал Йозеф. – Пусть кто-нибудь другой побудет Дороти.

Все громко завозмущались и стали перечислять причины, почему это нечестно и нецелесообразно, но Йозеф выставил их за дверь.

– Флора остается. А вы приходите потом. Через полчаса. Идите играть во двор.

Ты уселась рядом с отцом на диван, но по-прежнему отказывалась поднять на меня глаза. Я поразилась тому, насколько голубое платье и отросшие волосы изменили все мое восприятие тебя. Несколько маленьких штришков – и мой мозг доделал всю остальную работу, перенастроив картинку. Раньше ты была мальчиком. А теперь стала девочкой.

– Флора, ты просто красавица, – сказала я.

– *Muy bonita*, – подхватил Адриан. – Ты ведь и меня тоже помнишь, правда?

Ты кивнула, но упрямо продолжала смотреть в пол. Мне вспомнилась наша с тобой первая встреча во время моего собеседования. Ты рисовала в альбоме, отказываясь на меня смотреть. И мне пришлось постараться, чтобы тебя разговорить. У меня было такое чувство, что мы снова стали двумя незнакомцами и все надо начинать сначала.

– Я слышала, ты осенью идешь в первый класс. Ты рада?

Ты лишь молча пожалала плечами.

– Я тоже иду учиться. Буду первокурсницей. В Дрексельском университете. Хочу стать воспитательницей в детском саду.

Твой отец, кажется, был очень рад за меня.

– Какая хорошая новость! – воскликнул он и несколько минут оживленно рассказывал о том, как учился на агронома в Венгрии, в Капошварском университете. Как мне показалось, даже слишком оживленно, видимо пытаясь заполнить неловкое молчание.

Поэтому я зашла с другой стороны.

– Я привезла тебе подарки. – Я пересекла комнату и поставила на диван пакет, и, клянусь, я никогда в жизни не видела, чтобы ребенок

так испугался при виде подарков. Ты даже слегка отшатнулась от пакета, как будто опасалась, что он битком набит змеями.

– Флора, все в порядке, – сказал твой отец. – Открой пакет, пожалуйста.

Ты стащила обертку с первого подарка – коробки цветных акварельных карандашей. Я объяснила, что они рисуют как обычные карандаши, но, если капнуть на рисунок водой, цвет можно растушевать, и получится эффект акварели.

– Продавщица из художественного магазина сказала, что это очень классная штука. Я подумала, вдруг тебе снова захочется попробовать рисовать.

– И цвета красивые, – сказал твой отец. – Какой прекрасный подарок!

Ты улыбнулась и сказала спасибо, а потом разорвала обертку на следующем подарке – это была высланная папиросной бумагой коробка с аккуратно уложенными в нее шестью желтыми восковыми звездчатыми плодами.

Ты молча воззрилась на меня в ожидании объяснений.

– Ты что, забыла, Флора? Это же карамболы. Из супермаркета. Помнишь тот день, когда мы с тобой в первый раз купили карамболу? – Я обернулась к твоему отцу. – Иногда мы с Флорой по утрам ходили прогуляться в супермаркет, и я покупала ей все, что она хотела. Один любой продукт по ее выбору, но с условием, что это должен быть такой продукт, которого она никогда раньше не пробовала и который стоил не больше пяти долларов. И однажды она выбрала карамболу. И мы с ней обе были в восторге! Мы никогда не пробовали такой вкуснотищи!

Лишь тогда ты наконец закивала, как будто мой рассказ пробудил в тебе какие-то смутные воспоминания, но я не была уверена, что ты действительно это помнила. К тому моменту я уже испытывала смущение. Я хотела забрать пакет – мне очень не хотелось, чтобы ты открывала последний подарок, – но было уже слишком поздно. Ты разорвала бумагу и вытащила маленькую книжечку, озаглавленную «РЕЦЕПТЫ МЭЛЛОРИ», которую я напечатала в копировальном центре. В ней я собрала рецепты всех десертов, которые мы с тобой готовили вместе, – капкейков и брауни со сливочным сыром, волшебного печенья и домашнего шоколадного пудинга.

– Я подумала: вдруг тебе когда-нибудь захочется снова попробовать наши любимые сладости.

И ты очень вежливо сказала мне спасибо, но я видела, что книжка будет убрана на полку и там забыта.

И внезапно я с мучительной отчетливостью поняла, почему твои врачи не хотели, чтобы я приезжала: потому что этого не хотела ты. Ты пыталась забыть меня. Ты не очень понимала, что именно произошло в Спрингбруке, но понимала, что это было что-то плохое, что взрослые чувствовали себя неуютно, обсуждая эту тему. Поэтому ты оставила это в прошлом и пыталась адаптироваться к своей новой жизни. И я с ошеломляющей ясностью поняла, что мне в ней места нет.

Входная дверь распахнулась, твои сестрички ворвались в дом и, торжествующе распевая «Динь-дон, ведьмы нет!», гуськом прошествовали на второй этаж. Ты с умоляющим видом повернулась к отцу, и его лицо порозовело. Ему явно было неудобно перед нами.

– Это очень невежливо, – прошептал он. – Мэллори с Адрианом приехали издалека, чтобы повидаться с нами. Они привезли тебе очень щедрые подарки.

Но я решила перестать тебя мучить.

– Все в порядке, – произнесла я. – Я не обижаюсь. Я очень рада, что у тебя столько друзей, Флора. Беги к ним наверх. И удачи тебе в первом классе, ладно?

Ты улыбнулась и сказала:

– Спасибо.

Мне, конечно, было бы очень приятно, если бы ты на прощание меня обняла, но ты лишь быстро помахала мне из другого конца комнаты, а потом убежала наверх следом за своими сестричками, и твой голос присоединился к общему хору в финальной строфе, заглушая все остальные:

– Динь-дон, ведьмы зловредной пропал даже сле-е-ед!

И вы все разразились веселыми криками и хохотом, в то время как твой отец сидел, разглядывая свои ботинки.

Он предложил нам еще чаю и кофе и пригласил остаться на обед. Он сказал, что твоя тетя Зои приготовила паприкаш, пряное рагу из козлятины, которое полагалось подавать с яичной лапшой. Но я ответила, что нам, наверное, пора ехать, и объяснила, что мы направляемся в Канаду, на Ниагарский водопад, а оттуда в Торонто.

Мы с Адрианом посидели еще немного, чтобы соблюсти правила приличия, а потом стали собираться.

Твой отец видел, что я расстроена.

– Вы можете попытаться еще раз через несколько лет, – пообещал он. – Когда она станет постарше. Когда она узнает всю историю целиком. Я знаю, что у нее появятся вопросы, Мэллори.

Я поблагодарила его за разрешение, потом поцеловала в щеку и пожелала удачи.

Как только мы вышли на улицу, Адриан обнял меня за талию.

– Все в порядке, – сказала я ему. – Ничего страшного.

– Похоже, у нее все замечательно, Мэллори. Она выглядит счастливой. Она живет на прекрасной ферме в окружении своей семьи и природы. Здесь просто шикарно.

Я понимала, что все это так, и тем не менее.

Наверное, я надеялась, что все пройдет по-другому.

Мы пошли по усыпанной гравием подъездной дорожке обратно к машине. Адриан остановился с водительской стороны и разблокировал двери. Я уже потянулась к ручке, как вдруг услышала позади негромкие шаги, и ты с разбегу впечаталась в меня всем телом. Я обернулась, и ты обхватила руками мою талию и уткнулась лицом мне в живот. Ты ничего не сказала, но слова были бы излишни. И я никогда никому не была так благодарна за объятия.

Потом ты оторвалась от меня и побежала обратно к дому, но только после того, как сунула мне в руки сложенный листок бумаги – последний рисунок на прощание. После этого я никогда больше тебя не видела.

Но я знаю, что твой отец прав.

Когда-нибудь в будущем, лет через десять или через двадцать, тебе захочется узнать о своем прошлом. Ты прочитаешь статью в Википедии про твое похищение, узнаешь все слухи, которыми было окружено твое дело, а возможно, даже заметишь пару-тройку нестыковок в официальном отчете полиции. Возможно, ты задашься вопросом, как Максвеллам удавалось так долго водить окружающих за нос или каким образом двадцатилетняя бывшая наркоманка сложила воедино все части головоломки. Ты захочешь узнать, что же на самом деле произошло в Спрингбруке.

И когда этот день настанет, эта книга будет тебя ждать.
И я тоже.

Благодарности

Я очень рад, что Уилл Стэле и Дуги Хорнер согласились нарисовать картинки для этой книги, когда у меня еще не было в помине ни контракта, ни готовой рукописи, ни даже четкой идеи о том, что это должны быть за картинки. Спасибо вам, ребята, за веру в

проект, за потрясающие иллюстрации и за то, что составили мне компанию во время локдауна.

Доктор Джилл Уоррингтон снабдила меня ценными сведениями относительно наркозависимости, процесса излечения от нее и рецептурных обезболивающих, а ее дочь Грейс обратила мое внимание на кое-какие ляпы в черновике. Рик Чиллот и Стив Хокенсмит прочитали рукопись и подали мне некоторое количество отличных идей. Ник Окрент помог сориентироваться в сказках. Дейдра Смерилло помогла с юридическими вопросами. Джейн Морли снабдила информацией о беге на длинные дистанции. А Эд Милано помог взглянуть на наркозависимость и процесс выздоровления от нее под другим углом.

Дуг Стюарт – отличный парень и фантастический литературный агент. Он представил меня Заку Вагману, потрясающему редактору, который подсказал мне массу способов улучшить эту книгу. Также благодарю Максину Чарлз, Кита Хэйса, Шелли Перрон, Молли Блум, Донну Нотцель и весь коллектив «Flatiron Books»; Дарси Николсон из «Little Brown UK», Брэда Вуда и весь отдел продаж издательства «Macmillan»; Сильвию Молнар, Даниэлу Буковски и Марию Белл из «Sterling Lord Literistic»; Рича Грина и Элленд Голдсмит-Вейн из «Gotham Group»; Каспиана Денниса из «Abner Stein»; Дилана Кларка, Брайана Уильямса и Лорен Фостер из «Dylan Clark Productions», а также Мэнди Бекнер и Лию Гао из «Netflix».

Но больше всего я признателен моей семье, в особенности моей маме (которая работала няней), моему сыну Сэму (который занимается бегом) и моей дочери Анне (которая рисует с тех пор, как научилась держать в руке карандаш). Без них эта книга была бы невозможна. Как и без моей жены, Джулии Скотт, которой посвящена эта книга и принадлежит мое сердце.

notes

Примечания

1

Привет... Как дела? *(исп.)* – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Большая Десятка – старейшая ассоциация студенческих спортивных команд первого дивизиона в США. Вопреки названию, в настоящее время в нее входят команды 14 университетов.

3

Где тебя черти носят? (*исп.*)

4

Скорей! Иди сюда! (*исп.*)

«*Tears in Heaven*» – «Слезы на небесах» (англ.), песня Эрика Клэптона и Уилла Дженнинга, 1991 год.

6

«Черный дрозд» (*англ.*), песня группы «The Beatles», 1968 год.

«Скарлет найтс» – студенческая спортивная сборная Ратгерского университета.

СЫНОК (*исп.*).

Пьюджет-Саунд – система заливов в штате Вашингтон.

Белоголовый орлан – национальный символ США, изображенный на лицевой стороне большой печати, которая также используется как герб США.

День матери празднуется в США во второе воскресенье мая.